

1991 год: взгляд на события 30 спустя

От редакции. В августе 2021 г. отмечается 30-летие «крупнейшей геополитической катастрофы», которая связана с тремя событиями: отказом от советского «реального социализма», распадом СССР и крушением проекта формирования «советского человека». События происходили на фоне глубокого затянувшегося социально-экономического кризиса. Их научное осмысление остается дискуссионным. Мы пригласили к обсуждению сущности, причин и последствий событий 1991 года известных исследователей, полагая, что проблемы, из-за которых произошла «смена эпох», во многом актуальны и в наши дни. Критика привилегий современных власть имущих остается фундаментом протестных настроений, как и критика советской «номенклатуры» 30 лет назад. Этнонациональные конфликты трансформировались из «внутрисоветских» в конфликты между Россией и соседними экс-советскими республиками. Экономика страны находится, как и в последние советские годы, в тяжелом состоянии. Поэтому обсуждение событий начала 1990-х гг. – это не только осмысление прошлого, но извлечение уроков для настоящего. Мы надеемся, что эта подборка послужит импульсом к обсуждению этой сложной и многообразной тематики на страницах не только нашего журнала.

© 2021 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

БЫЛА ЛИ РУКОТВОРНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА СССР?

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. Анализируются причины, условия и факторы событий 1991 года, ставшие точкой отсчета краха СССР, ликвидации первого в мире социалистического государства. Анализируются попытки с разных мировоззренческих и идеологических позиций объяснить ход истории, вернувший Россию в лоно капиталистического пути развития. Оспаривая и отвергая многие из этих объяснений, автор обращает основное внимание на отсутствие в большинстве публикаций и политических заявлений анализа такого ключевого фактора, как игнорирование политической элитой воли народа, а также научных выводов и рекомендаций, которые ориентировали на рациональные, взвешенные и обоснованные средства и методы выхода из кризисного состояния общества. Значительное место уделяется субъективному фактору – как общественному мнению советских людей, так и ограниченности видения тех, кто управлял страной. В результате страна развивалась ни в рамках революционного, ни в рамках эволюционного пути, а вступила на путь турбулентного хаотичного и противоречивого пути развития, который автор именует «обществом травмы». Делается вывод, что геополитическая катастрофа была во многом рукотворна, вызвана не столько объективными, сколько субъективными факторами, сыгравшими определяющую роль в разрушении СССР. Авторские выводы опираются на результаты всесоюзных исследований общественного сознания, осуществленных социологами Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1985–1991 гг.

Ключевые слова: СССР • социализм • капитализм • перестройка • революция • эволюция • общественное сознание • советский человек

DOI: 10.31857/S013216250016071-1

8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще были подписаны соглашения, зафиксировавшие предложенную Г. Бурбулисом, доверенным лицом Б. Ельцина, формулировку: «Советский Союз как геополитическая реальность прекращает свое существование». Вполне закономерно возникает вопрос: как может по воле группы высокопоставленных лиц прекратить свое существование государство, которое было одной из самых могущественных держав мира? Ведь СССР был объективной реальностью, в которой не сомневались даже его враги. Но, тем не менее, это произошло.

Почему же это стало возможным?

Несмотря на многочисленные объяснения условий и причин этой катастрофы, истина в полной мере до сих пор не достигнута. На наш взгляд, это объясняется тем, что из этих попыток практически всегда исключаются состояние и тенденции общественного сознания, ориентации и мнение народа, игнорируется в той или иной мере тот факт, что вершителем судеб своей страны всегда в конечном счете были народные массы. На наш взгляд, справедливо утверждение философа А. Неклесса: «Исторические перевороты предваряются революцией сознания – трансформацией картины мира, социальной ментальности, методов познания с последующей коррекцией практики и образа жизни» [Неклесса, 2019: 9]. Именно они определяют ход истории, несмотря на противоречивые зигзаги в общественном сознании и поведении.

Однако почему же в 1991 г. на первый план вышла не воля народа, а суждения и деятельность «перестроечных» государственных органов, а также различных групп и объединений, которые выражали устремления небольших групп людей, нацеленных на ликвидацию социалистических отношений?

Как объяснялась и/или оправдывалась катастрофа. Итак, 1991 г. стал свидетелем геополитической катастрофы, приведшей к исчезновению одной из мировых держав, в течение более 70 лет олицетворявшей принципиально иной – социалистический – строй. Этот рубеж означал также разрушение советской экономики и принципов ее функционирования. Коренным образом было изменено социальное и политическое лицо страны. Было подвергнуто сомнению существование такого феномена, как «советский человек», который, несмотря на различные истолкования, был реальностью, проявившейся как в принципиально новых мировоззренческих позициях, так и в реальной исторической практике.

Для начала проанализируем существующие точки зрения по объяснению причин этой геополитической катастрофы. Во-первых, была попытка полностью отвергнуть все то, что было связано с марксизмом, с его ленинским воплощением в Октябрьской революции 1917 г., с осуществлением планов строительства новой экономики, культуры, созданием новых общественных отношений. Отвергалось все – и теория, и практика (подробнее см., напр., [Гайдар, 1994; 2005]). Французский социолог А. Берелович, комментируя идеи этих книг, писал, что в них «встречаются недостаточно обоснованные утверждения, произвольно выбранные данные и откровенное игнорирование фактического материала, который не вписывается в концепцию автора». Главный недостаток книг Е.Т. Гайдара он видит в присущем его мышлению «жестком экономическом детерминизме, упраздняющем проблему выбора той или другой альтернативы, а также, что немаловажно, и проблему ответственности политического деятеля» [Берелович, 2005]. В таких произведениях (как и у большинства неolibеральных политиков) авторские идеи подавались с претенциозных позиций – надо было все делать по-иному. Для обоснования авторы заимствовали постулаты чикагской экономической школы (отрицание государственного регулирования), не обращая внимания на то, что ее рекомендации не были последовательно соблюдены даже в США. Но эти рекомендации были не только сформулированы, но и внедрены в новой России, показав сомнительную полезность как отстаиваемой теории, так и реализованной практики. Характерно, что наиболее яркий представитель этого направления, А.Б. Чубайс, демонстративно вышедший из КПСС, употреблял такие уничижительные слова, что надо «забить последний гвоздь в гроб коммунизма». Конечно, при такой гиперкритической оценке не могло быть найдено ничего позитивного в предшествующем опыте страны.

Во-вторых, немало нашлось тех, кто винил во всем неэффективную советскую экономическую систему, для чего использовались разные приемы. Сначала это были обвинения в адрес застоя в период правления Брежнева. Затем последовала критика индустриализации и коллективизации, пятилетних планов развития народного хозяйства, решений по созданию военной промышленности [Иноземцев, 1998; Авен, Кох, 2013].

В-третьих, среди аргументов тех, кто обосновывал неизбежность краха СССР, выделяются доводы обвиняющих во всем политический строй, однопартийную систему, конкретных лидеров КПСС. Для этого обвинения привлекались события «кровожадной» Гражданской войны, политика раскулачивания, преследование интеллигенции, преступления 1937–1938 гг., пакт Молотова–Риббентропа, неудачи первых лет Великой Отечественной войны, произвольные зигзаги в политике Хрущева, отстраненность от активных действий Брежнева, лихорадочность поведения Горбачева. Все это сливалось в сплошную неупорядоченную, стихийную, плохо обоснованную политическую деятельность, которая плохо или совсем не учитывала объективно складывающуюся реальность. В рамках этого подхода отвергались принципы подбора и функционирования партийной и государственной номенклатуры, деятельность общественных организаций, идеологическая работа, направленность международной политики. Среди трудов сторонников этого направления особо выделялись публикации бывшего секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлева, употреблявшего самые оскорбительные определения в адрес той партии, в которой он и отвечал за идеологическую работу [Яковлев, 2001; Тощенко, 2016: 113–151].

В-четвертых, немало тех, кто основную вину за эту катастрофу возлагал на политику перестройки и на ее инициатора М. Горбачева, который, хотя и ощущал необходимость существенных перемен, однако, так и не мог предложить продуманной стратегической программы преобразований, заменив ее блестящими неопределенностями (вроде «нового мышления», «европейского дома», «гласности», «прав человека» и т.п.). Такой выдающийся мыслитель, как А.А. Зиновьев, который подверг резкой критике пороки советского строя в своей книге «Зияющие высоты» (1976), неоднократно говорил позднее: он был не против социализма, не против советского строя – он хотел освободить страну от тревожащих проблем, улучшить жизнь советских людей. Более того, он с горечью признавался, что если бы знал, что эта книга и подобные произведения будут вкладом в крах СССР, то не писал бы их. В книге «Катастрожка» (1989) Зиновьев резко осудил и отверг проводимую Горбачевым политику шарахания, неопределенности и некомпетентности (см. подробнее [Зиновьев, 2003; Ахиезер, 1997; Бутенко, 1990]).

В-пятых, получили распространение разного рода конспирологические теории, при помощи которых доказывалась умышленная деятельность зарубежной закулисы (включая как официальную, так и разведывательную политику), а также действия «внутренних врагов» в виде явной или стихийной «пятой колонны» [Латыш, 2015; Платонов, 2015: 3]. Конечно, враждебная политика Запада (прежде всего, США) сыграла немалую роль в расшатывании устоев СССР, в разрушении имиджа идей социализма. Однако это была не главная и далеко не единственная причина исчезновения Советского Союза. Ведь хотя СССР постоянно подвергался различного рода «идеологическим диверсиям», но до конца 1980-х всегда находились силы и возможности успешно противостоять им.

В заключение следует упомянуть и такую позицию, будто сам народ отверг советскую власть, не хотел сотрудничать с коммунистами. Более того, народ, мол, постоянно критиковал политику перестройки, ее экономические реформы и попытки политического переустройства, поскольку затеянные изменения не приводили к улучшению жизни. Действительно, советские люди требовали реализации обещаний, провозглашенных Горбачевым. Все больше и больше людей сходились в убеждении, что «так жить нельзя» (название фильма известного кинорежиссера С. Говорухина). Высказывались и другие обвинения в адрес народа, страдающего «своеобразной политической невменяемостью» [Ципко, 2020: 8]. Впрочем, означает ли критика, даже самая жесточайшая, что люди хотели именно свергнуть советскую власть, а не совершенствовать ее?

Рассмотрим это на результатах социологических исследований. Наши дальнейшие выводы и предположения построены на данных всесоюзных социологических исследований, которые проводились в 1985–1991 гг. коллективом социологов АОН при ЦК КПСС. В этот период были осуществлены исследования (в том числе в режиме мониторинга) экономического, политического, нравственного и исторического общественного сознания, которые показывали настроения населения СССР с первых лет начала провозглашенных преобразований. Эти исследования охватывали от 3 тыс. до 4,7 тыс. человек в 10–18 регионах страны согласно репрезентативной выборке. Об уникальности исследований такого масштаба говорит тот факт, что в позднесоветский период времени ничего аналогичного не проводилось ни одним из академических или университетских учреждений.

Главный их результат состоял в том, что они показали сложность и неоднозначность отношения советских людей к происходящим событиям в жизни страны. Во-первых, советские люди связывали большие надежды с провозглашенным курсом на перестройку жизни страны. Во-вторых, по ходу ее выполнения в результате неумелого и ошибочного курса постепенно росла критика этого курса: люди высказывали неудовлетворенность ее реализацией и в первую очередь тем, как протекали изменения в их трудовой и повседневной жизни. В-третьих, они не теряли надежду, что ошибочные действия власти можно изменить, и поэтому активизировали свое участие в решение тех проблем, которые непосредственно их касались.

Мнение народа о реальном и будущем существовании советского государства.

Итак, какие проблемы волновали людей в 1980-е гг., в заключительные годы существования советского государства? Были ли они направлены на отрицание советского строя? Рассмотрим прежде всего эволюцию реальных социально-экономических ожиданий.

Начнем с исходных данных. Уже первое исследование (апрель 1986 г. – 4 075 человек, 934 эксперта, 11 регионов) показало, что политику перестройки советские люди в своем большинстве приветствовали, выражали надежду на успешные преобразования, искренне поддерживали провозглашенный курс на осуществление давно назревших перемен. Прежде всего, отметим, что намеченные меры по перестройке экономики обсуждало большинство народа: 67,5% людей постоянно (и еще 28,7% иногда) говорили о них с товарищами по работе или в кругу близких. Интерес к программе перестройки был велик: информацию о ней 84,2% черпали из телепередач, 77,3% – из центральных газет. Это было реакцией на заявление Горбачева, нового Генерального секретаря КПСС, пообещавшего внести значительные коррективы в политику для коренного улучшения жизни народа. На этом первоначальном этапе люди понимали, что сразу невозможно добиться впечатляющих результатов по реализации идей перестройки, но искренне выражали надежду, что в ближайшее время многое изменится к лучшему. Особенно это касалось ожиданий в сфере трудовых отношений, их положения непосредственно на производстве: 37,5% считали, что могли бы больше реализовывать свои способности на работе, а 65,8% утверждали, что могли бы трудиться с еще большей отдачей при улучшении условий и организации труда. Отсюда делался вывод, что советские люди не ограничивались словами поддержки, а проявляли инициативу, считая, что тем самым вносят свой личный вклад в поддерживаемую ими политику перестройки [Перестройка экономического сознания..., 1987: 30, 32].

Однако затем последовали «дела». Одной из первых акций была провозглашена перестройка тяжелой промышленности (напомним для сравнения, что КНР выходила из наследия Мао Цзэдуна путем первостепенного преобразования сельского хозяйства, чтобы накормить все население страны). Затем последовала непродуманная, нанесящая большой экономический и социальный ущерб антиалкогольная кампания, образовавшая огромную финансовую дыру в бюджете страны. За внешне привлекательными призывами уменьшить алкоголизацию населения последовало уничтожение виноградников, закрытие заводов, создание нездорового ажиотажа вокруг доступности спиртных напитков. Хотя первые полтора-два года шли победные реляции о сокращении смертности от снижения

употребления водки и вин, о повышении рождаемости и сокращении заболеваний, скоро стало ясно, что вместо продуманной политики оказались приняты скороспелые законы без консультации с народом (и особенно с экспертами). А ведь в это время и ранее на страницах печати шла активнейшая работа по пропаганде так называемого культурного питания, что было бы более достойным выходом.

Реакцией на эти акции руководства страны стали первые сомнения в плодотворности политики перестройки. В 1988 г. (2741 опрошенный, 668 руководителей производства, 7 регионов) у людей появилась возможность оценивать первые результаты проводимой политики. И здесь социологи столкнулись с неожиданностью: число позитивно оценивающих изменения в экономической и производственной жизни уменьшилось в полтора-два раза. Если в 1986 г. о начале позитивных изменений говорили 27%, то в 1988 г. – только 9% респондентов. Аналогичная пессимистическая оценка получена при оценке организации труда (о ее улучшении заявили соответственно 29 и 19%), условий труда (соответственно 21 и 13%), дисциплины труда (соответственно 88 и 54%) [Экономическое сознание..., 1989: 23]. Примерно в такой же пропорции изменились и ответы руководителей производства. Почему это произошло?

На наш взгляд, начал складываться разрыв между управленческими усилиями власти и реальным положением дел на местах. В верхних эшелонах власти шли бурные обсуждения, что и как надо делать для реализации намеченных задач. Но эти шумные обсуждения «наверху» никак не сказывались на том, что происходило в низовых производственных организациях. Именно при проведении этого исследования в беседе с одним из опрашиваемых данная ситуация получила точную оценку – «наверху шумят, а у нас тишина». Иначе говоря, появились первые и обоснованные сомнения в эффективности перестройки, что поставило под вопрос способность власти умело решать поставленные жизнью проблемы и вывести страну из кризиса, а не ввергать ее в еще более опасное состояние.

Дальнейшие шаги политического руководства лишь усугубляли усложнявшуюся ситуацию. По мере дальнейшего осуществления перестройки происходил рост негативных ситуаций. Горбачев и его приверженцы лихорадочно искали, предлагали и даже внедряли отдельные – очень часто непродуманные – положения, вместо того чтобы принять принципиально новые, кардинальные и неотложные меры по переходу на рыночные отношения, необходимость которых начинали признавать многие советские люди. Горбачев и его команда оказались неспособными генерировать идеи, предложить обществу эффективный путь решения назревших проблем, как это сделали Дэн Сяопин (КНР), Ли Куан Ю (Сингапур) и Махатхир Мохамад (Малайзия). Вместо этого появлялись лоскутные внесистемные законы, которые внешне были ориентированы на решение некоей принципиальной задачи, но, будучи не увязанными с другими проблемами, вели к краху всю советскую экономику. Особенно это проявилось в связи с принятием и внедрением Закона «О кооперации» (1988). Его реализация принесла непоправимый урон: так называемые кооперативы начали высасывать ресурсы из государственных предприятий, заложив основу разграбления национального богатства страны, что привело к дезорганизации производства. Этот акт, при внешней его привлекательности, обернулся огромнейшими потерями.

Поскольку вместо улучшения экономики люди видели ухудшающуюся ситуацию, в сознании людей во все большей степени стали преобладать критические оценки перестройки. В исследовании 1989 г. хозяевами своего предприятия уже считали себя только 7% (в 1986 г. – 28%, в 1988 г. – 11%). И это оценка неувидительна, поскольку, по мнению работников и специалистов, в результате хаотичных преобразований бесхозяйственность выросла (по мнению 26% в 1986 г., 42% в 1989 г.). Одновременно происходило и ухудшение оценок других показателей: если об улучшении организации труда говорили в 1986 г. 44% опрошенных, в 1988 г. 28%, то в 1989 г. лишь 20%; а в отношении условий труда – соответственно 30, 22 и 17% [Экономическое сознание..., 1989: 42, 44]. На наш взгляд, это следствие хаотичных решений по поиску выхода из складывавшейся негативной ситуации в экономике страны и ухудшавшихся показателей развития народного хозяйства.

Этот конфликт интересов народа и официальной политики с каждым годом все возрастал. В 1990 г. об ошибочности экономической политики заявили 62% опрошенных и столько же – 61% – об очень плохой экономической обстановке. Именно в этот период остро встал вопрос о дефиците товаров: трудности с приобретением продовольственных товаров отмечали 70%, промышленных товаров – 82%, с получением бытовых услуг – 54% [Человек и экономика..., 1990: 61, 62, 68, 74]. Более того, обозначились и стали ощущаться такие болезненные проявления, как мафиозные группы и организации, – об этом сказали 46% (!) опрошенных. Главное, люди к 1990 г. в своих ожиданиях теряли надежду на перспективу: положительно оценили возможность в ближайшие один-два года добиться улучшения экономики только 2%, в то время как 53% отвергли такую вероятную перспективу. А если к этому добавить 36% воздержавшихся от оценки, то можно сказать, что уже в 1990 г. отчетливо обозначился крах перестройки. Иначе говоря, невразумительная экономическая политика создавала все условия для разрушения экономики, что очень остро чувствовал народ.

Апофеозом стала оценка в 1991 г. осуществляемой экономической политики – 41% признали ее неправильной, еще 31% скорее неправильной, чем правильной. Иначе говоря, народ к этому времени разочаровался в проводимых мерах по перестройке экономики и фактически отвернулся от нее. Общественное настроение продолжало ухудшаться: 46% согласились с тем, что происходит развал управления народным хозяйством, 48% беспокоил рост цен. Появились и стали расти новые тревоги, которых раньше не было: почти каждый второй (44%) выразил опасение потерять работу из-за начавшихся сокращений рабочих мест. Это проявилось и в том, что на вопрос «Кто, по вашему мнению, может защитить “простого” человека в настоящее время?» 51% респондентов ответили «никто» [Человек и рынок..., 1991: 15, 17, 138, 143, 144].

Означали ли эти данные, что люди выступали против советской власти? Их анализ показывает, что, критикуя многие действия власти в сфере экономики и давая им отрицательную оценку, люди по-прежнему были нацелены на совершенствование имеющегося социального положения. Именно в соответствии с этим пониманием перспектив развития они предлагали пути и методы решения волнующих их проблем. В частности, опрос населения в марте 1991 г. показал, что возросла активность населения по выработке предложений для выхода из кризиса. Росло позитивное отношение к рынку – люди увидели в нем некоторую перспективу по решению назревших проблем. Именно надежда на рынок проявилась в том, что 43% респондентов считали, что они в этих новых обстоятельствах повысят интенсивность и качество своего труда (в мае 1990 г. так считали только 26%), а 39% возлагали надежду на конкуренцию, от которой выиграют потребители.

В этой связи нужно привести следующий впечатляющий факт: в 1990 г. на вопрос, надо ли переходить к рыночным отношениям, о позитивном к ним отношении заявили 28% населения [Политическая борьба..., 1990: 7]. Удивительно, но в это время мы получили казус, который был отвергнут официальными лицами: в этом опросе идею о необходимости введения рыночных отношений поддержали 44% коммунистов. Получается, что рядовые коммунисты (их тогда было более 18 млн) оказались более продвинуты в профессиональном и в гражданском осознании важности такого решения. Именно рядовые коммунисты, а не руководство КПСС, более реально представляли и оценивали назревшие потребности времени.

Появились и другие вполне обоснованные предложения о передаче предприятий в собственность трудовых коллективов. Предлагались и даже осуществлялись такие меры, как совершенствование принципов голосования по выборам депутатов в Верховный Совет СССР, что, правда, дало неоднозначный эффект. Но это был поиск, апробация самых различных вариантов по преобразованию трудовой и повседневной жизни. Уже в 1989 г. 42% людей согласились с необходимостью признания института частной собственности. Были многочисленные предложения по организации торговли, внедрению фермерства, дополнительных мер по подключению военной промышленности к выпуску

гражданской продукции (конверсии). Иначе говоря, народ был полон уверенности в возможность преобразований в рамках существующей политики: их предложения в полной мере вписывались в логику социалистического устройства общества. Однако принимаемые руководством страны меры неуклонно вели к катастрофе.

Политика как поле апробации идей катастрофы СССР. Зигзаги и провалы в экономике одновременно сопровождались пертурбациями в сфере политики. Именно политические процессы стали одним из основных факторов, определивших судьбу страны.

Перестройка в политике началась с провозглашения курса на развитие, укрепление и совершенствование демократии, что и стало вдохновляющей силой для многих людей. Ее первым показателем стало провозглашение гласности как ключевого звена в грядущем преобразовании советского общества. И это приветствовалось большинством людей. Уже в 1987 г. 32,2% отметили, что гласность реально существует и дает свои плоды в виде доступа к любой интересующей людей информации. Советские люди получили, впервые в СССР, возможность обсуждать любые вопросы, в том числе и деятельность руководителей страны. Практически не было никаких запретных тем. Можно было обсуждать все и всех. И это радовало многих. Достаточно сказать, что миллионы телезрителей «прилипали» к экранам телевизоров, по каналам которых передавались заседания Верховного Совета СССР, а потом РСФСР, ранее неинтересные и непривлекательные. Иначе говоря, этот аспект преобразования полностью соответствовал интересам советских людей. Однако одновременно с этим набирал силу сначала малозаметный процесс разрушения мировоззрения советских людей. А начиналось это с простого вопроса: а все ли в порядке было в истории советской страны?

Сначала появилась тема трагических 1937–1938 гг., которая, наряду с приданием гласности преступлений, породила произвольные, а иногда прямо фантастические измышления о количестве жертв. Подспудно начала формироваться мысль о преступности всей советской истории. Этому служили искаженное изложение коллективизации, кронштадтского мятежа, крестьянского восстания в Тамбовской губернии и многого другого, что выдавалось за борьбу против советской коммунистической власти. Нагнетанию негативного настроения способствовали измышления об истории Великой Отечественной войны – про победу, якобы полученную путем «заваливания трупами». Постепенно подошли и к оголтелому отрицанию Октябрьской революции 1917 г. как едва ли не политического разбоя, из чего делался вывод о нелегитимности советской власти.

Параллельно этому шло массивное наступление и в области теории, основ социалистических идей. Причем этот подрыв идей социализма тоже осуществлялся постепенно. Сначала искали «истинные» основы социализма у Г.В. Плеханова, не забывая упомянуть его расхождение с Лениным и непризнание им «октябрьского переворота». Затем искали «плодотворные» идеи у Н. Бухарина и даже у Л. Троцкого. Затем начался поиск пороков и ошибок в творчестве и деятельности В.И. Ленина, начиная от отрицания его вклада в развитие марксизма и завершая «анализом» записок или случайных слов по поводу текущих событий в первые годы советской власти [Котеленец, 2017: 39]. И все это – чтобы показать искусственность советской власти и необходимость не просто отказа от советского прошлого, но и выработки принципиально иного пути развития. Особенно досталось И.В. Сталину, на которого были возложены все грехи, реальные и мнимые, дабы доказать, будто во главе страны стоял преступник.

Как же реагировал народ на эти действия противников советского строя? Соглашаясь с многими критическими замечаниями и даже поддерживая их, советские люди делали прямо противоположный вывод: не свергать советский строй, а совершенствовать его, улучшить. Среди достижений первых лет перестройки 51,4% назвали возможность высказывать свое мнение, 41,4% – голосовать на выборах за своего кандидата, 35,6% – критически высказывать свое мнение о любых процессах в обществе. 27,7% респондентов позитивно отзывались о такой осуществляемой мере, как выборность руководителя. Очень важно отметить, что словесное одобрение принятых мер проявилось в оценке

своей деятельности: 42,5% сказали, что они получили возможность реализовать себя, 37,1% выступили с предложениями и критическими замечаниями по совершенствованию жизни и работы в своих организациях, своем поселении, стране [Перестройка экономического сознания..., 1987: 30–35, 42–45].

Исследование в ноябре 1989 г. (1360 человек, 8 регионов) показало: от абсолютной надежды и уверенности, что политики страны смогут осуществить желаемые перемены, общественное сознание начало склоняться к разочарованию в их способности реализовать провозглашенные цели. С каждым годом росло сомнение, а потом и отвержение предлагаемых мер. В этом исследовании 50% населения (и что особенно поразительно – 2/3 коммунистов) стали отрицать наличие успехов перестройки [Политическое сознание..., 1989: 6, 8]. Именно это исследование впервые показало, что партия де-факто потеряла право на свое монопольное положение в стране. Дальнейшие исследования (июнь 1990 г., 1433 человека) свидетельствовали, что отрицательные оценки деятельности КПСС стали преобладать над положительными (на 9,3 п.п.). Согласно убеждению 61% опрошенных, политика, проводимая руководством страны, им непонятна, она запутана и противоречива. Иначе говоря, в политических оценках населения стало преобладать и даже превалировать мнение о неспособности политической власти решать провозглашенные ей цели. Таким образом, политическое сознание населения также эволюционировало – от радужных надежд до полного разочарования и даже отвержения, но без потери надежды, что это можно исправить, улучшить, совершенствовать.

Итак, политическое сознание советских людей было на распутье. Это усугублялось и действиями руководства страны: шла кадровая чехарда, были открыты двери явным антисоциалистическим движениям. Как апофеоз всего, КПСС была отодвинута от руководства страной, хотя, по мнению председателя КПРФ Г. Зюганова, именно ее надо было превратить в государственную организацию, которая реально управляла бы страной и ее экономикой. Все это – и состояние экономики, и политическая неразбериха – убедительно показывало, что наступает не только крах перестройки, но и крах страны в условиях полного отказа населения поддерживать провозглашенные идеи, которые сначала были так привлекательны.

Некоторые выводы. Данные всесоюзных исследований позволяют сделать вывод, что народ был прав, поддержав провозглашенные идеи по перестройке общества. Но не в меньшей мере он оказался прав, когда перестал их поддерживать, увидев несостоятельность действий руководства страны по их реализации.

Главный итог состоял в том, что, несмотря на критической настрой, 75% населения страны, принявших участие в голосовании на референдуме в марте 1991 г., высказались за сохранение Советского Союза, за его дальнейшее развитие и укрепление. Советские люди при решении судьбы страны чаще всего связывали свое будущее с обществом, которое шло именно по социалистическому пути развития. Однако через полгода это решение народа было проигнорировано. Антисоветские силы пришли к власти и объявили себя победителями. Их любимой аргументацией стало утверждение, что народ не поднялся на поддержку ГКЧП в августе 1991 г. Но этот аргумент игнорирует тот факт, что большинство местных органов власти выступили в поддержку этой акции, однако из-за отсутствия не только вразумительных, но и вообще каких-либо действий со стороны гэкачепистов по реализации провозглашенной ими позиции инициативу перехватили сторонники Ельцина, которые свою позицию постепенно довели до декабря 1991 г., до трагического беловежского соглашения.

А почему, в самом деле, народ промолчал? Во-первых, потому что его привлекло обещание новой власти коренным образом улучшить жизнь народа. А эта идея, конечно, нравилась многим, поскольку людям хотелось жить лучше. Во-вторых, история СССР и КПСС показала, что при всех поворотах политики, при смене первых лиц государства (после Сталина, при смене Хрущева, уходе Брежнева и других), ничего принципиально нового не происходило: менялись некоторые акценты в политике, но всегда была надежда на

улучшение положения, что, кстати, частично оправдывалось. Вот и приход Б.Н. Ельцина к власти тоже рассматривался в массовом сознании с этих позиций – как возможность исправить ситуацию в рамках существования прежней страны. В-третьих, замена СССР на СНГ была облечена во внешне приемлемую форму организации нового государственного объединения по типу конфедерации, в которой военная и внешняя политика, а также финансовая деятельность по-прежнему будут общими при самостоятельном осуществлении каждой из республик. И люди в своем большинстве приняли за истину предлагаемые изменения. В-четвертых, шел невероятный по масштабу обман народа: во всех планах и обещаниях Ельцин и его окружение не говорили о том, что они готовят и намерены поставить страну на путь капиталистического развития, что они отринут все социалистическое, как не оправдавшее себя. И даже первые шаги – авральным переход к рыночным отношениям – не насторожили людей, тем более что Ельциным клятвенно («клягу на рельсы») было заверено, что все трудности будут преодолены к концу 1992 г. (на самом же деле к концу этого года был достигнут совсем другой эффект – 2000% инфляции). Иначе говоря, народ обманули не по мелочам, как это делали советские руководители, ничего принципиально нового не делая, а по крупному – сменив и бесповоротно уничтожив советский строй, долгое время скрывая истинные намерения. Все перечисленное позволяет сделать вывод, что уже в советском обществе стартовал процесс формирования социального неравенства, началась прекаризация труда, произошла потеря гомогенности социальной структуры. Это означало превращение страны в общество травмы (подробнее см.: [Тощенко, 2020]).

К этому стоит добавить еще один значимый вывод, который умалчивается. Речь идет о том, что при решении об «упразднении» Советского Союза не были учтены выводы и рекомендации науки. А ведь Институт системных исследований Академии наук СССР, коллектив которого состоял из ученых практически всех наук (и естественно-научных, и социальных), провел тщательный и скрупулезный анализ существования великих империй прошлого – Британской, Оттоманской, Французской и других, выявляя факторы, приведшие к их падению. Затем с этих позиций было проанализировано состояние СССР и получен вывод (см., напр.: Известия, 15 декабря 1999 г., № 235), что потенциал Советского Союза еще велик и значителен, он мог бы еще существовать 200–220 лет при проведении выверенных и последовательных реформ. Иначе говоря, был сделан вывод о насильственном прекращении существования СССР. А как иначе судить об этой геополитической катастрофе, если и субъективный фактор (мнение народа), и объективные условия (возможность существования еще два века) были полностью проигнорированы?

Приведенных аргументов, на наш взгляд, достаточно для вывода, что эта геополитическая катастрофа была рукотворной. Не были учтены ни позиция народа, ни выводы науки – развитие пошло по пути, навязанному пассивному большинству активным меньшинством, состоящим из амбициозных, желающих получить власть, решительно и антисоветски настроенных людей, готовых к кардинальным переменам в стране и умело скрывающих свои конечные цели. Это тот случай в истории, когда так называемые группы давления, даже будучи сравнительно малочисленными, но хорошо организованными и инициативными, навязывают свой сценарий развития событий при полной атрофии существующей публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 1990-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.
- Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Берелович А. Pro domo sua (Е.Т. Гайдар. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории) // Отечественные записки. 2005. № 6(26). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/pro-domo-sua-e-t-gaydar-dolgoe-vremya-rossiya-v-mire-ocherki-ekonomicheskoy-istorii> (дата обращения: 27.05.2021).
- Бутенко А.П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990.
- Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 1997.
- Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

- Зиновьев А.А. Катастрофа. М.: Алгоритм, 2003.
- Зюганов Г.А. Драма власти. М.: Палея, 1995.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia; Наука, 1998.
- Котеленец Е.А. Битва за Ленина: Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017.
- Латыш Ю.В. Конспирологические теории перестройки и разрушения СССР // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 13. С. 83–91.
- Неклесса А. Кто преодолеет постиндустриальный барьер? // НГ-Наука. 2019. 11 сентября.
- Платонов О.А. Государственная измена. М.: Родная страна, 2013.
- Перестройка экономического сознания и повышение его роли в ускорении социально-экономического развития. М.: АОН при ЦК КПСС, 1987.
- Политическая борьба и политический выбор масс (результаты социологического анализа) // Информационный бюллетень № 8 / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990.
- Политическое сознание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития / Ред. кол. Ж.Т. Тощенко, В.А. Щегорцов, А.И. Яковлев. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989.
- Состояние и тенденции развития экономического сознания на первом этапе перестройки (итоги сравнительного исследования 1986 и 1988 гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойкова и др. М.: АОН, 1988.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Ципко А. Почему мало ценится дарованная свобода // Мир перемен. 2020. № 1. С. 8–22.
- Человек и рынок: социально-политические аспекты // Инф. бюллетень № 5.14 / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1991.
- Человек и экономика (результаты социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990.
- Экономическое сознание трудящихся (итоги сравнительного исследования 1986, 1988 и 1989 гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойкова, Л.Д. Чернышовой. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989.
- Яковлев А. Большевизм – социальная болезнь XX в. // Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории, 2001. С. 5–32.

Статья поступила: 17.05.21. Финальная версия: 08.06.21. Подписана к публикации: 10.06.21.

WAS THE GEOPOLITICAL CATASTROPHE OF THE USSR MAN-MADE?

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities, Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member of RAS, Head of Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Acknowledgements. The paper is written under RNF project No. 18-18-00024.

Abstract. The article analyzes causes, conditions and factors of the 1991 events, which became the starting point for the collapse of the USSR, liquidation of the first socialist state and rejected the possibility to realize socialism and communism ideas. Various attempts are analyzed from different worldview and ideological positions to explain the course that returned Russia to the capitalist path of development. Challenging and rejecting many of these explanations, created under the influence of both purposeful and speculative reasoning and spontaneous conscientious delusions, the article focuses on the absence in most publications and political statements of an analysis of such key factors as ignoring the will of the people and scholarly conclusions and recommendations that focused on rational, balanced and reasonable means and methods of overcoming the crisis-ridden state of society. A significant place is given to the subjective factor – poverty of imagination, limited vision, primitive thought of those ruling the country who failed to offer a scientifically grounded development strategy. As a result, the country evolved in the framework neither of a revolutionary, nor an evolutionary path, but embarked on a turbulent, chaotic and contradictory path of development leading to what the author calls society of trauma. In conclusion, it is stated that the geopolitical catastrophe was largely man-made,

caused by subjective factors that played a decisive role in the destruction of the great country. These conclusions are based on the results of 1985–1991 all-Union studies of social consciousness carried out by sociologists of the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU.

Keywords: USSR, socialism, capitalism, perestroika, revolution, evolution, social consciousness, soviet man.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (1997) *Russia: Critique of Historical Experience*. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russ.)
- Aven P., Koch A. (2013) *Gaidar's Revolution: A First-hand History of the Reforms of the 1990s*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Berelovich A. (2005) Pro domo sua (E.T. Gaidar. For a Long Time. Russia in the World...). Review. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. No. 6(26). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/pro-domo-sua-e-t-gaydar-dolgoe-vremya-rossiya-v-mire-ocherki-ekonomicheskoy-istorii> (accessed 27.05.2021). (In Russ.)
- Butenko A.P. (1990) *Where from and Where We Go: A Philosopher's View of the History of Soviet Society*. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
- Restructuring Economic Consciousness and Increasing its Role in Accelerating Socio-economic Development*. (1987) Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (2005) *For a Long Time. Russia in the World: Essays in Economic History*. Moscow: Delo. (In Russ.)
- Gaidar E.T. (1997) *State and Evolution*. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Inozemtsev V.L. (1998) *Outside the Economic Society: Post-Industrial Theory and Post-Economic Trends in the Present World*. Moscow: Academia; Nauka. (In Russ.)
- Kotelenets E.A. (2017) *Battle for Lenin: Latest Research and Discussion*. Moscow: AIRO-XXI. (In Russ.)
- Latysh Yu.V. (2015) The Conspiracy Theories of Perestroika and the Collapse of the USSR. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"]. Vol. 13: 83–91. (In Russ.)
- Neklessa A. (2019) Who will Overcome the Post-industrial Barrier? *Nezavisimaya gazeta – Nauka* [Independent Newspaper – Science]. September 11. (In Russ.)
- Platonov O.A. (2013) *High Treason*. Moscow: Rodnaya strana. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1990) *Man and Economics (The Results of Sociological Analysis)*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1991) Man and Market: Socio-Political Aspects. *News-bulletin* No. 5.14. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Phantoms of Russian Society*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (ed.) (1990) Political Struggle and Political Choice of the Masses (The Results of Sociological Analysis). *News-bulletin* No. 8. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E., Chernyshova L.D. (eds) (1989) *Economic Consciousness of Workers (The Results of Comparative Research, 1986, 1988 and 1989)*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Boykov V.E. et al. (eds) (1988) *State and Trends in the Development of Economic Consciousness at the First Stage of Perestroika (The Results of a Comparative Study in 1986 and 1988)*. Moscow: AON. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T., Shchegortsov V.A., Yakovlev A.I. (eds) (1990) *Political Consciousness of the Working People in the Conditions of Perestroika and the Acceleration of Socio-economic Development*. Moscow: AON pri TsK KPSS. (In Russ.)
- Tsytko A. (2020) Why the Freedom Granted is of Little Value? *Mir Peremen* [The World of Transformations]. No. 1: 8–22. (In Russ.)
- Yakovlev A. (2001) Bolshevism is a Social Disease of the 20th Century. In: *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression*. Moscow: Tri veka istorii: 5–32. (In Russ.)
- Zinoviev A.A. (2003) *Catastroyka*. Moscow: Algoritm. (In Russ.)
- Zyuganov G.A. (1995) *The Drama of Power*. Moscow: Paleya. (In Russ.)

Received: 17.05.21. Final version: 08.06.21. Accepted: 10.06.21.

Е.В. СЕМЕНОВ

ДОЛГОЕ ЭХО 1991 ГОДА: СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ КАТАСТРОФЫ

СЕМЕНОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (eugen.semenov@inbox.ru).

Аннотация. Крах СССР рассматривается как результат действий советской номенклатуры в условиях борьбы двух мировых систем – социалистической и капиталистической. Социальная структура советского общества, согласно теории Ю.В. Яременко, имела пирамидальное строение и состояла из четырех страт-сословий. Бюрократическая номенклатура, составлявшая правящий класс, в отличие от других страт, не имела возможностей для вертикального роста и была ориентирована на интеграцию в западное общество. Именно правящий класс при вялом сопротивлении других групп населения разрушил социум и государство. Новый правящий класс формировался главным образом за счет разгосударствления собственности и масштабного перераспределения общественного богатства при падении производства и потребления, а не их роста. В геополитическом смысле крах мировой социалистической системы (1989) и последовавший за этим крах Советского Союза (1991) означали полную на тот исторический момент победу мировой капиталистической системы. Анализ развала СССР имеет принципиальное практическое значение для современной России, потому что в стране вновь сформировались номенклатура и административно-командная система.

Ключевые слова: крах СССР • путч 1991 года • современная Россия • перестройка • реформы Гайдара • правящий класс • номенклатура

DOI: 10.31857/S013216250015528-3

Стремительный крах СССР является нетипичным историческим событием, вызывающим много вопросов. В связи с 25-летием этого события «известный американский политик Г. Киссинджер, рассуждая об эффекте распада СССР, писал, что ни одна великая держава никогда не дезинтегрировалась настолько полно и настолько быстро без поражения в войне»¹. За три десятилетия накопилась обширная историография вызывающей удивление катастрофы 1991 года, в которой есть анализ ее внешних и внутренних, объективных и субъективных причин и факторов. Появилось и много работ, содержащих обзор имеющихся версий и концепций [Коршунов, Кочеткова, 2014].

Данная статья содержит размышления автора о смысле и последствиях событий 1991 года, анализом которых он занимался, работая в то время руководителем сектора политического анализа и прогноза в структуре ЦК КПСС, а также в последующее тридцатилетие. Статья основана на личных наблюдениях автора и беседах с большим числом непосредственных участников событий, аналитиков и исследователей.

Накануне перестройки. Почти 30 лет назад автор сформулировал тезис о нарастании настроений капитуляции в советском обществе, условно говоря, после 1968 г. Эти настроения охватывали, хотя и не равномерно, практически все группы населения. «В 1970–1980-х годах в обществе зарождалось смутное ощущение того, что страна проиграла историческое соревнование Западу. Практически во всех социальных слоях нарастали настроения психологической капитуляции. В разных социальных группах они приобретали различные формы, но общей их результирующей было утверждающееся мнение, что “там”, “у них” лучше. И кино, и музыка, и тряпки там лучше, и свободы у них больше.

¹ Мельник Г. Можно ли было спасти СССР? // Парламентская газета. 2016. 22 ноября.

Официальная идеология пыталась противиться таким умонастроениям, но делала это бездушно и казенно. Этнос психологически надломился, росло отчуждение от всего своего, терялась общенациональная идея, жизненная философия людей вырождалась в банальное потребительство, в слепую страсть – успеть пожить» [Семенов, 1993: 26].

В 1970-х – начале 1980-х гг. особо остро ощущалось нарастающее технологическое отставание СССР от передовых стран Запада. Научные и инженерно-технические работники ясно видели, что научно-техническая революция, на которую возлагались огромные надежды, в стране фактически не состоялась. Исключение составлял лишь военно-промышленный комплекс. Многие представители научного и управленческого сообществ высказывали озабоченность по поводу требующих решения проблем. Ясно осознавалось, что необходимы реформы. Но тогда речь шла в основном еще об отдельных проблемах и локальных реформах. Казалось, что развитие социалистического общества в целом, отдельных его сфер и институтов возможно за счет совершенствования, без радикального изменения принципов организации их жизнедеятельности.

С середины 1980-х гг. характер обсуждения проблем развития общества коренным образом изменился – стали говорить о необходимости комплексной реформы как глубокого системного преобразования. Конструктивных идей, впрочем, было немного, вместо конструктивности предлагалась радикальность. Разум целенаправленной системной реформы уже отступал под напором безумия радикальной революции.

Реформа по своей сути – это созидательное, а не разрушительное действие; изменение системы в направлении ее развития, а не деградации; изменение целостное, а не фрагментарное и хаотичное. Но с 1987 г. даже руководство правящей партии в лице М.С. Горбачева заговорило о перестройке не как о реформе, а как о «революционном» преобразовании социалистического общества. В книге М.С. Горбачева «Перестройка для нашей страны и для всего мира» утверждалось: «Очень важно не “засидеться” на старте, преодолеть отставание, вырваться из трясины консерватизма, сломать инерцию застоя. Это невозможно сделать эволюционно, с помощью робкой, ползучей реформы» [Горбачев, 1987: 48]. Сам ее автор, возможно, считал, что набор использованных им клише является системой реальных мер, позволяющих осуществить преобразование общества. Значительная часть общества в то время уже думала глубже и видела дальше.

Во второй половине 1980-х гг. в интеллектуальной среде страны бурно обсуждалась идея глубокого преобразования общества и выстраивания его на основе принципов рынка и демократии. Идеологема рынка и демократии была сутью реформаторской идеологии, выработанной советской интеллигенцией в соавторстве с частью партийной номенклатуры. Рынок и демократия были при этом скорее символами и метафорами, чем конструктивными целями, а «само требование перехода к рынку носило в своих истоках моральный, а не экономический характер» [Яременко, 1998: 36]. В обществе доминировало представление, согласно которому рынок и демократия либо в условиях *обновленного социализма* (коммунисты), либо *вместо социализма* (оппозиционная интеллигенция) позволят стране преодолеть остро ощущавшееся критически опасное отставание от развитых стран Запада.

Огромное отставание страны в технологическом развитии признавалось даже официальной идеологией. Так, в 1989 г. М.С. Горбачев в одной из своих статей писал, что в годы «застоя» и «упущенных возможностей» в СССР «недооценили значения совершившегося переворота в науке и технике и не сделали практических шагов в этом направлении, хотя и много говорилось о необходимости соединения достижений НТР – причем новейшего его этапа – с преимуществами социализма. В результате в общецивилизационном плане в ряде важных сфер и направлений мы остались как бы в прошлой технологической эпохе, а страны Запада перешли в другую – эпоху высоких технологий, принципиально новых взаимосвязей науки и производства, новых форм жизнеобеспечения людей, вплоть до быта» [Горбачев, 1989: 10].

Корни отставания при этом виделись (в зависимости от идеологической платформы наблюдателя) либо в технологическом базисе общества, низком научно-техническом

уровне производства, пропущенной научно-технической революции, либо в экономическом и политическом строе, в социализме и коммунистической идеологии. Сторонники идей рынка и демократии были чрезвычайно неоднородны по составу, а их временное идеологическое единство – крайне неустойчивым, ситуативным и даже иллюзорным. Своего рода манифестом этой неустойчивой эклектической идеологии рыночно-демократической реформы советского общества был сборник статей «Иного не дано» [1988].

Уже в начале 1989 г. на первом Съезде народных депутатов СССР это единство разрушилось и ясно обозначились две стратегии рыночно-демократических реформ. Одна рассматривала рынок и демократию как способ системного *преобразования социализма*, другая считала их *альтернативой социализму*, способом избавления от него. Борьба этих стратегий закончилась в 1991 г. крахом СССР и социализма. В отличие от КНР, в России возобладала вторая стратегия.

Перестройка как механизм саморазрушения. Перестройка оказалась не реформой существующей системы, а механизмом ее саморазрушения, способом суицида. Это относится и к социуму в целом, и к отдельным его сферам, в частности к науке, на примере которой хорошо видно, что в годы перестройки реформа науки не состоялась (впрочем, не состоялась она и в постсоветский период [Семенов, 2021]). Доминировали не те действия и шаги, которые могли бы конструктивно трансформировать малоэффективный, но все еще дееспособный национальный научно-технологический комплекс и обеспечить его управляемый переход в новое состояние, а действия в духе «демонтажа» и «слома», лишь повреждающие и расшатывающие прежнюю, пусть устаревшую, но целостную конструкцию. Такой же была и перестройка всего социума в целом.

Разумеется, встает вопрос: почему все так произошло? По мнению преобладающего большинства исследователей, перестройка произвольно, почти случайно, запустила процесс дезорганизации и саморазрушения общества. «Сама перестройка, – по словам экономиста Ю.В. Яременко, – поначалу ничего неожиданного не предвещала, она была очередной идеологической кампанией. Но эта кампания повлекла за собой некоторые политические сдвиги, которые сделали ситуацию неуправляемой. Они показали, до какой степени все прогнило» [Яременко, 1998: 116].

Соглашаясь с оценкой утраты управляемости как ключевого фактора процесса разрушения общества, не поддерживаю мнения о первоначально чисто идеологическом характере перестройки. Думаю, что исходно это был процесс демонтажа политической системы. В 1990–1991 гг. автор имел возможность общаться с рядом людей из окружения руководства страны. По одному из свидетельств, «в своем кругу» руководители (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, В.А. Медведев) говорили, что «главная задача – это ликвидация самодержавия КПСС». Именно успешное решение этой задачи в 1990 г. привело к разрушению политической системы и утрате управляемости, а в конечном итоге – к обрушению всей структуры социума и разрушению страны в 1991 г.

Номенклатура. Отметив нарастающее технологическое и экономическое отставание страны от наиболее развитых стран мира, а также массовое разочарование советских людей в существующих порядках и массовую психологическую капитуляцию перед Западом, особо выделяю роль советской бюрократии в крахе страны. Известный экономист Ю.В. Яременко, член ЦК КПСС (1990–1991) и экономический советник М.С. Горбачева (1991), предложил, полагаю, наиболее верное объяснение, из чего возникла перестройка и что предопределило ее закономерный итог. Сделано это им было в последние годы жизни, уже после гибели СССР, в основном не в публикациях, а в выступлениях и частных беседах (в том числе с автором этих строк). К счастью, замечательные записи своих бесед с Ю.В. Яременко сделал и опубликовал его коллега С.А. Белановский [Яременко, 1998].

По мнению Ю.В. Яременко, причины саморазрушения коренятся в особом пирамидальном устройстве советского общества и в той роли, которую в нем играла бюрократия. К сталинскому периоду он относит формирование «социальных страт с разным уровнем привилегий», в результате чего сложилось общество, которое «было сословным, причем

каждое вышестоящее сословие обладало определенными привилегиями». Это была «иерархия социальных сред», «иерархически построенная система социальных гарантий» [Яременко, 1998: 111]. Такая система обеспечивала «высокую мотивацию продвижения по социальной лестнице» [там же: 30]. Аналогичным образом выстраивалась «технологическая структура экономики». Она имела «пирамидальное строение», иерархию «технологических уровней, в соответствии с которыми осуществляется распределение ресурсов» [там же: 102]. Технологическую и социальную пирамиды объединял лежащий в их основе принцип распределения ресурсов: «Вся социальная структура нашего общества в какой-то степени была подстроена под структуру распределения ресурсов, коррелировала с ней» [там же: 110].

Советское общество рассматривалось Ю.В. Яременко как пирамида, состоящая из четырех ступеней. Первую из них заполняли массы самых пораженных в своих правах граждан – заключенные (зэки), вторую – беспаспортное крестьянство, третью – рабочие и другие рядовые горожане, четвертую – номенклатура. Учитывая урбанизацию, сокращение доли сельского населения и доли нижней страты, пирамида все больше приобретала форму бочки. Такое общественное устройство, говорил он, побуждало всех (кроме номенклатуры) стремиться подняться на более высокую ступень. Только номенклатуре некуда было расти внутри системы, и она ориентировалась на «заграницу» – устраивала детей в соответствующие вузы и на последующую работу в посольствах, торгпредствах, корреспондентских пунктах и т.п.

Именно номенклатура оказалась актором перестройки, а ее коррумпированная часть – главным бенефициаром краха общественной системы и страны. Номенклатурная верхушка, прежде всего ее коррумпированная часть, разрушила всю пирамиду в процессе перестройки. Именно разрушила, а не реформировала, не модернизировала или каким-то другим образом трансформировала в новое состояние. Общество в целом было плохо готово к другому варианту развития, к реформе, что и было «экспериментально установлено» в ходе реформы начала 1990-х гг.

Эта история поучительна и исключительно важна для современной России, поскольку в стране в целом воспроизвелись и номенклатура, и административно-командная система управления, хотя и не тождественные прежним советским прототипам периода «развитого социализма», но относящиеся к тому же историческому типу. По характеристике О.И. Ожерельева, произошел лишь переход от «бюрократо-социализма» к «бюрократо-феодалному капитализму» [Ожерельев, 2016: 94-117]. И вновь, как в годы перестройки, оценки роли номенклатуры в современной жизни России и в решении ее будущей исторической судьбы резко расходятся (показательна в этом отношении дискуссия между Ю.А. Нисневичем [2018] и А.В. Новокрещеновым [2020]).

Разгосударствление. Еще в годы перестройки ее главный идеолог А.Н. Яковлев писал о необходимости разгосударствления собственности в целях ликвидации экономического базиса монопольной власти бюрократии. «Механизм застоя», по его словам, основывался на экономическом базисе государственной собственности: «В сфере базиса такой причиной стала практическая абсолютизация государственной собственности. Приравнение ее к высшей форме собственности – общенародной, что на деле обернулось приматом администрирования, расширением пространства для бюрократизма... Отсюда стремление "огосударствить" все и вся, связывая любые успехи, достижения с административными методами управления» [Яковлев, 1987: 12–13].

После краха СССР формирование нового правящегося класса осуществлялось главным образом за счет разгосударствления. Как уже отмечалось [Семенов, 2021], интересы новой власти были связаны с форсированным разгосударствлением и скорейшим формированием «класса собственников». Скорость преобразований в 1990-е ставилась выше качества и эффективности. Кому пришлось в то время взаимодействовать с министерствами и правительством, хорошо знают, что в тех кругах открыто говорилось: не важно, в какие руки сейчас перейдет собственность, первоначальный состав класса

собственников не может быть качественным и эффективным, зато потом «пена сойдет» и рынок все расставит по своим местам.

Характерно, что и через четверть века главным результатом реформы Е.Т. Гайдара ее бенефициары считают именно и только появление в стране частной собственности, оставляя без внимания вопросы способов ее формирования, качества возникшего класса собственников и цены, заплаченной страной за «первоначальное накопление». Так, в связи с 25-летием реформ Гайдара О.В. Вьюгин говорил, что «если одним словом назвать суть реформ 90-х годов, то это – частная собственность... Все остальное – это то, что должно было последовать за частной собственностью» [Российская экономика..., 2016: 6]. По его мнению, главное, что «все-таки произошло юридическое оформление прав собственности на советское наследие... Наследие было очень богатое, и произошло юридическое оформление частной собственности на средства производства» [Российская экономика..., 2016: 7]. Полемицируя с этой точкой зрения, академик В.М. Полтерович заметил, что, по подсчетам А. Маркевича и М. Харрисона [2013], «относительные потери ВВП в 90-е годы в России были выше, чем суммарные потери за годы террора и годы Второй мировой войны. При оценке реформ мы должны абстрагироваться от этих потерь или все-таки их тоже учесть?» [Российская экономика..., 2016].

Способ формирования класса собственников самым существенным образом сказался на его качестве и на качестве самого института частной собственности. К. Рогов замечает по этому поводу, что «большинству постсоветских стран удалось создать рыночную экономику, основанную на свободном ценообразовании, относительной свободе предпринимательства и свободе распоряжения прибылью, но не удалось воспроизвести или утвердить институт собственности в том виде, какой он приобрел на Западе» [Рогов, 2021: 42].

Новый правящий класс. Разгосударствление было не единственным, но важнейшим механизмом формирования нового правящего класса. Еще в 1993 г. нами уже было предложено видение происходящего со страной: «Подлинный исторический смысл происходящего в России и с Россией состоит в смене классовой элиты, в формировании нового правящего класса, подминающего под себя общество и обустривающегося в нем. Именно этим, вкупе с глобальным геополитическим противоборством стран и их группировок на становящейся все более тесной планете, объясняется то, что уже произошло с Союзом и теперь происходит с экономикой и государственностью России. Внутренний процесс ломки общества нарождающимся и обустривающимся новым правящим классом сомкнулся с мощнейшим внешним давлением на страну. Холодная война закончилась хладнокровным добиванием капитулировавшего и раздираемого внутренними противоречиями побежденного» [Семенов, 1993: 26].

Катастрофа страны в 1991 г. открыла путь масштабному имущественному расслоению общества. Практически одновременно в 1992 г. разрыв в доходах между 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных вырос с 3,5 раза до 16 раз, что превысило уровень неравенства в Западной Европе и США в тот период. Прежний средний класс, в который входили инженерно-технические и научные работники, профессорско-преподавательский и офицерский корпус, квалифицированные рабочие, другие группы, перестал существовать. Новый средний класс, о чем постоянно говорилось в начале 1990-х гг., долго не формировался. Реально шел процесс стремительной поляризации общества по уровню доходов. И этот процесс был результатом сознательной политики группы радикалов, захватившей власть в стране и выражавшей интересы бенефициаров разгосударствления собственности.

Существуют совершенно откровенные высказывания Е.Т. Гайдара и других представителей руководства государства того времени о сознательном форсировании масштабного расслоения. Так, Е.Т. Гайдар писал: «Шанс на спасение [России. – Прим. Е.С.] был единственный – скинуться на стартовый капитал для реформы всем миром», что было,

по его мнению, необходимо для форсированного создания «социальной базы реформ»². Стремительно осуществленное мощное расслоение общества было *запланированным* результатом государственной политики, а не ее *побочным* продуктом. Ограбленное население страны, оказывается, «скинулось» на стартовый капитал для реформы, т.е. на миллиардные состояния небольшого числа кланов, связанных с «семьей» Б.Н. Ельцина.

Для характеристики способа формирования нового правящего класса важно учитывать не только то, что он создавался за счет форсированного масштабного перераспределения собственности, но и то, что это перераспределение происходило на основе значительного падения производства. Гигантский перераспределительный процесс подавил производство и научно-технологическое развитие, закон и государство, культуру и нравственность. Страна была принесена в жертву новой классовой «элите».

В межвидовой борьбе «элит» новые хозяева жизни одолели прежнюю расслабленную номенклатуру. Но является ли это благом для страны? Прежняя номенклатура была неэффективно хозяйствовавшим, но и относительно дешевым классом. Это обычная картина для бедных обществ. Новый класс дорого стоит обществу, хотя его деловые и гражданские качества более чем сомнительны. Будь мы – граждане – тогда менее экзальтированы и более разборчивы в своем отношении к назревшим, но трудным переменам, наш выбор оказался бы ответственнее, а последствия его – не так плачевны.

Второй раз за XX в. – после «революции» в начале века и «реформы» в его конце – в стране родился правящий класс, способом экономического утверждения которого было не созидание, а насильственное перераспределение в свою пользу чужой собственности. И вновь первыми непосредственными результатами его деятельности оказались деградация экономики и распад государственности.

Геополитический смысл. До 1991 г. в мире «совражествовали» две самодостаточные системы – капиталистическая и социалистическая. Более полувека казалось, что социалистическая система теснит капиталистическую. Но в последней четверти века все полностью перевернулось: от социалистической системы отпал и прилепился к капиталистической системе коммунистический Китай, затем разрушился весь социалистический лагерь в Центральной и Восточной Европе и, наконец, обрушился Советский Союз.

В чем исторический смысл этого процесса? Полагаем, что выигравшая историческое соревнование мировая капиталистическая система занялась разборкой проигравшей системы на запчасти и их утилизацией. Такой осколок СССР, как Россия, не монтируется в доминирующую мировую капиталистическую систему. Поэтому-то для западного мира стоит вопрос о продолжении дробления остатков побежденной системы, т.е. России. Но в данном случае Запад столкнулся с более крепкой целостностью, чем СССР или, тем более, социалистический лагерь. И сейчас либо распадом России продолжится 1991 год, либо глобальный процесс в силу устойчивости России каким-то образом изменит направленность.

Говоря о прошедшем после краха коммунистической системы 30-летию, болгарский исследователь И. Крастев называет его эпохой подражания или эпохой имитации. По его словам, «именно 1989 год ознаменовал начало» этой эпохи. Но «после первоначального увлечения идеей копирования западной модели в разных частях мира, лишённого политических и идеологических альтернатив, поднимается все более явное отвращение к политике подражания. Именно это отсутствие альтернатив, а не гравитационное притяжение авторитарного прошлого или исторически укоренившаяся враждебность к либерализму лучше всего объясняет антизападные настроения, преимущественно доминирующие сегодня в посткоммунистических обществах» [Крастев, 2021: 48]. Псевдокапитализм периферии развитого капиталистического мира – возможное будущее России, если правящий класс страны продолжит выпрашивать себе место в его прихожей и если российское общество не найдет в себе сил освободиться от господства компраторских кланов.

²Гайдар Е. В год Петуха должен наступить рассвет // Комсомольская правда. 1993. № 5.

Изучение краха СССР в 1991 г. имеет принципиальное практическое значение для современной России, потому что в стране вновь сформировались номенклатура и административно-командное управление, и потому, что победившая мировая капиталистическая система приступила к непосредственному поглощению России, как последнего крупного осколка поверженной системы. От способности России выстоять в этой геополитической борьбе принципиально зависит направление дальнейшего глобального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбачев М.С. Перестройка для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987.
- Горбачев М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка // Коммунист. 1989. № 18. С. 3–20. Иного не дано / Под ред. Ю.А. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.
- Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Историография Распада СССР // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6. URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7259> (дата обращения: 28.05.2021).
- Крастев И. Тернии «нормальности»: конец эпохи имитации // Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя. Кол. моногр. / Под ред. К. Рогова. М.: НЛО, 2021. С. 46–65.
- Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013.
- Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 143–151. DOI: 10.31857/S013216250000769-8.
- Новокрещенов А.В. Номенклатура как кадровая технология и механизм государственного управления (по поводу статьи Ю.А. Нисневича) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 132–137. DOI: 10.31857/S013216250008331-7.
- Ожерельев О.И. Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М.: Худ. лит-ра, 2016.
- Рогов К. Введение: драма ожиданий/драма пониманий: тридцать лет транзита и споров о нем // Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя. Кол. моногр. / Под ред. К. Рогова. М.: НЛО, 2021. С. 8–45.
- Российская экономика: обособленность и устойчивость: К 25-летию рыночных реформ. Вып. 83 / Под ред. Н.М. Румянцевой. М.: Никитский клуб, 2016.
- Семенов Е.В. Несостоявшаяся реформа науки // ЭКО. 2021. № 3. С. 122–139. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-3-122-139.
- Семенов Е.В. Смысл происходящего, контуры грядущего // Alma mater. 1993. № 5. Вып. 2: Лики России. С. 26–30.
- Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015.
- Яковлев А.Н. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 12–13.
- Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. М.: ЦИС, 1998.

Статья поступила: 31.05.21. Принята к публикации: 30.06.21.

A LONG ECHO OF 1991: SOCIAL MEANING OF COUNTRY'S DISASTER

SEMENOV E.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Evgeny V. SEMENOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (eugen.semenov@inbox.ru).

Abstract. The article deals with social meaning of the collapse of the USSR (seen as a result of the actions of the Soviet Nomenklatura) in context of the struggle between socialist and capitalist world-systems. The social structure of Soviet society, according to the theory of Yu.V. Yaremenko, had a pyramidal structure and consisted of four strata-estates. The bureaucratic nomenclature that made up the ruling class, unlike other strata, did not have opportunities for internal vertical growth and was focused on integration into Western society. This ruling class, despite sluggish resistance of other social groups, destroyed society and the state altogether. A new ruling class took shape mainly due to the denationalization of property and through large-scale redistribution of social wealth,

complemented with drop in production and consumption, rather than their growth. In a geopolitical sense, the collapse of the global socialist system (1989) and subsequent collapse of the Soviet Union (1991) meant complete victory of the world capitalist system at a particular historical moment. From that moment on, the continuing absorption of the fragments of the defeated system by the winning system began. Collapse of the USSR in 1991 is of fundamental practical importance for contemporary Russia. First, because the nomenclature and the administrative-command system have re-formed in the country, and, second, because victorious global capitalist system has begun to directly absorb Russia, as the last remaining large fragment of the defeated system. Such absorption became possible either due to the fragmentation of the country, or due to its transformation into the periphery of the developed capitalist world. This, in turn, presupposes an isolation of the country and keeping it in a state of technological and economic backwardness. The direction of further global development fundamentally depends on Russia's ability to withstand this geopolitical struggle.

Keywords: collapse of the USSR, putsch of 1991, contemporary Russia, perestroika, Gaidar's reforms, ruling class, nomenclature.

REFERENCES

- Afanasiev Yu.A. (ed.) (1988) *Nothing Else is Given*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gorbachev M.S. (1987) *Perestroika for our Country and for the Whole World*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Gorbachev M.S. (1989) The Socialist Idea and Revolutionary Perestroika. *Kommunist* [Communist]. No. 18: 3–20. (In Russ.)
- Korshunov M.M., Kochetkova M.V. (2014) Historiography of the Soviet Collapse. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Scientific Researches]. No. 6. URL: <https://human.snauka.ru/2014/06/7259> (accessed 28.05.2021). (In Russ.)
- Krastev I. (2021) Thorns of "Normality": The End of the Era of Imitation. In: Rogov K. (ed.) *Dismantling of Communism: Thirty Years Later*. Moscow: NLO: 46–65. (In Russ.)
- Markevich A., Harrison M. (2013) *World War I, Civil War, and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Nisnevich Yu.A. (2018) Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Stratum in the post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 143–151. DOI: 10.31857/5013216250000769-8. (In Russ.)
- Novokreshchenov A.V. (2020) Nomenclature as Personnel Technology and a Mechanism of State Administration (regarding Yu.A. Nisnevich's article). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 132–137. DOI: 10.31857/5013216250008331-7. (In Russ.)
- Ozherelyev O.I. (2016) *Ideals and Crimes. Recent History of Russia: Dialectics of Events*. Moscow: Hud. lit-ra. (In Russ.)
- Rogov K. (2021) Introduction: Drama of Expectation/Drama of an Understanding: Thirty Years of a Transit and Disputes About it. In: Rogov K. (ed.) *Dismantling of Communism: Thirty Years Later*. Moscow: NLO: 8–45. (In Russ.)
- Rumyantseva N.M. (ed.) (2016) *Russian Economy: Isolation and Stability. On the 25th Anniversary of Market Reforms*. Iss. 83. Moscow: Nikitskiy Klub. (In Russ.)
- Semenov E.V. (2021) A Failed Reform of Science. *EKO* [ECO]. No. 3: 122–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-122-139. (In Russ.)
- Semenov E.V. (1993) Meaning of Things Happening, Contours of Things Coming. *Alma mater*. No. 5. Iss. 2: Faces of Russia: 26–30. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2015) *Phantoms of a Russian Society*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Yakovlev A.N. (1987) Achieving a Qualitatively New State of Soviet Society and Social Sciences. *Kommunist* [Communist]. No. 8: 12–13. (In Russ.)
- Yaremenko Yu.V. (1998) *Economic Conversations*. Recorded by S.A. Belanovsky. Moscow: TsIS. (In Russ.)

Received: 31.05.21. Accepted: 30.06.21.

Н.Е. ТИХОНОВА

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНЕЦ 1980-х – КОНЕЦ 2010-х гг.

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (netichon@rambler.ru).

Аннотация. Охарактеризованы специфика социальной структуры советского общества, трех этапов ее трансформации в период с конца 1980-х до конца 2010-х гг. и модели стратификации современного российского общества. Зафиксировано, что ключевые основания социальной дифференциации позднесоветского общества (сращенность власти и собственности, роль немонетарных привилегий и т.д.) сохраняли свое значение весь этот период, хотя в 1990-х гг. исчезла значимость для стратификации доступа к «дефициту», а с конца 2000-х начала сокращаться и значимость наличия высшего образования. При этом уже в 1990-е гг. резко выросла роль таких факторов социальной дифференциации, как накопленное богатство, текущие доходы, устойчивость занятости и ресурс социальных сетей, а с 2000-х гг. – наличие в занятости признаков прекарности, а также социальное происхождение человека. Продемонстрировано, что социальная структура России состоит сейчас из четырех основных макрогрупп: «верхушки» общества, сосредоточившей основной объем власти и собственности (верхние 5%), и трех противостоящих ей страт, объединяющих представителей массовых слоев населения. В числе последних – привилегированная на фоне остальных россиян страта, составляющая чуть менее 20%; медианная страта, включающая около половины всего населения и задающая типичный для современной России стандарт жизни; нижняя страта, объединяющая около четверти россиян, в жизни которых доминируют нетипичные для среднего россиянина депривации и риски. При определении места в стратификационной иерархии двух первых из этих макрогрупп решающую роль играют объем и характер ресурсов, определяющие их место на разного рода рынках (в том числе на рынке труда), что позволяет рассматривать их как базу формирования высшего и среднего классов. Однако для попадания в состав медианной или нижней страт решающую роль играют неравенства неклассового типа (возраст, здоровье, состав семьи и т.п.).

Ключевые слова: социальная структура • социальная стратификация • страты • социальные неравенства • российское общество

DOI: 10.31857/S013216250014308-1

Последние три десятилетия привели к серьезным переменам не только в экономической, но и в социальной жизни страны, резко изменили структуру российского общества. Как она выглядела в начале этих преобразований и как изменилась за это время? Под влиянием каких факторов произошли эти изменения? И, главное, как выглядит эта структура сегодня?

Основные этапы эволюции социальной структуры России. Советское общество характеризовалось слиянием властных отношений с отношениями собственности. Реальную основу социальной структуры составляло в нем, прежде всего, место в системе властных отношений, в том числе контроля над распределением всех видов ресурсов. Соответственно, общество разделялось на две основные группы: 1) «управляющие», выполнявшие распорядительные и распределительные функции, и 2) «управляемые», т.е. рядовые работники, различия между которыми были весьма относительны. При определении статуса «управляющих» решающую роль имели объем и характер властных полномочий, которыми они располагали. Для определения статуса «управляемых» (рядового населения) решающее значение имели должность и работа в приоритетных отраслях,

куда направлялось значительно больше ресурсов, чем в обычные отрасли. И то, и другое в значительной степени зависело от образования человека. Большое значение в определении статуса имели также регион и тип населенного пункта, в которых он проживал.

Все эти объективные факторы влияли на положение представителей массовых слоев населения в структуре общества, определяя не только степень их благополучия и особенности занятости, но и престиж положения. Отражением особенностей положения рядовых россиян в стратификационной системе¹ выступало тогда, прежде всего, наличие имевшихся у них привилегий (престижной работы, хороших условий труда, лучшего медицинского обслуживания и т.д.). Привилегии эти были очень разными по своему характеру, но именно они отражали наиболее важные формы существовавшего в обществе социального неравенства в труде и потреблении.

Социальная структура советского общества включала десятки групп, но укрупненно состояла из четырех:

1) рабочих, колхозников и массовой интеллигенции, составлявших гомогенное большинство общества, чей стандарт жизни воспринимался как «типичный» для общества в целом. Именно по отношению к ним на шкале социальных статусов и начинался отсчет вверх или вниз. Наиболее бедная их часть хотя и имела (как правило, в силу специфики семейного положения) доходы ниже остальных, все же была в состоянии вести почти общепринятый образ жизни, и в этом смысле не составляла особой социальной группы;

2) расположенных выше них в социальной иерархии сравнительно немногочисленных (от 13 до 20–30% населения страны по разным оценкам [Стариков, 1990; Наумова, 1990]) привилегированных слоев, включавших руководство небольших предприятий, среднее звено руководителей крупных предприятий, высококвалифицированных специалистов, а также тех, чья основная деятельность предполагала возможности неформального перераспределения благ;

3) расположенных в этой иерархии ниже основной массы населения немногочисленных люмпенов (социального дна);

4) противостоявших всем им «управляющих»². В конце 1980-х гг., когда появились представители малого бизнеса, они вошли в основном в состав второй из этих групп.

Ключевой особенностью социальной структуры, с которой Россия вступила в полосу резких трансформаций, выступала, впрочем, не только роль власти и привилегий как ключевых оснований, определяющих место человека в социальной иерархии, но и то, что монетарные формы неравенств играли в ней для определения статусной позиции человека относительно небольшую роль. Во многом это обуславливалось тем, что глубина самих этих неравенств была невелика. Так, даже в 1992 г., в момент начала масштабных экономических реформ, децильный коэффициент фондов, демонстрирующий глубину разрыва в доходах верхних и нижних 10% населения, достигал всего 8 раз.

Ситуация полностью изменилась с началом рыночных реформ. В 1990-х гг. в России одновременно развернулись сразу несколько процессов, влиявших на формирование как новых оснований, так и новых элементов ее социальной структуры. В числе этих процессов были, во-первых, возникновение свободного рынка товаров и услуг и постепенное его насыщение с одновременной утратой связи многих немонетарных форм неравенства с местом работы. Во-вторых, становление частного сектора, снизившее защищенность прав работников и усилившее их дифференциацию по этому признаку. В-третьих, для наиболее квалифицированных специалистов в частном секторе в 1990-е гг. заметно повысилась

¹ Термин «стратификационная система» используется в статье как синоним «социальной стратификации» и «статусной иерархии». Все они описывают вертикально организованную модель социальной структуры, характерную и для современной России.

² Деление населения страны при анализе социальной структуры общества на «управляющих» и «управляемых» утвердилось в отечественной науке с конца 1980-х гг. и неоднократно использовалось впоследствии, став уже устоявшимся. Подробнее о социальной структуре позднесоветской эпохи см.: [Заславская, 1996; Радаев, Шкаратан, 1996; Тихонова, 1999; Шкаратан, 2012].

роль образования и квалификации, экономическая отдача от которых возросла. В-четвертых, усилилось разнообразие социальных структур крупных территориальных общностей. В-пятых, произошло колоссальное углубление социальной дифференциации и резкое увеличение численности «социальных низов»: доля населения со среднедушевыми доходами менее одного прожиточного минимума возросла, судя по данным ФСГС РФ, с 2,8% в 1989 г. до 28,4% к 1999 г., когда она достигла своих «пиковых» значений [СССР..., 1990: 79]. В-шестых, активно шедшая в 1990-х гг. структурная перестройка экономики вызвала «проседание», в том числе и с точки зрения престижности занятости в них, одних отраслей (например, ВПК) и бурный рост других (например, финансовой сферы). В-седьмых, «существенно изменилась сравнительная значимость компонентов социального статуса. Если в стратификации советского общества доминировал административно-должностной критерий, то к середине 1990-х годов решающую роль приобрел критерий собственности и доходов» [Заславская, 1996: 18].

Завершение первого этапа трансформации социальной структуры российского общества ознаменовалось кризисом 1998–1999 гг. и сменой руководства страны. Пришедшийся на 2000-е гг. второй этап этой трансформации характеризовался прежде всего завершением структурной перестройки российской экономики и активизацией реализуемой государством социальной политики. Под влиянием этих факторов произошел своего рода разворот ряда тенденций. На фоне стабилизации всех показателей распределения доходов значительно (до 13,0% даже в кризисном 2009 г.) сократилась бедность и заметно выросло текущее потребление всех слоев населения. Таким образом, именно в этот период одновременно с ростом доходов подавляющего большинства населения сложились устойчивые пропорции распределения общего «пирога» этих доходов между массовыми группами населения и модель доходной стратификации российского общества в целом [Модель..., 2018].

Одновременно с развитием позитивных тенденций получили развитие и негативные процессы, также не характерные для предшествующего этапа. Произошло сокращение числа предпринимателей, остановился рост отдач на образование работников [Лукьянова, 2010], начала расти для восходящей социальной мобильности роль ресурса социальных сетей [Тихонова, 2014]. Кроме того, хотя кризисные явления в области занятости в этот период не имели столь массового характера, как в 1990-е гг., однако сформировался сегмент занятости, которую можно охарактеризовать по ее типу уже не как ситуационно-кризисную, а как устойчиво прекарную [Тощенко, 2018]. Нарушение базовых трудовых прав работников стало новой нормой, а не антикризисной мерой. Стабильность основных показателей модели доходной стратификации сопровождалась углублением неравенства по накопленному богатству, а также усилением связи власти и собственности. И хотя все сформировавшиеся на этом этапе негативные тенденции смягчались общим ростом благосостояния, но в институциональном отношении «коридор возможностей» для восходящей мобильности россиян или защиты ими своих интересов на рынке труда в данный период резко сузился.

Проблемы эти властью частично осознавались, свидетельством чему стало выдвижение лозунгов о необходимости создания 25 млн высокотехнологичных рабочих мест с высокой оплатой труда, а также о необходимости формирования в стране массового среднего класса. Однако обе эти задачи так и не были решены. В результате социальная структура российского общества приобрела к концу 2000-х гг. следующий вид: верхние 5% в социальной иерархии составляли «управляющие», которым противостояла основная масса населения, из которых верхняя треть обладала различного рода ресурсами, приносящими, впрочем, разную отдачу. В итоге как хорошо обеспеченных можно было характеризовать чуть менее половины этой трети, а остальные являлись среднеобеспеченными. Около 60% составляли низкоресурсные и безресурсные слои населения. По уровню и качеству жизни в зависимости от места проживания и семейной ситуации (наличия в семье детей, лиц с плохим здоровьем и т.п.) они делились на, во-первых, объединявшие примерно десятую часть россиян «бедствующие низы», во-вторых, еще 15–20% россиян, чье

положение не было столь драматичным, но все же характеризовалось доминированием нетипичных для населения в целом признаков депривации, и, в-третьих, треть населения, которая имела «нормальные» с точки зрения большинства россиян стандарты повседневной жизни, присущие также упоминавшейся выше относительно менее благополучной половине ресурсообеспеченной части населения.

В 2010-е гг. внешние условия для социально-экономического развития России резко ухудшились из-за череды экономических кризисов и санкций. В результате на третьем этапе эволюции социальной структуры российского общества действие части сформировавшихся ранее негативных тенденций усилилось и появились новые. Так, рост реальных денежных доходов массовых слоев населения не только прекратился, но в 2020 г. по отношению к началу 2010-х гг. они даже сократились. Доля бедных уже более не характеризовалась устойчивой тенденцией к сокращению, а, колеблясь в зависимости от экономической ситуации, устойчиво находилась в диапазоне 10,7–13,4%, причем ее стабильность обеспечивалась за счет развития уравнивательных тенденций и «подтягивания» групп с наименьшими доходами к медианным слоям [Модель..., 2018]. Ситуация с соблюдением базовых трудовых прав работников в ходе каждого нового кризиса все больше ухудшалась [Тихонова, 2017], а прекаризация занятости нарастала [Тощенко, 2018]. Роль социального происхождения для занятия наиболее привлекательных по их монетарным и немонетарным характеристикам рабочих мест в рамках любых профессиональных групп продолжила свой рост [Тихонова, 2014; 2021]. Это происходило на фоне начавшейся еще в 2000-х гг. стабилизации (а для некоторых профессиональных групп – и сокращения) отдач на образование [Тихонова, Каравай, 2018]. Продолжилось усиление связи власти и собственности и т.д.

В целом, по итогам тридцатилетней трансформации, к числу наиболее ярких изменений социальной структуры российского общества относятся: 1) резкое «растягивание по вертикали» шкалы социальных статусов с колоссальным углублением социальной дифференциации и отрывом «верхушки» общества от его подавляющего большинства; 2) появление отсутствовавших ранее социальных групп (бизнес-элиты, мелкие и средние предприниматели и т.п.); 3) значительный рост численности и изменение состава «низов» общества; 4) увеличение значимости факторов стратификации, связанных с социальным происхождением, предопределяющее все более закрытый характер социального воспроизводства; 5) рост роли характера занятости в определении места человека в стратификационной системе в связи с умножением многообразия форм трудовых отношений, ослаблением позиций на рынке труда у большинства работников и широким распространением прекарной занятости.

Наряду с этим сохранилось огромное влияние на место в системе стратификации таких факторов, как регион проживания, тип поселения, отрасль занятости и т.д. Число попавших на вновь образовавшиеся позиции «социальных низов» оказалось в 10 раз больше, чем число тех, кто получил возможность попасть на появившиеся на самом вершине «социальной лестницы» новые структурные позиции [Тихонова, 2014]. При этом две ключевые особенности, определявшие в советское время модель его социальной структуры (сращенность власти и собственности, а также привилегированность положения в системе монетарных и немонетарных неравенств), сохранялись на протяжении всего этого периода даже несмотря на огромный рост значимости для социальной дифференциации неравенства доходов и богатства.

Особенности социальной структуры современной России. Сохранение значимости двух традиционных для России оснований стратификации означает, что при анализе социальной структуры, сложившейся сегодня в России, необходимо выделять два самостоятельных объекта, внутреннюю структуру которых следует анализировать по-разному. Один из них – «управляющие», хотя это уже существенно иная по своим функциям в обществе и составу группа, чем в советский период. Основания для структурирования ее членов связаны, прежде всего, с властью – политической, административной, экономической, символической и т.д., а также располагаемым богатством. Второй – это массовые

слои населения, которые и объективно, и субъективно противостоят этой «верхушке». Они также определенным образом структурированы внутри себя. Основания для определения места их представителей в социальной иерархии связаны, прежде всего, с привилегированностью их положения в различных областях жизни, концентрацией у них экономических, политических, квалификационных и административных ресурсов.

Причем «управляющие» – это не верхний дециль по доходам. Нижняя половина верхнего дециля получает мало отличающиеся от предшествующего дециля доходы и имеет практически тот же профессиональный, образовательный, возрастной и т.д. состав. Отрыв этого дециля от остального населения обеспечивает сейчас в России верхняя его половина, особенно верхний один процент. Доля приходящихся на него доходов составляла в России во второй половине 2010-х гг. примерно половину всех доходов этого дециля, что даже выше, чем аналогичный показатель для США, и значительно выше, чем в КНР и посткоммунистических странах Восточной Европы [Novokmet et al., 2017]. Еще ярче тенденция все большего отрыва «верхов» от подавляющего большинства населения страны проявляется в отношении неравенств в распределении богатства. По состоянию на 2018 г. Россия находилась на 8-м месте среди 174-х стран, упорядоченных по убыванию этого неравенства [Credit, 2018: 114–117]. При этом по доле богатства, находящегося в собственности верхних 5 и 1% (74 и 57% соответственно), Россия находилась к концу 2010-х гг. на 2-м месте в мире, уступая только Таиланду [Credit, 2018: 157]. Если 3/4 богатств находятся в собственности 5% населения, то уже одно это говорит об их контроле над «правилами игры», существующими в обществе, а следовательно, оправданности характеристики их как «управляющих».

«Управляющие» являются в основном выходцами из групп, которые относились к числу высокоресурсных и в советской России [Тихонова, 2014]. В условиях перехода к рыночной экономике эти ресурсы были конвертированы ими в экономический капитал или использованы для наращивания других его видов, поскольку процесс первоначального накопления капитала протекал в условиях российской трансформации в форме бурной конвертации различных видов ресурсов друг в друга с формированием нового правящего класса. Одной из форм накопления первоначального капитала стала также легализация преступным путем нажитых в 1990-е гг. состояний. В итоге концентрирующая в настоящее время различные виды капитала группа «управляющих» является очень пестрой как по происхождению своих состояний, так и по составу, включая не только предпринимателей, но и «высшие эшелоны» госслужащих, представителей творческой элиты и даже бывших «братков».

Однако далеко не все выходцы из высокоресурсных групп советского общества оказались по итогам глобальной трансформации последнего тридцатилетия в составе «верхушки» российского общества [Тихонова, 2014]. Большая часть их, оставшаяся в основном на должностях профессионалов и руководителей, вошла в состав массовых слоев. То, что эта часть российского общества охватывается обычно репрезентативными общероссийскими социологическими опросами, значительно облегчает изучение ее внутренней дифференциации с точки зрения эмпирических данных. Однако методологически анализ внутренней структуры массовых слоев населения вообще и этой их подгруппы в частности является сложной задачей и может проводиться с точки зрения разных теоретических подходов. Одним из них является подход, при котором группы населения выделяются на основе специфики возможностей и жизненных шансов их представителей, с одной стороны, и испытываемых ими деприваций и рисков – с другой. Этот идущий в русле неовеберовской традиции подход исходит из того, что место индивидов в системе социальных неравенств отражается в привилегированности их позиций по отношению к некоей существующей «норме» в различных сферах жизни, или наличию «избыточных» по отношению к ней видов депривации и/или рисков, т.е. того, что М. Вебер называл «негативной» привилегированностью [Weber, 1978]. При таком подходе к анализу социальной структуры общества неизбежно выделяется минимум три основные страты: 1) характеризующаяся

привилегированностью своих позиций по отношению к средней «норме»³, 2) характеризующаяся распространённостью нехарактерных для этой нормы рисков и деприваций, 3) промежуточная между ними и наиболее многочисленная по своему составу страта, от которой и ведётся отсчет при анализе статусной иерархии⁴.

При эмпирическом⁵ применении этого подхода к условиям современной России оказывается, что привилегированная страта в составе массовых слоев населения (т.е. без учета «управляющих») в конце 2010-х гг. насчитывала менее 20% россиян⁶. Представители ее в массе своей (табл.) имеют высшее образование и являются выходцами из семей, где родители также имели высшее образование. Подавляющее большинство в ней составляют работающие, в основном это профессионалы и руководители. Особенности их рабочих мест говорят об их относительно более благополучном положении в системе производственных отношений, но даже около трети ее представителей имеют признаки прекарной занятости (не полностью «белую» зарплату, неполную оплату отпуска и т.п.), хотя на фоне основной массы россиян ее положение все же вполне благополучно. Благополучие ее проявляется и в том, что ее представители в большинстве своем оценивают свой статус в обществе как хороший и считают, что их жизнь в целом складывается хорошо.

Нижняя страта в составе массовых слоев российского общества, включающая около 1/4 массовых слоев⁷, характеризуется невозможностью поддерживать типичный для среднего россиянина стандарт жизни, и в этом отношении соответствует «депривационному» пониманию бедности. По специфике испытываемых ее представителями рисков и лишений нижняя страта похожа на наиболее массовую⁸ медианную страту, хотя концентрация их в ней выше. К числу основных особенностей ее состава относятся большая доля лиц пожилого возраста и сельских жителей, относительно худшее в среднем здоровье ее представителей, наличие в составе домохозяйств многих из них инвалидов, а не место ее представителей на рынке труда.

Три основные страты, составляющие массовые слои населения российского общества, имеют также отличительные особенности идентичностей, установок и нормативно-ценностных систем. Медианная и нижняя страты и в этом отношении ближе между собой, чем медианная и верхняя страты [Тихонова, 2020].

³ Применительно к современному российскому обществу, как уже отмечалось выше, можно выделить минимум две группы с позитивной привилегированностью.

⁴ Этот подход был разработан рабочей группой в составе Н.Е. Тихоновой (рук.), В.А. Аникина, А.В. Каравай, Ю.П. Лежниной, С.В. Мареевой и Е.Д. Слободенюк. В качестве основных «осей социальных координат» многомерного пространства возможностей и рисков, характеризующих сегодня жизнь населения России, в нем были выделены четыре сферы жизни: экономическое положение, ситуация на работе, возможности сохранения человеческого капитала, сфера потребления и досуга. Для каждой из этих сфер на основе 3 индикаторов позитивной и 3 индикаторов негативной привилегированности рассчитывались соответствующие показатели. Теоретико-методологические и методические основания этого подхода к социальной стратификации, а также описание полученных с его использованием страт российского общества см.: [Каравай, 2019; Лежнина, 2019; Мареева, 2020; Слободенюк, 2019; Тихонова, 2018; 2020] и др.

⁵ Эмпирической базой исследования выступили данные 3-й и 8-й волн Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН за октябрь 2015 г. и апрель 2018 г. ($N = 4000$), репрезентирующих население страны от 18 лет и старше по регионам проживания, а внутри них – по полу, возрасту и типу поселения. Контроль полученных результатов проводился на данных 24-й (октябрь 2015 – январь 2016 г., $N = 10209$) и 28-й (октябрь 2018 – январь 2019 г., $N = 9857$) волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ).

⁶ В 2018 г. по данным 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта страта насчитывала 19,6% представителей массовых слоев населения, а по данным 28-й волны РМЭЗ – 19,2%.

⁷ В 2018 г. по данным 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта страта насчитывала 29,4% представителей массовых слоев населения, а по данным 28-й волны РМЭЗ – 23,8%.

⁸ В 2018 г. по данным 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта страта насчитывала 50,9% представителей массовых слоев населения, а по данным 28-й волны РМЭЗ – 57,0%.

Таблица

Некоторые особенности представителей разных страт (в %)

Показатели	Нижняя страта	Медианная страта	Верхняя страта	Разрыв между полярными стратами (раз)
<i>Занятость (в % от работающих)</i>				
Самооценка как хорошей ситуации у себя на работе	9,6	24,3	58,5	6,1
Профессионалы и руководители	10,8	29,9	65,5	6,1
Рабочие и рядовые работники торговли и б/о	74,7	48,1	18,1	4,1
Наличие хотя бы одного признака автономности труда	32,6	49,1	67,4	3,6
Соблюдаются все базовые трудовые права (официальное оформление, «белая» зарплата, оплата больничного и отпуска, своевременная выплата зарплаты)	20,4	51,6	72,1	3,5
<i>Экономическое положение</i>				
Самооценка как хороших возможностей проведения досуга	8,6	27,4	57,6	6,7
Самооценка как хороших своих жилищных условий	14,3	31,7	62,2	4,3
Среднедушевой доход более 1,25 страновой медианы доходного распределения	18,4	36,0	66,1	3,6
Имеют сбережения	15,2	30,2	54,1	3,6
<i>Социально-психологическое самочувствие</i>				
Считают, что жизнь в целом складывается хорошо	8,3	24,6	60,1	7,2
Оценивают свой статус в обществе как хороший	8,4	25,8	55,0	6,5
Находятся в состоянии безразличия, апатии или ощущают тревогу, раздражение, озлобленность, агрессию	58,2	38,1	15,6	3,7
<i>Прочие характеристики</i>				
Высшее образование хотя бы у одного из родителей	15,6	30,4	51,9	3,3
Жизнь по сравнению с периодом до кризиса 2014–2016 гг. по самооценке ухудшилась	78,1	55,7	34,7	2,3
<i>Справочно:</i> доля неработающих,	33,7	28,0	15,5	2,2
в том числе:				
безработные	7,8	2,0	1,0	7,8
студенты	1,7	7,6	9,8	5,8
пенсионеры	24,2	18,4	4,7	5,1

Примечание. Серым выделены ячейки, показатели в которых превышают 50%, т.е. типичны для соответствующей страты.

Источник: 8-я волна Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, апрель 2018 г.

Характерная для большинства только в верхней страте привычка планировать свою жизнь и брать ответственность за нее на себя существенно расширяет жизненные возможности ее представителей, как и типичное только для них обладание высокой квалификацией и высокопотенциальными социальными связями [Каравай, 2020]. Накопление ресурсов, в том числе и в межпоколенческом разрезе, приводит у членов данной страты к более широкому спектру поведенческих стратегий, направленных на сохранение и повышение уровня и качества жизни, росту возможностей использовать наиболее

эффективные из них. В этом отношении представители медианной страты также ближе к нижней, чем к верхней страте [Каравай, 2019].

Особенно ярко все перечисленные выше различия прослеживаются между ядрами разных страт, из года в год сохраняющих свою принадлежность к ним. Вероятность перейти за счет собственных усилий в другую страту для россиян относительно невелика, хотя такие возможности все же существуют⁹. В наименьшей степени обновляется состав неблагополучной нижней страты, в то время как верхняя страта характеризуется высокой нестабильностью состава. Это значит, что поведенческие стратегии россиян не способны сейчас отменить эффект «липкого пола», в то время как эффект «липкого потолка» для массовых слоев работает гораздо слабее [Слободенюк, 2019].

Выводы. Социальное неравенство в современной России – логическое следствие того, что на момент начала реформ 1990-х гг. у разных групп населения имелся неодинаковый объем ресурсов, во многом – накапливавшийся на протяжении поколений. В эпоху плановой экономики, когда эти ресурсы не могли работать как капитал, имевшиеся различия в ресурсообеспеченности сказывались на уровне жизни различных групп, но не могли привести к серьезной социальной дифференциации. В период же перехода к рыночной экономике они были конвертированы в экономический капитал или использованы для наращивания других его видов, что обеспечило группам с исходными преимуществами сохранение привилегированного положения и в современном российском обществе. При этом к ним добавились и выходцы из других слоев (в том числе криминалитета), также использовавшие 1990-е гг. для накопления первоначального капитала.

Если некоторые выходцы из высокоресурсных групп советского общества оказались по итогам трансформации «наверху» социальной иерархии и в новой России, то другие сформировали костяк привилегированной части массовых слоев (верхнюю их страту). Совокупная численность двух этих групп примерно соответствует доле привилегированного населения и в позднесоветский период, хотя их внутренняя дифференциация стала несопоставимо глубже.

Эти две группы соседствуют в социальной структуре российского общества с составляющими большинство населения медианной и нижней стратами, различия между которыми объясняются в основном особенностями иждивенческой нагрузки, здоровья, возраста и места жительства их представителей. Таким образом, большинство населения, занимавшее в советском обществе относительно гомогенные статусные позиции и формировавшее типичный для СССР в целом стандарт жизни, в условиях резкого углубления социальной дифференциации разделилось на две страты с качественно различным положением. При этом около половины населения составляет медианную группу, задающую стандарт жизни массовых слоев, но примерно каждый десятый россиянин находится в положении, массового аналога которому в СССР просто не было, и еще 15–20% балансируют на грани этого состояния.

Если же говорить о базовых характеристиках самой модели стратификации современного российского общества, а не только о составляющих ее элементах, то нужно отметить, что, во-первых, список оснований, определяющих статус индивидов в стратификационной иерархии, существенно расширился. В нем стали играть гораздо большую роль неравенства доходов и богатства, специфика социального происхождения и т.д. Во-вторых, сложившаяся в России модель социальной структуры характеризуется огромной растянутостью статусной иерархии по вертикали, причем «верхушка» общества в ней не просто оторвана от остальных россиян, но и противостоит им. В-третьих, массовые слои российского общества все больше тяготеют к «выравниванию по среднему». Эта уравнивательная тенденция под влиянием последних экономических кризисов усилилась, что противоречит тенденциям эволюции социальной структуры в развитых странах, для которых

⁹Так, по данным РМЭЗ, в 2013–2018 гг. 23,6% россиян перешли в более высокую страту [Слободенюк, 2019: 61].

характерна, наоборот, все бóльшая поляризация массовых слоев общества. В-четвертых, модель социальной структуры в России характеризуется средней степенью статусной согласованности (консистентности статусов). Если властный и экономический ресурсы в основном сосредоточены в привилегированных группах, то с социальным и квалификационным ресурсами ситуация далеко не так однозначна. Наконец, в-пятых, большую роль для определения места в социальной иерархии играет сейчас в России специфика рыночных позиций индивидов, в том числе на рынке труда. Однако высокая роль этих типичных для структур классового типа факторов характерна прежде всего для привилегированных групп. Для основной же массы населения они в значительной степени нивелируются их семейной ситуацией и диспропорциями в развитии различных отраслей, регионов и типов поселений, унаследованных от СССР и отражающих все еще очень значимую роль социальных неравенств неклассового типа в современном российском обществе.

Эта модель структуры российского общества довольно устойчива, но с точки зрения будущего России чревата скорее дополнительными проблемами, чем какими-либо конкурентными преимуществами. Высокие риски нарастания социальной напряженности в условиях явно избыточной глубины разрывов между «верхушкой» общества и его массовыми слоями, снижение стимулов к «росту над собой» в условиях роста роли социального ресурса при низких отдачах на образование, угроза дестабилизации ситуации за счет сокращения численности относительно благополучной части массовых слоев преимущественно в крупнейших городах во второй половине 2010-х гг. и другие негативные по своим последствиям особенности сложившейся в России модели стратификации требуют незамедлительных действий не только в сфере борьбы с бедностью, но и в области сокращения нелегитимных неравенств и расширения системы «социальных лифтов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 39–67. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.03.
- Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры российского общества // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. 3. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 11–21.
- Каравай А.В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.
- Каравай А.В. Факторы неравенства жизненных шансов россиян (опыт эмпирического анализа) // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 63–78. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095.
- Лежнина Ю.П. Риски и возможности россиян как база социальной динамики // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 2. С. 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222.
- Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3. С. 326–348.
- Мареева С.В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Наумова Ф.М. Переходный период: мировой опыт и наши проблемы // Коммунист. 1990. № 8. С. 3–14.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Слободенюк Е.Д. Стратификация российского общества по жизненным шансам и рискам: динамика структуры и мобильность россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3–4(129). С. 57–68.
- СССР в цифрах в 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990.
- Стариков Е.Н. «Угрожает» ли нам появление «среднего класса»? // Знамя. 1990. № 10. С. 192–196.
- Тихонова Н.Е. Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2. С. 61–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78.

- Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; ИС РАН, 2014.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053.
- Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Шкаратан О.И. Социология неравенства: Теория и реальность. М.: ВШЭ, 2012.
- Credit Suisse. Global Wealth Databook 2018. Credit Suisse group AG. Switzerland, 2018.
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016 // National Bureau of Economic Research. Working Paper 201709. DOI: 10.3386/w23712.
- Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

Статья поступила: 24.03.21. Финальная версия: 10.05.21. Принята к публикации: 15.05.21.

TRANSFORMATIONS OF THE SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY IN LATE 1980s – LATE 2010s

TIKHONOVA N.E.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Natalia E. TIKHONOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia, Moscow (netichon@rambler.ru).

Abstract. The article describes specifics of the social structure of Soviet society, three stages of its transformation in the late 1980s – late 2010s, and stratification models of modern Russian society. It is shown that the key foundations of the social differentiation in late Soviet society (merging of power and property, role of non-monetary privileges, etc.) retained their significance throughout this period, although in the 1990s the effect of access to the ‘deficit’ has disappeared, and since the end of the 2000s importance of higher education has also started to decline. Moreover, the role of such factors of social differentiation as accumulated wealth, current income, employment stability and the resource of social networks has sharply increased in the 1990s, and the role of attributes of precariousness in employment and the social origin has increased in the 2000s. It is shown that the social structure of Russian society currently consists of four main macro-groups: the “top” of society where most power and property is concentrated (top 5%), and three opposing strata of the mass population. Among the latter – a stratum privileged against the background of other Russians, accounting for slightly less than 20% of population; the median stratum, which includes about half of the total population and sets the typical standard of life for modern Russia; the lower stratum, uniting about a quarter of population, whose lives are dominated by the deprivations and risks that are atypical for average Russian. In the determination of the place in the stratification hierarchy in the first two of these macro-groups, the volume and type of resources that determine the position in various markets (including labor market) play a decisive role, which allows us to view them as a basis for the formation of the upper and middle classes. However, the inequalities of the non-class type (age, health, family composition, etc.) play a decisive role in falling into the median or lower strata.

Keywords: social structure, social stratification, strata, social inequalities.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2018) Social Stratification Based on Life Chances: Operationalization for Mass Surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 39–67. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.03. (In Russ.)
- Credit Suisse. (2018) *Global Wealth Databook 2018*. Credit Suisse group AG. Switzerland.
- Karavay A.V. (2019) Basic Models of Socio-economic Adaptation in Different Strata of Russian Society. *Terra Economicus*. Vol. 17. No. 3: 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145. (In Russ.)
- Karavay A.V. (2020) Factors of Inequality of Russians' Life Chances (Empirical Analysis). *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 8. No. 1: 63–78. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7095. (In Russ.)
- Lezhnina Y. (2019) The Risks and Capabilities of Russians as a Base for Social Dynamics. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17. No. 2: 207–222. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-207-222. (In Russ.)
- Lukyanova A.L. (2010) Returns to Education in Russia: Evidence from Meta-Analysis. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal]. Vol. 14. No. 3: 326–348. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2019) Inequality of Life Chances in Work-Life Balance of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18. (In Russ.)
- Naumova F.M. (1990) Transition Period: World Experience and Our Problems. *Kommunist* [Communist]. No. 8: 3–14. (In Russ.)
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 201709. DOI: 10.3386/w23712.
- Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1996) *Social Stratification*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (2012) *Sociology of Inequality: Theory and Reality*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Slobodenyk S. (2019) Stratification of the Russian Society by Life Chances and Risks: The Dynamics of the Structure and Mobility of Russians. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4(129): 57–68. (In Russ.)
- Starikov Ye.N. (1990) Does the Emergence of a Middle Class “Threaten” Us? *Znamya* [Banner]. No. 10: 192–196. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (1999) *Factors of Social Stratification in the Context of Transition to a Market Economy*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (ed.) (2018) *Income Stratification Model of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons*. Moscow: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) Intergenerational Reproduction of Professional Statuses and Class in Modern Russian Society. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics]. No. 2: 61–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 53–65. DOI: 10.7868/S0132162518060053. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *The Social Structure of Russia: Theories and Reality*. Moscow: Novyi khronograf; IS RAN. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2020) The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 29. No 1: 6–30. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-6-30. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2018) Dynamics of Some Indicators of Russians' General Human Capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2017) The Impact of the 2014–2016 Economic Crisis on the Employment of Russian. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Precariat: From Proletariat to a New Class*. Moscow: Nauka.
- USSR in Figures in 1989*. (1990) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Weber M. (1978) *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press.
- Zaslavskaya T.I. (1996) Transformation of the Social Structure of Russian Society. In: *Where is Russia Heading? Social Transformation of the post-Soviet Space*. Iss. 3. Moscow: Aspect Press: 11–21.

Б.Н. МИРОНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СССР

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (mironov1942@yandex.ru).

Аннотация. *Дезинтеграция СССР стала закономерным следствием советской национальной политики, направленной на коренизацию управления, ускоренную модернизацию союзных республик и на выравнивание уровней их развития. Запустив процесс коренизации управленческих кадров, Москва способствовала становлению современной национальной элиты на местах. Реализация проекта национально-государственного строительства привела к огосударствлению этнических и межнациональных отношений и суверенизации союзных республик, ставшей одним из принципиальных факторов распада СССР.*

Ключевые слова: *распад Советского Союза • национальная политика • коренизация • этническая структура государственного аппарата • этническая дискриминация • дерусификация органов власти*

DOI: 10.31857/S013216250014306-9

Уже 30 лет исследователи с неослабевающим интересом изучают обстоятельства и причины распада СССР. По оценке, на начало сентября 2020 г., в РФ написано более 3 тыс. статей, 300 книг и 20 диссертаций. Объяснения дезинтеграции можно разделить на две группы. В первой она рассматривается как закономерное следствие долго развивавшихся процессов, во второй – результат стечения случайных обстоятельств, ошибок руководства и внешних факторов. Первые часто называют дезинтеграцию распадом, имея в виду закономерность процесса и результата, вторые – развалом, подразумевая случайность явления и итогов [Миронов, 2021].

Дезинтеграция СССР оценивается как геополитическая катастрофа мирового масштаба. Чтобы понять ее причины, необходимо анализировать в междисциплинарном формате множество факторов, опираясь, прежде всего, на статистические источники. Такое исследование может выполнить научный коллектив. Отдельному исследователю под силу решение частных вопросов. В статье предпринята попытка рассмотреть дезинтеграцию Советского Союза в ракурсе дискриминации этносов, особенно титульных этносов республик, обладавших по конституциям 1924 и 1936 гг. ограниченным, потенциальным, государственным суверенитетом, а по конституциям 1977 и 1990 гг. – полным суверенитетом (титульным этносом называется народ, именем которого названа союзная республика; с 1956 г. их насчитывалось пятнадцать). Подобный ракурс определяется, с одной стороны, важностью проблемы – в перестроечный период политическое неравенство заняло заметное место в программах национальных партий и движений, в объяснениях дезинтеграции в этнополитических исследованиях. С другой – наличием массовых статистических источников, дающих возможность измерить динамику этнополитического неравенства в советский период по степени присутствия этносов в государственном управлении, в парламенте, органах правопорядка и суда, а также в армии с 1897 г. до 1989 г.

Российские этносоциологи давно изучают проблему этнического конфликта на почве неравенства этносоциального и этнополитического статусов народов России [Арутюнян, Дробижева, 2016: 29–38]. Вехой на этом пути стали исследования коллектива социологов в рамках больших международных проектов под руководством Л.М. Дробижевой [Асимметричная федерация..., 1998; Демократизация..., 1996; Конфликтная этничность..., 1995; Социальная и культурная дистанции..., 2002; Социальное неравенство..., 2002; Суверенитет..., 1995; Ценности и символы..., 1994; и др.]¹. Этносоциологи пришли к выводам, объясняя межэтнические конфликты в советской и постсоветской России. В частности, они считают политическую сферу главным пространством, где русские и нерусские ощущают неравенство. Дискриминация в доступе к власти является важнейшей причиной возникновения межнациональных противоречий. Этноты рассматривают возможность и действительное участие в управлении как критерий оценки своего положения в обществе и индикатор дискриминации. Утверждение демократии в формировании органов власти решает одни, порождая другие проблемы. Противоречивы результаты модернизации. Образование, личная свобода, статусная профессия, достаток, наличие свободного времени, доступность всех благ порождают у этнических групп (в особенности у отстающих в экономическом и культурном отношении) новые потребности, которые ранее отсутствовали. Возможности общества и государства их удовлетворить отстают от их роста; существующие принципы распределения благ не кажутся всем справедливыми. Возникает относительная депривация, провоцирующая недовольство. Когда государственная машина ослабевает, а власть воспринимается как нелегитимная, недовольство трансформируется в конфликт и неповиновение, как произошло в России конца 1980-х – начала 1990-х гг.

Предметом нашей работы является политическое неравенство народов Советского Союза как причина его распада, объектом – аппарат работников управления и силовых структур союзных республик и СССР в целом. Конкретных задач две: 1) измерение уровня дискриминации при формировании властных структур; 2) оценка участия титульных этносов в управлении страной и союзными республиками.

Роль различных народов этноса в государственном управлении определяется не только числом его представителей во властных и силовых структурах. Важно другое – какие командные позиции они занимают, насколько эффективно их используют, какими статусом, престижем и влиянием располагают. Участие в управлении имеет первостепенное значение, о чем говорит механизм (как правило, неформального) паритетного и пропорционального квотирования по этническому признаку в системе органов власти, который применялся в полиэтничных союзных и автономных республиках в СССР, а в настоящее время – в автономиях РФ. Использование этой технологии объясняется тем, что демократический принцип комплектования органов власти не всегда обеспечивает пропорциональное представительство этнических групп, что кажется последним несправедливым, хотя этническое квотирование не гарантирует ни профессионализма управленцев, ни ответственности, добросовестности и нравственности, нередко порождая nepoтизм. Особенно важен механизм квотирования в среднеазиатских, кавказских и северокавказских союзных и автономных республиках, сохранивших пережитки родовых отношений, общинных порядков и традиций, родственные и земляческие отношения [Неформальное этническое квотирование..., 2017: 1–53; Федорченко, 2010: 692–705].

Этническая структура советского и партийного аппарата давно привлекает внимание исследователей. В советское время этим вопросом занимались историки партии, в постсоветской историографии – историки, социологи и политологи, правда в контексте культурного, социального и демографического профиля советских и партийных работников. Выявлено много сведений. Однако данные хронологически и территориально отрывочны, не позволяют получить общей картины этнического состава органов управления за годы

¹ Почти во всех этих монографиях теоретические введения написаны Л.М. Дробижевой (см., напр.: [Социальное неравенство..., 2002: 3–13]).

советской власти. В моем исследовании такая задача решается, насколько мне известно, впервые в историографии на основе данных переписей населения, которые хотя привлекались предшественниками, но отрывочно (см., например: [Динамика..., 2002; Социальное неравенство..., 2002]). Сведения об этнической занятости по переписи 1926 г. опубликованы, но не суммированы по СССР и РСФСР [Всесоюзная перепись..., 1928–1930], данные последующих переписей хранятся в архиве [Всесоюзная перепись..., 1959; Всесоюзная перепись..., 1979; Всесоюзная перепись..., 1989]. Перепись 1897 г. [Общий свод..., 1905] зафиксировала чиновников, находившихся на коронной и общественной службе без разделения по рангам, классам и сферам занятости. Советские переписи в сфере государственного управления учитывали только руководство органов исполнительной и законодательной власти, партийных и общественных организаций, а в сфере суда и правопорядка всех профессиональных работников. Сопоставление данных сведений статистики ЦСУ и переписей обнаружило: руководящие работники в общем числе управленцев составляли в 1926 г. 31%, 1959 г. и 1970 г. – 21% и в 1979 г. – 26%, т.е. один руководитель приходился на 3–4 рядовых сотрудника. Данные о численности лиц, занятых в управлении, по советским переписям несопоставимы со сведениями 1897 г. Но они сравнимы между собой, так как критерии отнесения людей к категории управленцев были тождественными – к занятым в государственном управлении относили руководителей партийной, исполнительной и законодательной власти. Рядовые чиновники отдельно не выделялись, растворяясь в общей массе служащих, и идентифицировать их в материалах переписи невозможно.

Для оценки степени равенства при комплектовании структур управления используется индекс этнополитической репрезентативности (далее ИЭПР) – соотношения процента представителей этноса среди чиновников-управленцев и среди всего самодеятельного населения [Миронов 2017: 197–210; Русские..., 1992]. В литературе этот операционный показатель также называется индексом этнической дискриминации, индексом участия, в англоязычных исследованиях – индексом репрезентативности (ethnic representation proportionality index). Он позволяет оценить степень политического неравенства и ранжировать этносы по этому показателю. Если индекс больше или меньше 1, то этнос избыточно либо недостаточно представлен во властных структурах. Если равен 1, права этого этноса при формировании органов управления адекватно учтены. Участие этносов в управлении измеряет другой операционный показатель – процент их выдвиженцев в советских и партийных, правоохранительных и судебных структурах.

Оценим динамику этнополитической репрезентативности по стране в целом. Рамки статьи позволяют привести относительные сведения и суммарную информацию о русских и нерусских (табл. 1).

В 1897 г. нерусские народы участвовали в комплектовании властных структур ниже демократической нормы в 1,6 раза ($1,00 : 0,61 = 1,6$) и меньше, чем русские, в 2,3 раза ($1,43 : 0,61 = 2,3$). Этнополитическое неравенство не подлежит сомнению. Вместе с тем нерусские граждане имели представителей в органах власти. В 1926 г. ИЭПР нерусских повысился во всех структурах власти с 0,61 до 0,79, их представительство стало в 1,3 раза ниже демократической нормы. В последующем повышательная тенденция набирала силу, к 1989 г. неравенство минимизировалось: ИЭПР нерусских равнялся 0,93, русских – 1,06. Русские утратили привилегии. В разных сферах управления этническое неравенство изживалось разными темпами. В госаппарате равенство стало фактом в 1959 г. В аппарате общественных и партийных организаций 1989 г. ИЭПР русских немного превышал демократическую норму (1,05). В органах правопорядка и суда до и после 1917 г. нерусские представлены хуже русских, но неравенство уменьшалось. В судебных учреждениях у нерусских в 1926 г. ИЭПР равнялся 0,78, в 1989 г. – 0,91, у русских соответственно – 1,17 и 1,08. В милиции в 1926 г. ИЭПР нерусских – 0,74, русских – 1,21, в 1989 г. соответственно – 0,90 и 1,09. В вооруженных силах ИЭПР нерусских составил в 1897 г. 0,77, русских – 1,25, в 1926 г. – соответственно 0,67 и 2,79. В дальнейшем информация об этническом составе армии стала закрытой. Можно предположить по отрывочным сведениям, что впоследствии доля русских в армии оставалась выше их доли в населении.

Таблица 1

**Представительность нерусских и русских в органах власти Российской империи*
и СССР в 1897, 1926, 1959, 1979 и 1989 гг.**

Этнос	1897	1926	1959	1979	1989
<i>Госаппарат</i>					
Нерусские	–	0,81 ^а	1,00	0,99	1,00
Русские	–	1,15 ^а	1,00	1,01	1,00
15 титульных этносов	–	1,02 ^а	0,99	1,00	1,00
<i>Партаппарат</i>					
Нерусские	0,62 ^б	0,81	0,79	0,91	0,94
Русские	1,42 ^б	1,15	1,18	1,07	1,05
15 титульных этносов	1,10 ^б	1,02	1,03	1,02	1,01
<i>Судебные учреждения</i>					
Нерусские	–	0,78	0,94	0,89	0,91
Русские	–	1,17	1,05	1,09	1,08
15 титульных этносов	–	1,01	0,93	0,99	1,01
<i>Органы правопорядка</i>					
Нерусские	–	0,74	0,74	0,84	0,90
Русские	–	1,21	1,22	1,13	1,09
15 титульных этносов	–	1,06	1,05	1,01	1,01
<i>Управление, органы правопорядка и суда</i>					
Нерусские	0,61	0,79	0,84	0,91	0,93
Русские	1,43	1,17	1,14	1,07	1,06
15 титульных этносов	1,09	1,03	1,02	1,01	1,01
<i>Армия</i>					
Нерусские	0,77	0,67 ^в	0,89 ^г	–	–
Русские	1,25	2,79 ^в	1,09 ^г	–	–
15 титульных этносов	1,04	0,80 ^в	1,04 ^г	–	–

Примечания. *Здесь и далее в сведениях по Российской империи не учитывается Финляндия. ^аВ 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе. ^бСлужители культа. ^вПо выборочным данным. ^гВ графе 1959 г. сведения за 1942–1943 гг.

Источники для этой и всех последующих таблиц в статье: [Общий свод..., 1905: 226–255; Всесоюзная перепись населения 1926 года; Всесоюзная перепись населения 1959 года; Всесоюзная перепись населения 1979 года; Всесоюзная перепись населения 1989 года; Труд в СССР, 1988: 16–25, 118, 125–127].

В эшелонах власти степень репрезентативности нерусских и русских различна. В 1926 г. русские имели предпочтение при формировании госаппарата всех уровней, но в большей степени на высшем: ИЭПР русских в низшем эшелоне 1,14, в среднем – 1,15, в высшем – 1,27, а нерусских соответственно – 0,83, 0,81 и 0,66. К 1959 г. в государственном аппарате этническое неравенство существенно уменьшилось. На среднем и низшем уровнях управления она исчезло (табл. 2).

В партийных органах, по данным за 1959 г. (на другие даты сведений нет), ситуация другая – русские имели преимущество на всех уровнях: их ИЭПР в низшем звене 1,27, в высшем эшелоне – 1,17, у нерусских – 0,69 и 0,80. К концу советского периода этническое неравенство при формировании органов управления значительно уменьшилось, в госаппарате исчезло. Но в партаппарате, высшем звене исполнительной власти и силовых структурах представительство русских было немного выше их доли в населении.

Таблица 2

**Представительность нерусских и русских в разных сферах управления СССР
в 1926, 1959, 1989 гг.**

Уровень управления	Русские			Нерусские		
	1926	1959	1989	1926	1959	1989
Госаппарат	1,15*	1,00	1,00	0,81	1,00	1,00
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	1,27	1,14	–	0,66	0,84	–
руководители районных и городских органов	1,15	1,06	–	0,81	1,04	–
руководители первичных организаций	1,14	1,00	–	0,83	1,00	–
Партаппарат	1,15*	1,18	1,05	–	0,79	0,94
руководители общесоюзных, республиканских, областных и окружных органов	1,27	1,17	–	–	0,80	–
руководители районных и городских органов	1,15	1,11	–	–	0,88	–
первичных организаций	1,14	1,27	–	–	0,69	–
Гос- и партаппарат, суд, милиция	1,17	1,07	1,06	0,79	0,84	0,93

Примечание. *В 1926 г. аппарат государственных, партийных и общественных организаций вместе.

Рассмотрим сведения об участии отдельных этносов в управлении. Процент нерусских во властных структурах увеличивался. В 1897 г. он равнялся 32,2, в 1926 г. – 35,2, в 1989 г. – 43,8. В 1987 г. в структурах власти в целом русские численно были представлены чуть выше своей доли в населении страны (табл. 3).

С 1959 г. по 1979 г. госаппарат увеличился в 1,1 раза, партаппарат – в 2,5 раза, соответственно процент занятых в нем вырос с 37 до 56. Партийное руководство стало преобладать над советским степенью власти и количественно. Эта тенденция сохранилась в годы перестройки: партийный аппарат уменьшился на 17,5%, советский аппарат – на 86,3%, перекося в пользу первого увеличился [Народное хозяйство..., 1990: 50].

Таблица 3

**Этнический состав органов управления и занятого населения Российской империи и СССР
в 1897, 1926, 1959, 1979 и 1989 гг. (в %)**

Сфера управления	Нерусские	Русские	15 титульных этносов
1897			
Население	52,7	47,3	78,1
Управление, суд, полиция	32,2	67,8	85,3
1926			
Население	44,5	55,5	80,5
Управление, суд, полиция	35,2	64,8	82,9
1959			
Население	46,4	53,6	88,4
Управление, суд, полиция	38,8	61,2	90,1
1979			
Население	44,9	55,1	89,5
Управление, суд, полиция	40,9	59,1	90,3
1989			
Население	46,9	53,1	90,1
Управление, суд, полиция	43,8	56,2	91,0

Оценим участие этносов в структурах власти (табл. 4).

Таблица 4

**Национальный состав органов власти Российской империи и СССР
в 1897, 1926, 1959, 1979, 1989 гг. (в %)**

Этнос	1897	1926	1959	1979	1989
<i>Милиция</i>					
15 титульных этносов	–	81,4	92,4	90,5	91,5
Нерусские	–	33,0	34,6	37,9	42,0
Русские	–	67,0	65,4	62,1	58,0
<i>Судебные учреждения</i>					
15 титульных этносов	–	81,4	82,0	89,1	90,6
Нерусские	–	34,9	43,6	40,1	42,8
Русские	–	65,1	56,4	59,9	57,2
<i>Управление, органы правопорядка и суда</i>					
15 титульных этносов	85,3	82,9	90,1	90,3	91,0
Нерусские	32,2	35,2	38,8	40,9	43,8
Русские	67,8	64,8	61,2	59,1	56,2
<i>Армия</i>					
15 титульных этносов	80,7	68,0*	92,3**	–	–
Нерусские	40,7	27,0*	36,9**	–	–
Русские	59,3	73,0*	63,1**	–	–

Примечания. *В 1926 г. на основе выборочных данных. **В 1959 г. сведения о составе действующей армии в 1943 г.

Источники: [Артемьев, 1975: 58] (данные о составе двухсот стрелковых дивизий численностью свыше миллиона военнослужащих в 1943 г.), а также источники, указанные в примечании к табл. 1.

В 1897 г. нерусские участвовали в управлении, хотя их доля была в 2 раза меньше доли русских – 32,2 против 67,8%. К 1926 г. во всех органах власти процент нерусских повысилась до 35,2, в 1959 г. – до 38,8, в 1989 г. – до 43,8. Участие нерусских росло и в силовых структурах, но до конца советского режима они были недопредставлены.

В национальной политике Российской империи Центр опирался на местные элиты [Миронов, 2017: 378], но не ставил цель огосударствить межэтнические отношения, наделить государственным суверенитетом народы «национальных окраин», прекрасно сознавая опасность такой политики для единства страны. Советская Москва стала последовательно утверждать демократический принцип формирования органов управления кадрами коренных этносов. Доля нерусских в управлении в целом по стране росла, как правило, оставаясь ниже 50, потому что вплоть до 1991 г. процент русских в населении страны был выше половины (в 1989 г. составлял 50,8% во всем населении и 53,1% в занятом населении). Это давало русским небольшое численное превосходство в эшелонах власти. Подчеркнем, этнополитический статус повышался у всех нерусских этносов, не только у титульных. Доля нерусских в органах управления составляла в 1897 г. – 32,2%, в занятом населении – 52,7%, ИЭПР – 0,68; в 1926 г. – 36,5, т.е. 47,9 и 0,76 соответственно; в 1959 г. – 38,7, т.е. 46,4 и 0,83 соответственно; в 1979 г. – 41,2, т.е. 47,6 и 0,87 соответственно и в 1989 г. – 48,7, т.е. 49,2 и 0,99 соответственно. К 1989 г. нерусские представлены в органах управления близко к демократической норме и занимали около половины руководящих должностей (табл. 1).

Повышение политического статуса касалось *всех нерусских народов* (табл. 5). Большинство из них участвовали в управлении «тюрьмой народов», как называют Российскую империю

Таблица 5

**Национальный состав занятого населения и органов власти Российской империи и СССР
в 1897, 1959, 1979 и 1989 гг. (в % по столбцу)**

Этнос	1897	1959	1979	1989	1897	1959	1979	1989
	управление				население			
Азербайджанцы	–	1,0	1,7	2,1	–	1,1	1,6	2,0
Армяне	0,8	1,0	1,7	1,5	1,6	1,1	1,5	1,4
Башкиры	0,1	0,3	0,5	–	0,5	0,4	0,5	–
Белорусы	2,3	3,4	3,2	3,7	3,6	4,2	3,8	3,8
Грузины	0,9	1,2	1,1	2,0	1,4	1,2	1,3	1,4
Евреи	0,8	1,6	0,8	–	0,7	1,0	0,6	–
Казахи	1,3	1,6	2,6	3,1	2,5	1,2	1,8	2,4
Киргизы	–	0,3	0,5	0,6	0,7	0,4	0,5	0,7
Латыши	1,1	0,6	0,6	0,6	0,5	0,7	0,5	0,5
Литовцы	0,8	0,9	1,0	1,0	1,1	1,1	1,0	1,1
Молдаване	0,3	0,3	0,6	0,8	1,1	1,2	1,1	1,2
Немцы	1,7	–	–	–	0,7	0,8	0,7	–
Русские	67,8	61,2	59,1	56,2	47,3	53,6	55,1	53,1
Таджики	0,0	0,4	0,7	0,7	1,1	0,5	0,8	1,0
Татары	1,4	2,2	2,3	–	2,4	2,4	2,5	–
Туркмены	0,0	0,3	0,4	0,6	0,8	0,3	0,5	0,7
Узбеки	0,0	1,6	2,5	2,7	4,8	2,3	3,4	4,4
Украинцы	9,3	15,4	14,1	15,0	16,2	19,1	16,4	16,0
Эстонцы	0,8	0,5	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4
Якуты	–	0,2	0,3	–	0,1	0,1	0,1	–
Нерусские	32,2	38,8	40,9	43,8	52,7	46,4	44,9	49,9

историки бывших союзных и некоторых автономных республик [Миронов, 2017: 121–139]. Из 118 народов, учтенных переписью 1897 г., 97 имели в органах управления хотя бы одного представителя. Среди них были алеуты, гиляки, камчадалы, тунгусы, цыгане, эскимосы, якуты и другие. Более 10 представителей имели 79 народов, более 100 – 55 народов и более 1000 – 22 народа. В органах власти участвовали 2587 евреев, в том числе 7% за пределами черты оседлости [Общий свод..., 1905: 335]. Среди чиновников процент нерусских (в основном в структурах местного управления) был 32,2. В «национальных окраинах» (в регионах Советского Союза без Российской Федерации) в управлении численно преобладали нерусские – 56,5% чиновников. Это доказывает: в «национальных окраинах» центральное правительство опиралось на местные элиты. В советскую эпоху их присутствие в органах управления возросло, к 1979 г. их репрезентативность приблизилась к демократической норме. Выдвиженцы нерусских этносов трудились во всех эшелонах власти (сведения об этом имеются в переписях 1926 и 1959 гг.) (табл. 6).

В 1959 г. доля евреев в государственном и партийном аппарате составляла 1,72% (в том числе в высшем эшелоне – 5,31%), в населении – 1,04%. Они были представлены в гос- и партаппарате в 1,65 раза выше, в высшем эшелоне – в 5 раз выше демократической нормы (их ИЭПР 1,65 и 5,09 соответственно).

В 1897–1989 гг. по Союзу в целом участие нерусских в органах власти повышалось с ускорением, русских, наоборот, снижалось. В 1897–1926 гг., за 29 лет, доля русских упала на 3 процентных пункта, в 1926–1959 гг., за 33 года, – на 3,6, в 1959–1989 гг., за 30 лет, – на 8,1 пункта. Ошибочно думать, что в 1897–1926 гг. прирост доли нерусских в органах управления произошел в послереволюционное десятилетие. Привлечение в органы власти местных элит всегда являлось принципом национальной политики правительства

Таблица 6

**Национальный состав государственного и партийного аппарата СССР
в 1926 и 1959 гг. на разных уровнях**

Этнос	Индекс репрезентативности				Процент в аппарате (%)			
	I*	II*	III*	всего	I*	II*	III*	всего
1926								
Русские	1,25	1,11	1,12	1,13	69,30	61,70	62,20	62,60
Нерусские	0,69	0,86	0,85	0,84	30,70	38,30	37,80	37,40
Итого	1,00	1,00	1,00	1,00	100,00	100,00	100,00	100,00
1959								
Азербайджане	0,74	1,05	1,24	1,07	0,81	1,16	1,36	1,17
Армяне	1,36	0,97	0,96	1,04	1,43	1,02	1,01	1,10
Башкиры	0,40	0,92	1,53	1,07	0,15	0,33	0,56	0,39
Белорусы	0,72	0,81	0,77	0,77	3,01	3,39	3,25	3,25
Грузины	1,01	0,97	1,04	1,01	1,23	1,18	1,25	1,22
Евреи	5,09	1,19	0,45	1,65	5,31	1,24	0,47	1,72
Казахи	1,16	1,61	2,23	1,78	1,36	1,87	2,61	2,08
Киргизы	1,04	1,25	1,39	1,27	0,39	0,47	0,53	0,48
Латыши	0,99	1,07	1,27	1,13	0,69	0,75	0,89	0,79
Литовцы	0,68	1,24	1,35	1,18	0,76	1,39	1,51	1,32
Молдаване	0,12	0,18	0,61	0,35	0,14	0,21	0,71	0,41
Русские	1,15	1,09	1,01	1,07	61,72	58,33	53,92	57,17
Таджики	0,88	1,14	0,76	0,93	0,43	0,56	0,37	0,45
Татары	0,59	0,94	1,01	0,90	1,30	2,07	2,23	1,98
Туркмены	1,37	1,58	1,11	1,35	0,47	0,54	0,38	0,46
Узбеки	0,57	0,82	0,66	0,71	1,32	1,89	1,53	1,63
Украинцы	0,65	0,84	1,01	0,88	12,44	16,08	19,37	16,73
Эстонцы	1,65	1,71	1,09	1,44	0,76	0,79	0,51	0,67
Якуты	1,62	4,12	4,04	3,60	0,15	0,39	0,38	0,34
Другие	0,78	0,80	0,91	0,84	6,12	6,35	7,17	6,64
Нерусские	0,83	0,90	0,99	0,92	38,28	41,67	46,08	42,83
Итого	1,00	1,00	1,00	1,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Примечание. *I – общесоюзные, республиканские, областные органы; II – районные и городские органы; III – руководители первичных организаций.

Российской империи [Миронов, 2017: 152–163]. Политика коренизация (создание автономий, выдвижение в руководство представителей местных элит, внедрение национальных языков в делопроизводство и образование, развитие средств массовой информации на коренных языках) [Мартин, 2011], начатая в 1920-е гг., не просто продолжила политику С.-Петербурга, но подняла ее на уровень суверенизации, поставив цель создать из союзных республик суверенные по сути государства. Политика коренизации в некоторых аспектах закончилась в 1930-е гг., но в главном – в суверенизации республик – продолжалась до последних дней советского режима. В 1897–1989 гг. повышение роли нерусских в органах власти шло за счет повышения их этнополитического статуса (ИЭПР вырос с 0,61 до 0,93), доля нерусских в населении страны уменьшилась на 6,5 п.п. В 1979–1989 гг. падение процента русских в управлении ускорилось под воздействием рождаемости у нерусских народов: доля русских в населении упала на 1,6 п.п., а нерусских выросла на 1,6 пункта. К 1999 г., через 10 лет после распада, при сохранении СССР и темпов динамики русских и нерусских, нерусские превратились бы в большинство, дерусификация набирала бы силу.

После дезинтеграции Советского Союза в постсоветских республиках так и произошло. В 1989 г. в СССР проживало 286 млн, из которых 145 млн, или 51%, были русскими. В 2018 г. на постсоветском пространстве насчитывалось около 295 млн человек, из них 125 млн, или 42%, русских². Всего через 29 лет после распада численность населения бывших 15 союзных республик возросла примерно на 9 млн, русских сократилась на 20 млн, их доля упала на 9%. Русские стали меньшинством. При сохранении СССР депопуляция русских привела бы к падению их участия в органах власти. Произошли бы другие перемены в национальном составе чиновников, поскольку динамика населения в ряде республик была иной. С 1989 по 2019 г. в 6 республиках – Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Казахстан и Азербайджан, население увеличилось на 26,5 млн, в республиках РСФСР, Эстонии, Украине, Молдавии, Литве, Латвии, Белоруссии, Грузии и Армении сократилось на 16,5 млн³ [Как изменилась численность..., 2020].

Еще один факт: нерусские народы обрели государственность после 1917 г. и увеличили участие в управлении в большей степени, чем нерусские народы, не имевшие государственности. За 1897–1989 гг. в «национальных окраинах» процент представителей 14 титульных народов (без русских) среди управленцев увеличился на 39,6 пункта (с 35,0 до 74,6), а нерусских этносов в целом – на 20,0 пунктов (с 59,5 до 79,5). В союзных республиках, включая Российскую Федерацию, наблюдалось вытеснение русских из органов управления с разной интенсивностью (табл. 7).

В наименьшей степени была дерусифицирована Россия. В ней в 1897–1979 гг. процент титульного народа (русских) среди чиновников понизился с 89,3 до 82,4 (к 1989 г. до 81,6), а в населении РСФСР повысился с 80,5 до 82,4. Доля нерусских в управлении поднялась с 10,7 до 17,6% (к 1989 г. до 18,4%), вследствие повышения их представительности – ИЭПР вырос с 0,55 до 1,00. Не после 1959 г. они представлены в структурах власти пропорционально численности.

Вытеснение русских из органов власти в «национальных окраинах» происходило интенсивнее. На территории 14 союзных республик при советской власти в 1897 г. процент русских среди чиновников равнялся 40,5. После 1927 г. он к 1989 г. упал до 20,5. Роль местных кадров в органах власти выросла, их доля среди чиновников поднялась с 59,5 до 79,5%. С 1897 по 1989 г. индекс репрезентативности русских рухнул в 2,8 раза (с 2,89 до 1,02), нерусских вырос в 1,4 раза – с 0,69 до 0,99. В результате к 1989 г. в целом по 14 союзным республикам (СССР без РСФСР) русские и нерусские были представлены во властных структурах близко к демократической норме: ИЭПР русских равнялся 1,02, нерусских – 0,99. Однако в 5 из 14 союзных республик (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Эстония) русские были недопредставлены, титульные этносы преобладали во властных структурах в абсолютном и в процентном отношениях, контролировали управление в 12 из 14 союзных республик. Лишь в Казахстане и Латвии они не располагали большинством. В Казахстане в силу малочисленности (в 1989 г. доля казахов равнялась 28,6%), в Латвии в силу недопредставленности латышей в управлении (табл. 7). Однако и в КазССР и ЛатССР русские в органах власти находились в меньшинстве.

К 1989 г. представители титульного этноса заняли господствующие позиции среди руководителей высшего звена в производственных отраслях хозяйства страны (табл. 8). Это происходило по мере роста численности национальных кадров. В 1926 г., кроме русских, два этноса, армяне и грузины, преобладали среди хозяйственных управленцев титульных республик. В 1959 г. их число возросло до 7, в 1979 г. – до 9. В 1989 г. только казахи не были в большинстве. Но их процент в населении республики составлял 39,7%.

²Численность русских. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Численность_русских (дата обращения: 06.11.2020).

³Как изменилась численность населения бывших Советских республик за последние 30 лет? URL: https://zen.yandex.ru/media/show_me_world/kak-izmenilas-chislennost-naseleniia-byvshih-sovetskih-respublik-za-poslednie-30-let-5dab00208600e100b133a238?utm_source=serp (дата обращения: 06.11.2020).

Таблица 7

Дерусификация управления в союзных республиках в 1917–1989 гг.

Союзная республика, этнос	Индекс репрезентативности					Доля этноса в управлении (в %)				
	1897	1926	1959	1979	1989	1897	1926	1959	1979	1989
РСФСР: русские	1,11	1,10	1,00	1,00	1,01	89,3	81,8	82,5	82,4	81,6
нерусские	0,55	0,70	1,02	1,00	0,97	10,7	18,2	17,5	17,6	18,4
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	–	0,84	0,94	1,04	1,03	–	49,0	56,1	77,9	83,3
русские	3,35	1,43	1,18	0,86	0,79	84,3	17,5	17,2	8,4	5,3
Армянская ССР: армяне	0,83	1,14	1,06	1,05	1,03	39,3	94,5	92,4	94,4	97,0
русские	3,52	0,50	0,72	0,49	0,75	23,4	1,2	2,7	1,4	1,3
Белорусская ССР: белорусы	0,70	0,69	0,85	0,93	–	30,7	57,5	69,5	72,5	–
русские	4,50	2,18	3,10	1,50	–	42,0	16,6	20,7	19,0	–
Грузинская ССР: грузины	0,67	1,08	1,11	1,11	1,11	50,2	69,5	72,0	76,5	79,2
русские	5,24	1,91	0,70	0,66	0,66	32,5	8,0	7,5	5,2	4,3
Казахская ССР: казахи	0,23	0,42	1,57	1,45	–	16,2	24,7	38,3	41,5	–
русские	3,46	2,74	0,96	0,90	–	77,8	51,2	43,6	40,7	–
Киргизская ССР: киргизы	0,15	0,35	1,00	1,17	–	11,7	24,1	38,5	47,4	51,0*
русские	6,82	4,38	1,14	1,05	–	78,1	45,9	36,9	33,4	–
Латвийская ССР: латыши	0,36	–	0,78	1,04	0,95	15,9	–	48,5	51,9	46,8
русские	4,17	–	1,48	1,00	1,06	29,6	–	37,9	34,6	36,5
Литовская ССР: литовцы	0,40	–	0,87	1,00	0,98	11,9	–	69,5	77,3	75,9
русские	5,09	–	2,53	1,28	1,33	48,4	–	19,9	13,0	13,3
Молдавская ССР: молдаване	0,25	–	0,56	0,81	–	10,2	–	37,7	50,4	–
русские	2,33	–	3,60	1,71	–	76,0	–	30,9	22,5	–
Таджикская ССР: таджики	0,87	0,55	1,00	1,07	–	23,8	40,4	50,3	56,7	–
русские	11,83	13,00	1,48	1,25	–	49,7	35,0	23,3	18,3	–
Туркменская ССР: туркмены	0,20	0,36	0,85	1,01	–	10,6	25,7	47,9	62,8	–
русские	4,09	6,35	1,32	1,16	–	69,6	46,2	28,9	19,9	–
Узбекская ССР: узбеки	0,28	0,60	0,83	0,96	0,96	15,8	40,6	49,5	61,1	64,6
русские	11,83	6,19	1,47	1,20	1,25	49,7	49,2	23,4	17,3	13,6
Украинская ССР: украинцы	0,73	0,66	0,87	0,97	–	53,3	55,0	68,1	70,0	–
русские	3,23	2,75	1,62	1,14	–	38,9	23,0	25,2	25,1	–
Эстонская ССР: эстонцы	0,62	–	0,89	1,12	1,00	52,4	–	66,1	66,9	58,5
русские	3,72	–	1,37	0,81	0,98	28,3	–	26,4	25,1	31,2
СССР: русские	1,43	1,22	1,14	1,07	1,06	67,8	64,8	61,2	59,1	56,2
нерусские	0,61	0,76	0,84	0,91	0,93	32,2	35,2	38,8	40,9	43,8
15 титульных этносов	1,06	0,96	0,97	1,00	1,01	85,3	82,9	90,1	90,3	90,1
СССР без РСФСР: русские	2,89	1,67	1,65	1,11	1,02	40,5	27,9	25,0	23,7	20,5
нерусские	0,69	0,87	0,88	0,97	0,99	59,5	72,1	75,0	76,3	79,5
14 титульных этносов	0,63	0,93	0,89	0,99	1,02	35,0	82,2	61,8	69,9	74,9

Примечание. *Оценка.

В Молдавии на долю титульного народа приходилось около половины управленцев, вместе с представителями других нерусских народов более 70%. Динамика роста хозяйственной элиты была позитивной: в среднем у 14 народов доля титульных управленцев повысилась на 35 п.п. Наибольший прирост наблюдался у народов с низкой стартовой позицией – азербайджанцы (76 п.п.) и туркмены (61,9 п.п.), а наименьший у народов с высокой

Таблица 8

**Представители титульного этноса среди руководителей высшего звена
в производственных отраслях народного хозяйства, 1926–1989 гг. (в %)**

Союзная республика, этнос	1926	1959	1979	1989	Изменение в 1926–1989
РСФСР: русские	82,6	81,0	83,4	77,3	–5,3
нерусские	17,4	19,0	16,6	22,7	+5,3
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	17,8	49,0	73,5	93,8	+76,0
Армянская ССР: армяне	93,1	92,4	94,4	99,4	+6,3
Белорусская ССР: белорусы	40,6	59,3	71,6	77,7	+37,1
Грузинская ССР: грузины	58,2	72,7	83,2	89,3	+31,1
Казахская ССР: казахи	10,6	19,3	25,4	39,5	+28,9
Киргизская ССР: киргизы	6,9	20,3	29,6	55,1	+48,2
Латвийская ССР: латыши	–	50,1	51,3	63,1	+13,0*
Литовская ССР: литовцы	–	71,4	81,8	91,5	+20,1*
Молдавская ССР: молдаване	–	21,9	43,7	50,0	+27,9*
Таджикская ССР: таджики	22,9	30,1	38,8	66,3	+43,4
Туркменская ССР: туркмены	9,9	32,0	53,2	71,8	+61,9
Узбекская ССР: узбеки	19,8	34,4	42,8	67,6	+47,8
Украинская ССР: украинцы	40,4	57,9	66,7	79,0	+38,6
Эстонская ССР: эстонцы	–	74,4	71,1	82,2	+7,8*

Примечание. *В этой и последующей таблице звездой отмечено изменение в 1959–1989 гг.

начальной точкой – армян (6,3 п.п.) и эстонцев (7,8 п.п.). В РСФСР процент титульных русских управленцев понизился на 5,3 пункта. Произошло выравнивание этнических статусов, что видно по данным об этнической представительности народов в хозяйственной элите (табл. 9). Национальная элита развилась или сформировалась в непроизводственных

Таблица 9

**Индекс этнополитической репрезентативности среди руководителей высшего звена
в производственных отраслях народного хозяйства**

Союзная республика, этнос	1926	1959	1979	1989	Изменение в 1926–1989
РСФСР, русские	1,08	0,98	1,01	0,95	–0,13
нерусские	0,73	1,11	0,95	1,23	0,49
Азербайджанская ССР: азербайджанцы	0,31	0,82	0,98	1,13	0,83
Армянская ССР: армяне	1,12	1,06	1,05	1,07	–0,06
Белорусская ССР: белорусы	0,48	0,72	0,92	1,00	0,51
Грузинская ССР: грузины	0,90	1,12	1,20	1,27	0,37
Казахская ССР: казахи	0,18	0,79	0,88	0,99	0,81
Киргизская ССР: киргизы	0,10	0,53	0,73	1,05	0,95
Латвийская ССР: латыши	–	0,80	1,03	1,21	0,41*
Литовская ССР: литовцы	–	0,90	1,06	1,15	0,25*
Молдавская ССР: молдаване	–	0,32	0,70	0,77	0,45*
Таджикская ССР: таджики	0,31	0,60	0,73	1,06	0,75
Туркменская ССР: туркмены	0,14	0,57	0,82	1,00	0,86
Узбекская ССР: узбеки	0,26	0,58	0,82	0,95	0,69
Украинская ССР: украинцы	0,97	0,74	0,92	1,09	0,12
Эстонская ССР: эстонцы	–	1,00	1,19	1,34	0,34*

сферах народного хозяйства (финансы, торговля и др.), в культуре и науке, образовании и медицине и т.д. [Народное образование..., 1989: 16, 202, 237, 256].

Исследование позволяет сделать следующие выводы. Нерусские этносы были представлены в органах власти задолго до революции 1917 г. ниже демократической пропорции. Но их недопредставленность, исключая евреев, обуславливалась преимущественно дефицитом национальных кадров и плохим знанием русского языка, а не правовыми ограничениями, т.е. ее некорректно считать политической дискриминацией [Миронов, 2010: 148–152]. Коренизация, или национализация, управления проходила до последних дней советской власти. Украинизация, белорусизация, башкиризация, туркменизация, узбекизация, татаризация, якутизация и др. поддерживались Центром и на всех уровнях власти как демократические и прогрессивные процессы. Русификация, или русизация, рассматривалась как проявление великодержавного шовинизма. В 1897–1990 гг. в целом в стране роль нерусских этносов в органах власти повышалась, а русских снижалась. Обратной стороной коренизации являлась дерусификация управления по Советскому Союзу и во всех союзных и автономных республиках. Меньше всего дерусификация затронула Российскую Федерацию. С наибольшей интенсивностью проходила она в «национальных окраинах». К 1979 г. в органах власти союзных республик нерусские и русские были представлены близко к демократической норме. Благодаря большой численности титульные этносы преобладали во властных структурах абсолютно и относительно. В 1989 г. в 9 из 15 союзных республик коренные народы располагали квалифицированным большинством, согласно республиканским конституциям имели возможность принять любые законы и провести любые реформы. В Киргизии, Молдавии, Таджикистане и Эстонии титульные народы имели простое большинство; в Казахстане (в силу малочисленности) и в Латвии (ввиду недопредставленности латышей в управлении) они не располагали большинством. Однако и в этих двух республиках русские во властных структурах находились в меньшинстве, а по доле среди управленцев уступали титульным этносам.

Распад Советского Союза имел объективные предпосылки, сложившиеся под влиянием национальной политики Центра, ставившей целью укоренить управление и выровнять уровни развития союзных республик, обеспечив их ускоренное развитие, в том числе за счет развитых и богатых ресурсами республик, прежде всего РСФСР. Всесторонний прогресс республик способствовал возникновению и развитию образованных и квалифицированных национальных кадров. Коренизируя, национализируя управление, Москва стимулировала формирование в республиках национальных элит. Национальная элита, госаппарат и управляющий класс считаются атрибутами национального государства. При наличии территории (с признанными границами и населением), государственной символики и конституции (в 1924 г. наделившей союзные республики суверенитетом и правом на самоуправление вплоть до отделения) они к 1979 г. стали обладать всеми атрибутами реального государства, а титульные этносы превратились в нации. При желании или необходимости они могли отделиться от СССР и существовать независимо. После этого судьба Советского Союза оказалась во власти местных элит и зависела от конъюнктуры. Решающим стал вопрос о реальных и воображаемых выгодах (в широком смысле) и привлекательности отделения. Республики развивались в рамках единого государства в период созревания, стабильности и процветания Советского Союза. В условиях кризиса советской системы в 1980-е гг. у национальных элит появились как реальная возможность, так и соблазн отделиться, найти свой выход из кризиса и свой путь к благосостоянию. Взрыв национализма, подтолкнувший республики к отделению, произошел в результате политической мобилизации этносов, проведенной национальными элитами. «СССР распался не столько в результате действия неких исторических законов и стремления народов к национальному самоопределению, – поставил диагноз в начале 1990-х гг. В.А. Тишков, – а в результате глубокого раскола советской элиты, отдельные группы которой прежде всего и самоопределились» [Тишков, 1996: 37]. Следует согласиться: советская национальная политика по сути в рамках мультикультуральной модели объективно способствовала

возникновению и развитию национальных государств, которые в случае необходимости могли отделиться [Тишков, 1994: 9; Тишков, Шабаетов, 2011: 154–155; Буровский, 2004: 214–215; Мартин, 2011: 32; Hirsch, 2005; Lane, 1996; Slezkine, 1994: 414–452; Walker, 2003: 193–202]. Центр своими руками создал предпосылки и возможность распада страны. Мотивация в разные периоды была различной [Аманжолова, Красовицкая, 2020: 96–172]. Отказ от идеи единой нации, основанной на общем гражданстве, в пользу национальных государств стимулировал развитие национализма в республиках, создал национальную колею, сойти с которой в будущем представляло огромные трудности.

Отсюда сомнения в состоятельности советского проекта национально-государственного строительства, ставившего целью, как поется в гимне СССР, создание «единого, могучего, нерушимого Союза» из «республик свободных». Задача по созданию свободных республик была выполнена. Но руководство страны не нашло механизма согласования интересов свободных республик в едином многонациональном государстве в долгосрочной перспективе [Тощенко, 2003: 53, 121], хотя и имело успехи в кратко- и среднесрочной перспективе. Огосударствление межнациональных отношений привело к суверенизации союзных республик, ставшей ключевым, но не единственным фактором распада СССР. Дезинтеграция Советского Союза была не случайностью, а процессом, не развалом, вызванным главным образом ошибками перестроечного времени, советской национальной политикой, имманентным стремлением национальных элит к суверенитету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2020.
- Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1975.
- Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Этносоциология вчера и сегодня / Отв. ред. и сост. Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 29–38.
- Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 1998.
- Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. М.: АСТ, 2004.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года: в 56 т. Т. 18–34. М., 1928–1930.
- Всесоюзная перепись населения 1959 года // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562 «Центральное статистическое управление СССР». Оп. 336. Д. 2839, 2871–2890, 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949.
- Всесоюзная перепись населения 1979 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7466–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.
- Всесоюзная перепись населения 1989 года // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 2570–2578.
- Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Мысль, 1996.
- Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: ЦОЦ, 2003.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 10 т. Т. 8: Распределение населения СССР и союзных республик по занятиям. Ч. 1. М.: Б.и., 1973.
- Конфликтная этничность и этнические конфликты / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИЭИА, 1995.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Миронов Б.Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 132–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.108.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017.
- Народное образование и культура в СССР: статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1989.
- Народное хозяйство СССР в 1989 году. М.: Финансы и статистика, 1990.
- Неформальное этническое квотирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа: Аналитический доклад. Махачкала, 2017.

- Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб.: Тип. Н.Л. Ныркина, 1905.
- Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992.
- Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 1998.
- Социальное неравенство этнических групп: Представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.
- Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Отв. ред. Л.М. Дробижева, Т.С. Гузенкова. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: Исторический аспект // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Мат. междунар. конф. [25–27 янв.] 1993 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1994. С. 9–34.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А., Шаббаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: М.: Московск. ун-т, 2011.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Труд в СССР (статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1988.
- Федорченко С.Н. Проблема квотирования в российской государственной кадровой политике // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: мат. Всерос. науч. конф. 4 декабря 2009. М.: Научный эксперт, 2010. С. 692–705.
- Ценности и символы этнического самосознания / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 1. P. 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Lane D. The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration // *Political Studies*. 1996. Vol. 44. No. 1. P. 4–23. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00754.x.
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452. DOI: 10.2307/2501300.
- Walker E.W. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. Berkeley, CA: Berkeley Publ. Policy Press, 2003.

Статья поступила: 17.03.21. Принята к публикации: 21.06.21.

FORMATION OF NATIONAL ELITES AS A FACTOR OF THE USSR DISINTEGRATION

MIRONOV B.N.

St. Petersburg State University, Russia

Boris N. MIRONOV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (mironov1942@yandex.ru).

Acknowledgements. The research was supported by RFBR grant, project No. 20-09-00353 “The Disintegration of the Soviet Union in the Human Dimension: An Interdisciplinary Study”.

Abstract. The disintegration of the USSR was a natural consequence of the Soviet national policy aimed at accelerating the modernization of the Union republics and equalizing their levels of development. By launching the process of the de-Russification ('korenizatsiya') managerial personnel, Moscow has contributed to the formation of modern national elites on the ground. The implementation of the national-state construction project led to the nationalization of ethnic and interethnic relations and the sovereignization of the Union republics, a key factor in the collapse of the USSR.

Keywords: disintegration of the Soviet Union, national policy, 'korenization' policy, ethnic structure of the state apparatus, ethnic discrimination, de-Russification of the government bodies.

REFERENCES

- All-Union Population Census of 1926*: in 56 vols. (1928–1930) Vols 18–34. Moscow. (In Russ.)
- All-Union Population Census of 1959*. Russian State Archive of Economics (RSAE). Archive 1562 "Central Statistical Office of the USSR". List of files 336. Documents 2839, 2871–2890, 2893, 2898, 2904, 2924, 2928, 2938, 2939, 2949.
- All-Union Population Census of 1979*. RSAE. Archive 1562. List of files 336. Documents 7466–7473, 7490, 7500, 7501, 7503, 7505, 7508, 7510.
- All-Union Population Census of 1989*. RSAE. Archive 1562. List of files 69. Documents 2570–2578.
- Amanzholova D.A., Krasovitskya T.Yu. (2020) *Cultural Complexity of Soviet Russia: Ideology and Management Practices, 1917–1941*. Moscow: Novyi khronograf. (In Russ.)
- Artemyev A.P. (1975) *Fraternal Combat Union of the Peoples of the USSR in the Great Patriotic War*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V. (ed.) (1992) *Russian: Ethnosociological Essays*. Moscow: Nauka.
- Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. (2016) Passed Paths and Some Problems of Modern Russian Ethnosociology. In: Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (eds) *Ethnosociology Yesterday and Today*. Moscow: IEA RAN: 29–38. (In Russ.)
- Beissinger M.R. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Brubaker R. (1994) Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account. *Theory and Society*. Vol. 23. No. 1: 47–78. DOI: 10.1007/BF00993673.
- Burovskii A. M. (2004) *The Collapse of the Empire: The Course of Unknown History*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1995) *A Conflict Ethnicity and Ethnic Conflicts*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1998) *Asymmetric Federation: Looking from the Center, Republics and Regions*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1996) *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in 90s*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1998) *Social and Cultural Distances: The Experience of Multinational Russia*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Social Inequality of Ethnic Groups: Representations and Reality*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2003) *Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*. Moscow: TsOTs. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (1994) *Values and Symbols of Ethnic Self-Awareness*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Guzenkova T.S. (eds) (1995) *Sovereignty and Ethnic Self-Consciousness: Ideology and Practice*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Fedorchenko S.N. (2010) The Problem of Quotas in the Russian State Personnel Policy. In: *National Security: The Scientific and State Management Content: Proceedings of the all-Russian Scientific Conference*. December 4, 2009. Moscow: Nauchnyi Ekspert: 692–705. (In Russ.)
- General Summary across the Empire of the Results of the Compilation of Data of the First General Population Census, Carried out on January 28, 1897*: in 2 vols. (1905) Vol. 2. St. Petersburg: Tip. N.L. Nyrkina. (In Russ.)
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Informal Ethnic Quotas in the Multi-Ethnic Republics of the North Caucasus: Analytical Report*. (2017) Makhachkala. (In Russ.)
- Lane D. (1996) The Gorbachev Revolution: The Role of the Political Elite in Regime Disintegration. *Political Studies*. Vol. 44. No. 1: 4–23. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb00754.x.
- Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2017) *Management of Ethnic Diversity in the Russian Empire*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2021) Disintegration of the USSR in Historiography: Collapse or Dissolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. Vol. 66. Iss. 1: 132–147. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.108. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2018) *The Russian Empire: From Tradition to Modernity*: in 3 vols. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in 1989*. (1990) Moscow: Finansy i Statistika. (In Russ.)
- Public Education and Culture in the USSR: Statistics Digest*. (1989) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Results of the all-Union Population Census of 1970*: in 10 vols. (1973) Vol. 8. Part 1. Moscow. (In Russ.)

- Slezkine Y. (1994) The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*. Vol. 53. No. 2: 414–452. DOI: 10.2307/2501300.
- The Labor in the USSR (statistics digest)*. (1988) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1996) *Conceptual Evolution of National Policy in Russia*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkiy Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1994) Nationalities and Nationalism in the Post-Soviet Space: Historical Aspect. In: Tishkov V.A. (ed.) *Ethnicity and Power in Multi-Ethnic States: Proceedings of the International Conference [January, 25–27], 1993*. Moscow: Nauka: 9–34. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. (2011) *Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity*. Moscow: Moskovsk. un-t. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2003) *Ethnocracy: History and Modernity (Sociological Essays)*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Walker E.W. (2003) *Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*. Berkeley, CA: Berkeley Publ. Policy Press.

Received: 17.03.21. Accepted: 21.06.21.

Л.М. ДРОБИЖЕВА

ОПЫТ 1990-х гг. И УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМ МНОГООБРАЗИЕМ

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. В статье обсуждаются уроки, которые государство и общество могли вынести из институциональных противоречий и насильственных конфликтов, пережитых Россией в 1990-е гг. Анализируются процессы этнической мобилизации в национальных республиках и пути выхода из конфликтных ситуаций. На конкретных материалах показано, что важнейшим уроком стало умение находить компромиссные, диалоговые способы снятия противоречий в сфере языка, экологии, запросов на участие в использовании местных природных ресурсов, повышении самостоятельности в экономике, развитии культуры.

Большинство противоречий последнего десятилетия XX в. ограничивалось институциональной сферой, нарушением Конституции и федеральных законов. При этом этнический национализм элит в российских республиках был разным. Анализируя дискурс и законодательные практики Башкортостана, Северной Осетии – Алании, Татарстана, Саха (Якутии) и Тувы, автор показывает, что о разделенном суверенитете (не сецессии) речь тогда шла лишь в Татарстане, причем в нем, как в Якутии и Башкирии, преобладал экономический и культурный национализм, в Северной Осетии – Алании – защитный, в Туве – культурный. Компромиссные решения, принятые в 1990-е гг., оказались временными. По мере усиления легитимной власти в Центре они переставали действовать. Признание законной монополии силы со стороны государства является условием недопущения эскалации насильственных конфликтов. Защита общества основывается на верховенстве закона, но за соблюдением закона необходим контроль и со стороны государства, и со стороны общества.

В заключительной части статьи обсуждается опыт управления культурным многообразием при регулировании межэтнических отношений в России 2010-х гг. Опираясь на результаты общероссийских и республиканских исследований, автор показывает, что этническая идентичность россиян остается очень устойчивой, причем у большинства населения она не конфликтует с общероссийской идентичностью, а совмещается с ней. Это позволяет сделать вывод: представление о народе как согражданстве, направленное на консолидацию социальных, пространственных и этнокультурных сообществ, реализующих свои интересы в экономике, политике и культуре, способствует обеспечению солидарности в стране.

Ключевые слова: этническая мобилизация • институциональные и насильственные конфликты • этнический национализм • управление культурным многообразием • гражданский национализм

DOI: 10.31857/S013216250015254-2

Введение. 1990-е гг. в полиэтничной России, характеризующиеся насильственными конфликтами, распространением новых представлений о федерализме и напряжениями в межэтнических отношениях в национальных республиках, по-разному оцениваются исследователями и общественными деятелями. Согласно Ж.Т. Тощенко, то был период утверждения этнократии, и в его определении кроется боль за распавшийся Союз,

Это последняя статья Л.М. Дробичевой в нашем журнале. Редакция оставила авторский текст без изменений.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00241.

выстроенный на принципах интернационализма¹, и ушедшее в прошлое управление на основе социалистического централизма. Другие называли это время этническим возрождением, прежде всего в республиках, где люди стали без стеснения говорить на родном языке в общественных местах – на улице, в трамваях и магазинах. Историки и литераторы начали вспоминать о репрессированных или уехавших за границу культурных деятелях, на собраниях и митингах зазвучали национальные народные песни. Подобные мобилизующие моменты переживали не только башкиры, татары, чуваша, якуты, карелы, но и русские, радовавшиеся, например, что Шалапин вновь открыто признавался их уважаемым певцом, а не эмигрантом, о котором говорили чаще дома, но дипломную работу в МГУ о котором написать было нельзя. Русская культура, получившая мировую известность, снова стала достоянием российских граждан.

С позиций междисциплинарных научных подходов и этносоциологической точки зрения 1990-е гг. можно назвать эпохой этнической мобилизации и этнического национализма. Анализируя типы этнической активности в республиках (в первую очередь в российских, но и опыт бывших союзных тоже учитывается), мы попытаемся сформулировать вынесенные из пережитого опыта уроки, значимые для управления культурным многообразием в разные периоды жизни страны. В своем исследовании мы учитывали теоретическое осмысление событий 1990-х гг. учеными, принимавшими тогда реальное участие в работе властных институтов и регулировании конфликтных ситуаций [Тишков, 1997; Паин, 2004], видение происходивших трансформаций представителями власти [Абдулатипов, Михайлов, 2016] и, конечно, работы отечественных этносоциологов, конфликтологов и этнопсихологов – Ю.В. Арутюняна, Ж.Т. Тощенко, А.Г. Здравомыслова, М.Н. Губогло, Г.У. Солдатовой, И.М. Лебедевой и др., а также наших коллег из республик.

Эмпирической основой анализа послужили результаты этносоциологических исследований, организованных Институтом этнологии и антропологии РАН в Татарстане, Башкортостане, Туве, Саха (Якутии), Северной Осетии – Алании в 1994, 1996–1997 и 1998–1999 гг.² Помимо массовых опросов, было проведено 230 глубинных интервью с лидерами и специалистами³, имена которых определялись в ходе опросов населения посредством ответа на вопрос «Кто выражает интересы вашего народа?» Кроме того, изучались также выступления политиков и идеологов. Сравнение результатов исследований за разные годы позволяют проследить динамику отношения политических акторов и жителей регионов к суверенитету республик, идеям сепаратизма, национализма, самоопределения и федерализма.

Естественно, в рамках статьи нет возможности осветить протекание всех упомянутых выше сложных процессов. По этой причине мы решили сфокусироваться на следующих трех проблемах: 1) что может составить основу этнической мобилизации; 2) как трансформировался национализм 1990-х гг. в ходе укрепления федеративного государства; 3) что позволяет эффективно сдерживать эскалацию конфликтов и противоречий.

Основой этнической мобилизации и в союзных республиках, и в российских автономиях стало в 1990-х гг. требование, провозглашенное национальными (этническими) активистами, – *сохранить родной язык*. Язык – наиболее чувствительный этнический интегратор, ощущаемый людьми как ценность. Более того, языковые требования тогда имели и социальную основу, отражали социальные и политические интересы местных национальных элит. Знание национального (этнического) языка становилось преимуществом при занятии властных постов. Вводилось обязательное условие для главы республики, например, владеть национальным языком, что, следовательно, лишало представителей других национальностей, не знающих языка республики, в том числе русских, доступа к

¹ Интернационализм тогда понимался как приоритет пролетарских, затем общественных интересов и равноправные дружественные отношения между людьми разных национальностей.

² В каждой из указанных республик выборка составляла 1000 чел. (случайная погрешность колебалась в пределах 4–5%). В число опрошенных входили как русские, так и национальности, дававшие названия республикам. Рук. Л.М. Дробижева.

³ 110 из них опубликованы в: [Дробижева, 1996].

высшим эшелонам власти в регионе. Нередко знать национальный язык должны были не только сотрудники администрации, но и работники сферы обслуживания.

Отвечая на вопрос «Что вас роднит с людьми вашей национальности?», 82% городских и 85% сельских осетин, 77% городских и 83% сельских татар, 72% городских и 83% сельских саха, 78% тувинцев в городах и 84% в селах утверждали – язык. Около 70% русских в национальных республиках хотели тогда, чтобы их дети знали язык так называемых титульных наций. Республиканские газеты в середине 1990-х гг. уделяли языковой тематике самое пристальное внимание. Идеологический прессинг ощущался довольно явно: «...татарский язык серьезно болен»⁴, «если он умрет, то мы погибнем как нация» [Хакимов, 1993]. В то же время, отвечая на вопрос «Какие условия сейчас необходимы для возрождения вашего народа?», поддержку языка называли не многим более 40% [Дробижева и др., 1996: 265–266], при этом 80% татар, более 90% осетин, до 90% якутов и 79% тувинцев хотели, чтобы их дети знали русский язык.

Языковые требования – самые чувствительные, и регулирование интересов в данной сфере – один из барометров умения власти находить диалоговые способы решения проблем. В девяностых таким решением стало принятие закона о языке народа, давшего название республике, и признание его вторым государственным языком в соответствующем регионе. При этом руководству республики предстояло убедить население: интересы «титульной нации» реализовываются, но не в ущерб другим народам. Например, в обращениях президента Татарстана М.Ш. Шаймиева звучали слова «татары и русские», «русские и татары», что указывает на учет интересов обоих контактирующих народов.

Находить компромиссные, диалоговые решения в сфере языка, экологии, использования природных ресурсов – важный урок 1990-х. К сожалению, в истории современной России имеются также случаи, когда противоречия решались насильственным путем – осетино-ингушский вооруженный конфликт из-за спорных территорий и чеченский конфликт. Последний был во многом обусловлен гедонистическими стремлениями круга лиц, претендующих на власть, которых поддерживала часть элиты, зависящей в своей деятельности от власти, и значительная часть простых чеченцев, солидаризировавшихся с элитой вследствие ущемленности в прошлом. О роли элит в эскалации конфликтов писали в свое время Т.Р Гарр [Gurr, 1993] и Ч. Тилли [Tilly et al., 1975], у нас эту идею во властный дискурс внес В.А. Тишков [1997].

Одним из основных уроков, вынесенных Россией из опыта насильственных конфликтов, стало признание того, что исключительно за государством может признаваться законная монополия силы. Защита общества основывается на верховенстве закона, однако за его соблюдением необходим контроль не только со стороны государства, но и со стороны общества – в мировой практике это называется демократическим участием [Зенгхаас, 2007: 40]. Таким образом, *законная монополия силы, верховенство закона и соблюдение Конституции составляют основу регулирования насильственных конфликтов.*

Уроки институциональных конфликтов. На постсоветском пространстве произошло более сотни невооруженных конфликтов. Большинство из них носили институциональный, конституционный характер, т.е. противоречия в них сводились к законодательным нормам, отражающим идеологии и интересы противоборствующих сторон. В такого рода противостояниях этнокультурные различия не сами по себе очерчивают межгрупповые границы (в понимании Ф. Барта), за ними стоят экономические, политические и некие ситуационные обстоятельства. Идеологии и действия конфронтировавших с Центром республиканских элит были связаны с четко выраженным в 1990-е гг. этнонационализмом.

В советской идеологии, литературе и повседневной практике понятие «национализм» имело явно негативный смысл. Его трактовали как отрицание равенства людей разных национальностей, приоритет какой-то одной нации или расы над остальными. Напротив, в пространстве европейских языков данный феномен был лишен подобной оценочной

⁴См.: Татарские края. 1995. Октябрь. № 38.

нагрузки, его обсуждали, анализировали и критически осмысливали многие авторитетные исследователи. Несовпадение деклараций элит и реальной практики разоблачал Э. Кедури [Kedourie, 1971], осуждал Э. Хобсбаум [1998: 305], порой высмеивал Э. Геллнер [1991: 319]. Однако чужой опыт без изучения собственного не позволял с ходу урегулировать возникшие противоречия и усвоить урок.

В 1960-е гг. Г. Кон предложил различать два вида национализма: *гражданский*, или *западный*, национализм, основанный на свободном самоопределении личности, и *восточный*, основанный на представлениях о приоритете этнических интересов, опирающихся на историю и культуру [Kohn, 1967: 329–333]. Идеи и требования, выдвигавшиеся идеологами в российских республиках, были ближе именно ко второму.

Национализм, согласно большинству специалистов, предполагает наличие общности – нации, имеющей свои особые качества, ее интересы и ценности приоритетны перед другими интересами и ценностями, и главное – нация должна стремиться к достижению политического суверенитета, хотя бы некоторого [Breuilly, 1983]. Национализм, наблюдавшийся в российских республиках, вполне соответствует данному описанию, однако он не был одинаковым на всем российском пространстве. Анализ требований региональных элит и законодательная практика в республиках дают основание утверждать, что *национализм в России был разным*. В этом и заключается один из основных уроков, усвоенных учеными и властью из пережитого опыта невооруженных институциональных конфликтов.

Стремление к полному отделению имело место только в Чеченской Республике, элита которой ратовала за суверенитет. В Татарстане, хотя он и именовался в республиканской Конституции суверенным демократическим государством, выражающим «волю и интересы всего многонационального народа республики», идеологи при власти осознавали опасность националистических идей исключительности и нетерпимости, а потому специально подчеркивали: «защита культуры этнических общностей, обучение на родном языке» и «получение самоуправления вплоть до суверенитета не противоречит принципу уважения прав человека» [Исхаков, 1995: 53], т.е. высказывались в духе гражданского национализма. Данный принцип поддерживался и представителями русскоязычной части населения региона. В 1990-е гг. в Татарстане открыто действовали не только Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), Комитет по защите и реализации суверенитета Татарстана «Суверенитет» и Татарская партия национальной независимости «Иттифак», но также и Союз офицеров Татарстана, пророссийская организация открытой оппозиции суверенитету Татарстана «Народовластие», политический блок «Гражданский союз», пророссийская организация реформистской направленности «Согласие», коммунистическая организация «Народный фронт Татарстана».

В Северной Осетии насчитывалось более 20 партий, однако они являлись формально созданными и неэффективными [Гостиева, Дзадзиев, 1995: 219, 229]. В Туве было зарегистрировано шесть партий, но состояли в них исключительно тувинцы. В Саха (Якутии) идею суверенитета активно поддерживали общественные объединения «Саха Кэскилэ» и «Саха Окум». В то же время там действовали реформаторская демократическая партия Якутии, весьма многочисленная коммунистическая партия Саха. Была в республике и русская общественная организация.

В Татарстане на официальном уровне проводилась идея разделенного суверенитета, зафиксированная в доктринальных документах. «Для нас, – пояснял М.Ш. Шаймиев, – суверенитет означает возможность самим добровольно определять ту долю полномочий, которую мы оставляем себе, и ту долю полномочий, которую делегируем России»⁵. Помимо заявки на разделенный суверенитет, власти республики стремились сами регулировать отношения собственности, формы хозяйствования, нормативы социальной, налоговой, ценовой и инвестиционной политики, при этом, однако, большинство предприятий они оставили в государственной собственности. К подобному типу федерализма Центр,

⁵ Известия Татарстана. 1995. 15 февраля. С. 1.

естественно, был не готов, да и сам президент Татарстана отдавал себе отчет в том, что «мы забежали далеко вперед, и когда в Центре власть окрепнет, мы должны будем определить наши отношения в соответствии с федеральными законами»⁶.

Президент Саха (Якутии) М. Николаев понимал национализм в его советском значении, и в интервью нам он говорил, что это слово завезли приезжающие в республику иностранцы и журналисты. Тем не менее на праздновании пятилетия провозглашения суверенитета республики он заявил: «Мы выдвинули экономическую самостоятельность республики на первый план»⁷. Идеологи якутского национализма высказывались преимущественно за право «коренных народов на природные ресурсы, право на землю, на самоуправление с учетом обычного права»⁸. В несколько меньшей степени они фокусировались на обсуждении этнокультурных проблем языка и «возрождения традиций».

В Северной Осетии – Алании суть суверенитета сводилась главным образом к защите территории, что было обусловлено столкновением с Ингушетией и Южноосетинским конфликтом. Интервью и с президентом республики А.Х. Галазовым, и с этническими активистами буквально пронизаны этой идеей.

Выходом из конфликтных отношений с Центром в середине 1990-х гг. стали договоры, заключавшиеся между правительствами Российской Федерации и республик. Поскольку ситуации и национализмы в республиках имели свои особенности, каждый такой договор отличался своеобразием. Либералы критиковали заключение договоров с республиками, усматривая в этом установление патрон-клиентских отношений (Н. Петров, А. Мельвиль). Тем не менее в тех условиях договоры сыграли положительную роль⁹, став способом снятия конфликтных отношений: «Правовое развитие – не роскошь, а предпосылка мирного разрешения конфликтов» [Зенгхаас, 2007]. Окончательную точку в урегулирование конституционных конфликтов поставило решение Конституционного суда РФ 2000 г., отменившее суверенитет республик. Это оказалось возможным, когда Центр стал сильным.

Провозглашение суверенитета не означало сецессии территории. «Куда же мы выйдем, – говорили нам тогда в интервью представители администрации Татарстана. – Дело не только в геоположении республики». И в Центре, и на местах понимали: в 24 часа Центробанк может перекрыть поступление финансов, без которых функционирование экономической и социальной сфер региона невозможно. Да и на уровне федерации в целом мобилизация вокруг этого требования не обеспечивала достаточный уровень политического капитала. Уже с середины 1990-х гг. политические партии перестали использовать его для мобилизации, понимая, что нерусское население республик составляет менее 1/5 всего электората, а к концу десятилетия в них начали приобретать популярность ценности объединения на основе принципов согражданства и общей заинтересованности в стабилизации ситуации. Не случайно «Наш дом Россия» лидировал в Татарстане, Туве и Северной Осетии. И в то же время идеи суверенитета в виде требований большего участия в распоряжении природными ресурсами и принятии экономических решений поддерживали тогда более 60% населения республик (57% – в Северной Осетии, 64% – в Татарстане, 68% – в Саха (Якутии) и Туве), в том числе более 40% русских.

Властная элита республик, именуемая в Центре этнократией, в 1990-х гг. имела возможность использовать для мобилизации не только этнокультурные ценности – язык и традиции, но также экологические интересы и идеи демократии, которая трактовалась тогда как уважение к правам меньшинства. Практикой урегулирования конфликтных ситуаций стало предоставление возможности проявить этническую идентичность на публичной арене при сохранении равновесия между интересами различных общественных сил, что обеспечивало компромисс, социально-культурную лояльность и культурные

⁶ Запись выступления М.Ш. Шаймиева на конференции по федерализму в 1995 г. в Академии наук.

⁷ Обращение М.Н. Николаева // Республика Саха. 1995. 14 февраля.

⁸ Винокурова У. День коренных народов // Республика Саха. 1995. 9 августа.

⁹ Опросы 1994 г. в Татарстане показали, например, что 60% татар и 70% русских поддерживали подписание такого договора [Дробижева и др., 1996: 78].

укоренившиеся связи. Конституционные противоречия возникали и требовали решения не только на уровне Центр – субъекты федерации, но и на уровне межэтнических отношений внутри республик. Признание еще чьих-то интересов, кроме собственных, становилось сложной проблемой для региональных элит. Этнократия, о которой писал Ж.Т. Тощенко, была реальностью, и правительствам в субъектах федерации, если они желали оставаться легитимными, приходилось проявлять способность к диалогу¹⁰. Вместе с тем, как показывали результаты опросов, равенство возможностей в республиках не всегда соблюдалось. Не только русские, но и представители национальностей, давших название республикам, признавали, что этническая принадлежность человека имела значение при доступе к власти. В 1999 г. 26% русских и 18% татар Башкортостана считали, что у башкир больше возможностей получить хорошо оплачиваемую работу в республике, а 44–49% татар и русских – что у башкир больше возможностей занять высокий пост в органах власти. Среди башкир с этим соглашались лишь 13–29%. Примечательно, что и в 2013 г. мнения в тренде оставались прежними и изменились к лучшему не более чем на 10% по каждому показателю. Какой урок из этого можно извлечь? Опыт 1990-х гг. подсказывает: *и на федеральном уровне, и на уровне субъектов федерации государство обязано не допускать социальной дискриминации, в том числе по этническому признаку, и стремиться обеспечивать равенство возможностей в трудовой, социальной и политической сферах.*

В 1990-е гг. элиты играли преимущественную роль в формировании массовых настроений. Идеи политической, научной, художественной элит транслировались СМИ и работниками сферы образования, а в традиционных обществах также старейшинами и «авторитетными людьми». В массовых опросах мы фиксировали распространение устойчивого мнения о напряжениях, активно обсуждавшихся средствами информации. В то же время участники глубинных интервью говорили об информационной войне.

Если последствия ненасильственных конфликтов сводились к фрустрации, ксенофобии и миграции, то насильственные сопровождалась жертвами и потоками беженцев. Число беженцев и переселенцев из Северной Осетии – Алании, например, оценивалось примерно в 100 тыс. человек, 600 человек погибло. Из Чечни только с конца 1994 г. по апрель 1995 г. уехало 302,8 тыс. человек¹¹.

Факторы и причины насильственных и ненасильственных конфликтов обсуждались и в 1990-х, и в 2000-х гг., и у нас в стране, и за рубежом. Существуют разные подходы к их объяснению, но главное, что необходимо вынести из этого печального опыта, – *этнические вызовы и радикальные формы их реализации имели место быть при слабой власти Центра.* На каком-то историческом отрезке времени происходят изменения в потенциале этнических групп (структурно-функциональная модель Т. Парсонса), элиты которых претендуют на престижные места, прежде всего во власти. Так было не только у нас в 1990-х. Аналогичные процессы наблюдались в 1970-х гг. в Бельгии и Канаде. После озвучивания претензий на изменения текущая ситуация может сохраняться довольно долго, пока центральная власть сильна. Но если она теряет легитимность, как было в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг., появляется шанс на реализацию претензий, а дальше эскалация или купирование конфликтных ситуаций в решающей мере зависит от состояния центральной власти. Собственно, это мы и наблюдали в России. За легитимацией центральной власти в конце 1990-х – начале 2000-х гг. последовало законодательное устранение отклонений в Конституциях субъектов федерации, противоречащих федеральным законам.

Совершенствовать управление полиэтничным обществом – и в этом заключалась особенность новой России 2000-х гг. – приходилось, учитывая, что российские народы имели опыт советского периода, когда, пусть и декларативно, у них была своя государственность, и опыт 1990-х, когда попытки демократической элиты Центра построить федерализм без этничности (устранить республики) встретили сопротивление в регионах,

¹⁰ Правительство Татарстана, например, еще в 1990-х сняло 15%-ную надбавку за знание языка и сократило число факультетов в вузах, где преподавание велось на татарском языке.

¹¹ Желудков А. Бедствия России – беженцы. Бедствия беженцев – нищета // Известия. 1995. 19 апреля.

заставившее искать компромиссные решения. Кроме того, существовали различия в понимании демократии. Среди политиков и части ученых сохранялось представление о демократическом федерализме как неэтническом федерализме гражданского равноправия. В отличие от них республиканские идеологи связывали демократию с возможностью учета этнокультурной сложности в конституционно-правовом пространстве страны.

Управление культурным многообразием. В отечественной литературе политика государства в сфере межэтнических отношений называется нациестроительством. Такая политика проводится во всех странах, которые должны совмещать разнообразие языков, религий, этничностей, рас с универсальностью соблюдения общих законов и общей гражданской идентичностью. В настоящей статье вместо термина «нациестроительство» будет использоваться словосочетание «управление культурным многообразием», поскольку оно, на наш взгляд, точнее описывает российскую политику, уходящую от мультикультурализма, но сохраняющую признание культурного разнообразия и языков народов при гарантиях гражданам свободы культурного выбора (каждый вправе сам определять свою этническую принадлежность) и одновременно направляющую усилия государства на межкультурное взаимодействие, развитие диалога и доверия между народами и государством. К соблюдению ряда норм Россию обязывает также ратификация ею религиозной конвенции о защите национальных меньшинств в 1998 г.

Управление культурным многообразием на государственном уровне возможно, если, вопреки концепциям неолиберализма и постмодерна, принять нацию-государство в качестве сохраняющейся нормы современных государств. Не вступая в дискуссию о негативных последствиях этатизма для формирования политической нации (превалирование неформальных правил, низкое межличностное и институциональное доверие), мы полагаем, что государство и формирование единой политической нации остается в современных условиях необходимой формой общественной коалиции.

Основополагающим документом при управлении культурным многообразием является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, где впервые в доктринальном пространстве управления появилось понятие «российская нация». В современном мире существуют два понимания нации: гражданская политическая нация и этническая этнокультурная нация. История знает примеры трансформации одной в другую, элементы той и другой могут присутствовать в каждой из них, тем не менее существуют и те, и другие. Во многих современных многокультурных государствах есть свои внутренние нации, что объясняет существование понятия «нация наций» [Тишков, 2008].

Управление культурным многообразием направлено на укрепление общероссийской нации как интегрирующей общество, стимулирующей межкультурные взаимодействия и развитие гражданской солидарности. Для этого управляющий аппарат обеспечивает включение указанной тематики в образовательный процесс, пространство СМИ и Интернета и содействует практикам общественной саморегуляции (например, стихийно рождающимся формам взаимопомощи, особенно актуальным в условиях пандемии). Успешность укрепления национальной (общероссийской) идентичности в поликультурной стране во многом зависит от учета растущей этнической идентичности как русских, так и других народов, ее направленности в конструктивное, а не дезинтегрирующее русло. Опыт нашей страны показывает: на конкретных исторических этапах и в определенных условиях у разных народов этническая идентичность могла вызывать и позитивные солидаризирующие, и разрушительные последствия.

Управление этнокультурным развитием в России предполагает учет всего разнообразия нашего сложного государства, где есть и национальные автономии, и коренные малочисленные народы, и такие народы, как цыгане и айсоры, и дисперсно расселенные люди разных национальностей, и диаспорные группы, и, наконец, привлекающие особое внимание ведомств и экспертов мигранты, внешние и внутренние. Люди каждой идентичности различаются по уровню развития их гражданской культуры и сохранности традиционных отношений, соответственно, и интеграционные процессы у них протекают с разной скоростью и обладают своеобразием.

В рамках статьи сложно подробно рассмотреть весь комплекс вопросов, касающихся этничности в связи с социальным, экономическим, политическим, историко-культурным контекстами в регионах. Поэтому остановимся на тех из них, которые имеют непосредственное отношение к сохранению единства страны. Обсудим их на примере республик, выполняющих роль барометра состояния межэтнических отношений в стране, – Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутия).

Татарстан – регион с высокой этнической солидарностью: 68% татар и 54% русских считают, что «человеку важно чувствовать себя частью своей национальности»¹², 84% татар и 78% русских ощущают связь с людьми своей национальности. Однако при такой высокой значимости этничности в республике поддерживаются достаточно благоприятные межэтнические отношения: 77% татарстанцев посчитали их «благоприятными и спокойными». С недоверием и неприязнью из-за этнической принадлежности сталкивались за последний год только 12%. Данное значение оказалось одинаковым и у русских, и у татар и совпало с общероссийским показателем.

Поддержание благоприятных межэтнических отношений – результат высокой заинтересованности населения в сохранении спокойствия и грамотной политики органов управления в непростых условиях. Со времен 1990-х гг. в республике продолжает действовать Всероссийский Татарский общественный центр, борющийся за сохранение татарского языка¹³. Кроме него, в Татарстане функционируют официально поддерживаемая организация татар – Всемирный конгресс татар, «Русское национально-культурное движение Республики Татарстан», Ассамблея народов Татарстана, куда входят организации чувашей и других национальностей, Казанский правозащитный центр и иные общественные объединения, в том числе религиозные. Естественно, принципиальное значение имеют позиция руководства республики и его отношения с федеральным центром. Во главе Татарстана стоит авторитетный среди и татар, и русских лидер. При сильной власти межэтнические противоречия сдерживаются и в известной мере нивелируются другими событиями общероссийского и экономического плана. «Сегодня Татарстан – передовой и экономически успешный регион, который последовательно поддерживает курс на строительство сильной России», – заявил во время празднования 100-летнего юбилея республики в 2020 г. Р.Н. Минниханов, а в сохранении межнационального согласия он отметил поддержку федерального центра «и прежде всего нашего национального лидера Владимира Путина»¹⁴. Вместе с тем слова главы республики не означают, что управления межнациональными отношениями в регионе не требуется. В Татарстане очень остро воспринимается проблема сохранения родного языка¹⁵, причем не только активистами, но и 59% татар, при этом 49% татар считают родным и русский язык.

Сложность управления межэтническими отношениями в соседнем Башкортостане заключается в том, что это республика с самым высоким уровнем межэтнических контактов, где народ, давший название республике, не составляет большинства. При высоком уровне этнической идентичности (79% башкортостанцев уверенно идентифицируют себя по этничности, особенно башкиры и татары) в республике удерживаются достаточно

¹² Здесь и далее приводятся данные опросов 2020 г., проведенных Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с РОО «Центр по изучению дискриминации, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан».

¹³ Правда, на последнем съезде писателей Татарстана эту организацию назвали «маргинальной структурой, где ностальгируют пожилые активисты, ...но чтоб он стал интеллектуальным центром, надеяться не приходится». См.: «Оставшийся с советского периода колхоз»: есть ли шанс на перезагрузку союза писателей РТ? // БИЗНЕС онлайн. 2021. 28 февраля. URL: <https://business-gazeta.ru.turbopages.org/business-gazeta.ru/s/article/500731> (дата обращения: 03.04.2021).

¹⁴ Рустам Минниханов: Предмет нашей гордости и уверенности в будущем // Республика Татарстан. 2020. 25 мая. Вып. № 74(28843). URL: <http://rt-online.ru/predmet-nashej-gordosti-i-uverennosti-v-budushhem/> (дата обращения: 03.04.2021).

¹⁵ Сейчас актуализировалась проблема всероссийской переписи, в связи с которой обсуждается вопрос о возможности записать не одну этническую принадлежность и дать ответ о двух родных языках.

благоприятные отношения (так их оценивали 74–77% населения). Вместе с тем башкиры обеспокоены вопросами сохранения родного языка и экологическими проблемами, которые приобретают социально-политическое звучание (достаточно вспомнить протесты, связанные с сохранением Куштау).

Проблемы экологии и природных ресурсов актуальны и для жителей Саха (Якутии). Требование участия в использовании природных ресурсов озвучивается экспертами здесь с 1990-х гг. Во время опросов 2020 г. 89% (92% саха и 86% русских) назвали «важным для республики участие якутян в использовании ресурсов на ее территории»¹⁶. В то же время языковые проблемы стоят в Якутии не столь остро, как в Татарстане и Башкортостане. На обязательном изучении языка саха всеми школьниками в 2020 г. настаивали 35%, почти половина саха высказались за добровольное изучение его в школе. Межэтнические отношения в регионе 75% оценивали как благоприятные. По заверениям главы республики А. Николаева, «Якутия всегда была и остается оплотом российской государственности на бескрайних просторах северо-восточной части страны»¹⁷. Тем не менее значимость этничности здесь высокая: 96% саха и 88% русских ощущают близость с людьми своей национальности, и ее актуализация выше, чем в случае с другими коллективными идентичностями (поколенческой, по вероисповеданию, локальной).

В российских национальных республиках разрабатываются стратегии развития народов, в связи с чем там идут дискуссии именно с этническим акцентом, которые показывают, что в новых социально-политических условиях, как и в 1990-е гг., национализмы в республиках различаются. В Татарстане акцент делается на этнокультурной устойчивости через маркеры языка и традиций. В Башкортостане озвучиваются те же идеи, однако понятие «башкир» в предложенной стратегии трактуется широко: «Если он (человек) не говорит на башкирском языке, но при этом чувствует себя частицей этого великого народа, гордится своей принадлежностью, то он – башкир. Любой, кто живет в Башкортостане, дорожит республикой и трудится на ее благо – имеет право считать себя башкиром»¹⁸. По сути, в республике делается попытка включить в идеологию элементы гражданского национализма. Хотя не вся башкирская элита с этим согласна, инновация уже внесена, и она не случайна. Среди идеологов в России на протяжении нескольких лет обсуждается вопрос гражданского национализма как идеологии и практики государства и управления культурно сложными общностями («нациями наций») современности. И не один год на страницах журнала «Россия в глобальной политике» идет обсуждение легитимности государства в современном мире. В частности, высказывается идея, что для этого необходим основательный источник, «коренящийся в общем чувстве национальной принадлежности» [Ливен, 2020: 26]; «...государство делает легитимным и жизнеспособным прежде всего население, обладающее чувством национального самосознания, когда каждое поколение проходит через своего рода повседневный референдум на приверженность и сопричастность к этому государству как к своему Отечеству» [Тишков, 2021].

В основе национализма лежат представления о народе как согражданстве, и он направлен на консолидацию гражданской нации¹⁹. Реализуясь в экономике, политике, культуре, национализм обеспечивает солидарность народа, особенно в условиях внутренних напряжений или конфликтов, и мобилизацию на отстаивание интересов Отечества. Когда В.В. Путин называет себя националистом, он имеет в виду именно такой национализм.

¹⁶ Результаты совместного исследования 2020 г. Центра стратегических исследований при главе Республики Саха (Якутия) и Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

¹⁷ Выступление А. Николаева на Дне государственного флага в 2020 г.

¹⁸ Выступление Р. Хабирова на V Всемирном курултае башкир 2019 г. См.: «Копировать опыт Татарстана – серьезный шаг назад»: Курултай башкир принял свою стратегию // БИЗНЕС онлайн. 2021. 28 февраля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/498335> (дата обращения: 03.04.2021).

¹⁹ Такой национализм тоже бывает разным и порой допускает дискриминацию меньшинств и экспансию [Ливен, 2015].

«Самый большой националист в России – это я, – заявил он на Валдайском форуме 2014 г. – Но самый большой, самый правильный национализм – это выстраивание действий и политики таким образом, чтобы это пошло на благо народу. А если под национализмом будет пониматься нетерпимость к другим людям, шовинизм, это будет разрушать нашу страну, которая изначально складывалась как многонациональное и многоконфессиональное государство»²⁰. В 2018 г. он пояснял свою позицию: «...я хочу, чтобы Россия сохранилась, в том числе и в интересах русского народа. И в этом смысле я и сказал, что самым правильным, самым настоящим националистом и самым эффективным являюсь я. Но это не пещерный национализм, ...который ведет к развалу нашего государства. Вот в чем разница»²¹.

В стране в целом, в каждом субъекте федерации и в массовом сознании присутствуют элементы разных национализмов. Признавая это, легче находить понимание и выстраивать взаимоприемлемое общежитие людей с разной культурой и религией. Управление культурным многообразием как раз и направлено на то, чтобы, учитывая реальную этносоциальную и этнополитическую практику, соединить гражданскую солидарность всех россиян с прогрессивными элементами этнического самосознания и патриотизма.

Некоторые выводы. В сложных многосоставных обществах нельзя решать вопросы сохранения согласия без участия государства. Последнее выражается не только в функционировании специального учреждения, призванного регулировать межэтнические отношения (у нас это Федеральное агентство по делам национальностей), но и в создании социальных коалиций, обеспечивающих правовые нормы общежития, деятельность по хозяйственно-организационному жизнеобеспечению, поддержание системы социальных институтов, в том числе просвещения, безопасности, предотвращения насилия.

В современных обществах, декларирующих принципы демократии, важная роль отводится участию граждан в регулировании социальных и этнических противоречий. В России существует Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ, экспертные советы в Совете Федерации, Государственной думе, ФАДН и административных органах субъектов федерации. В стране насчитывается свыше девятисот федеральных, региональных и муниципальных национальных автономий, однако, как показывали опросы, знают о них не более 4–9% наших граждан, а принимают участие в их деятельности еще меньше. Очевидно, что гражданское участие в регулировании межэтнических противоречий, будь то потребности в образовании на языках народов, поддержание или элиминирование каких-то традиций (не соответствующих законам), конфликтные ситуации с мигрантами, недопущение дискриминации по этническому, религиозному принципам и т.д., должно быть более широким. Это могут быть общественные обсуждения готовящихся законодательных и правовых актов, волонтерские движения в поддержку общественного порядка в городе, муниципальном округе, дворах, участие общественных инициативных организаций в учебных заведениях с целью поддержания или элиминирования культурных различий в ходе совместных действий.

Чувство солидарности, сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за настоящее и будущее того, что мы называем общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием, – для многонациональной России это имеет принципиальное, решающее значение. Как специально отметил президент РФ на последнем заседании Совета по межнациональным отношениям, этническая идентичность может иметь не только конкурентную, но и позитивную, конструктивную направленность, и с такой идентичностью общероссийская гражданская идентичность вполне совместима²². При реализации современных государственных проектов учет опыта регулирования противоречий и конфликтов 1990-х гг. может стать полезным ориентиром, помогающим найти способы укрепления межнационального согласия и сбережения этнокультурного и религиозного разнообразия страны.

²⁰ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2014. 24 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 03.04.2021).

²¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2018. 18 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 03.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.
- Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Гостиева Л.К., Дзадзиев А.Б. Этнополитическая ситуация в Северной Осетии // Развивающийся электорат России. Т. 2. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995. С. 214–241.
- Дробижева Л.М. Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Л. Дробижевой с политиками, бизнесменами, учеными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений. М.: Изд-во Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Мысль, 1996.
- Зенгхаас Д. К цивилизационной форме конфликта: конструктивный пацифизм как ведущее понятие в трансформации конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. Настольная книга Бергховского центра. М.: Наука, 2007. С. 37–50.
- Исхаков Д. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. 1995. № 1. С. 46–58.
- Ливен А. Анатомия американского национализма / Пер. с англ. А. Мовчан. М.: Эксмо, 2015.
- Ливен А. Прогрессивный национализм: Почему национальная мотивация нужна для развития реформ // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5(105). С. 25–42.
- Паин Э.А. Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2(108). С. 42–62.
- Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997.
- Тишков В.А. Россия – это нация наций (в связи с новой концепцией национальной политики) // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. № 78. С. 10–15.
- Хакимов Р.С. Сумерки империи (К вопросу о нации и государстве). Казань: Татарское книжное издательство, 1993.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А.А. Васильев. СПб.: Алетейя, 1998.
- Breuilly J. Nationalism and the State. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press, 1993.
- Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington: U.S. Institute of Peace Press, 1993.
- Kedourie E. Nationalism in Asia and Africa. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971.
- Kohn H. The Idea of Nationalism. New York: Collier-Macmillan, 1967.
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. The Rebellious Century 1830–1930. Cambridge: Harvard University Press, 1975.

Статья поступила: 13.04.21. Принята к публикации: 04.07.21.

²² Заседание Совета по межнациональным отношениям // Президент России. 2021. 30 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 03.04.2021).

1990s' EXPERIENCE AND CULTURAL DIVERSITY MANAGEMENT

DROBIZHEVA L.M.

*Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia**Leokadiya M. DROBIZHEVA, Dr. Sci. (His.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia.*

Acknowledgements. This article was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00241.

Abstract. The article analyses the lessons that the state and society could learn from the institutional contradictions and violent conflicts that were overcome in Russia in the 1990s. Ethnic mobilization and ways of getting out of conflict situations are analysed. Based on specific materials, it is shown that the most important lesson was the ability to find compromise, dialogue ways to remove contradictions in the field of language, ecology, requests for participation in the use of local natural resources, increasing independence in the economy, and developing culture.

Most of the controversy was related to the institutional sphere, violation of the constitution and federal laws. The author shows that the regulation of such conflicts in multi-component federations is facilitated by the understanding that the ethnic nationalism of elites in the republics is different. On the example of the analysis of the discourse and legislative practice of Bashkortostan, North Ossetia–Alania, Tatarstan and Tuva, it is shown that divided sovereignty (not secession) was discussed in Tatarstan, but in it, as in Sakha and Bashkortostan, economic and cultural nationalism, defensive in North Ossetia–Alania, mainly cultural in Tuva. Accordingly, the agreements between the government of the Russian Federation and the government of the republics differed. Compromise solutions were temporary and as soon as a strong legitimate government was formed in the Centre, they ceased to operate, this is also one of the lessons of the 1990s.

Interethnic contradictions within the republics were also achieved by compromise solutions. However, the problem of ensuring equal opportunities in the labour and political spheres still remains.

The lesson in preventing the escalation of power conflicts was the recognition of the legitimate monopoly of power on the part of the state. The protection of society is based on the rule of law, but compliance with the law needs control from both the state and society.

The final part of the article is devoted to the regulation of interethnic relations in the second decade of the 2000s. The author supports the idea of calling this process the management of cultural diversity, since the term nation-building used earlier contains a double understanding of the nation, both ethnocultural and civil.

The cited research results in the country and the republics show that ethnic identity remains very stable. But nowhere does it appear as a confrontational all-Russian identity, but is combined with it among the majority of the population. It can be assumed that the idea of the people as co-citizenship, aimed at consolidating social, spatial and ethnocultural communities, realizing their interests in the economy, politics, culture, contributes to the provision of solidarity in the country.

Keywords: ethnic mobilization, institutional and violent conflicts, ethnic nationalism, cultural diversity management, civil nationalism.

REFERENCES

- Abdulatipov R.G., Mihailov V.A. (2016) *Russia in the 21st Century: National Answer on the National Question*. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatelskiy tsentr "Ethnosocium". (In Russ.)
- Breuilly J. (1993) *Nationalism and the State*. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press.
- Drobizheva L.M. (1996) *The Elite of the Republics of the Russian Federation Says: L. Drobizheva's 110 Interviews with Politicians, Businessmen, Scientists, Cultural and Religious Figures, Leaders of the Opposition Movements*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. (1996) *Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in the 90s*. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Gellner E. (1991) *Nations and Nationalism*. Ed. by I.I. Krupnik. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Gostiyeva L.K., Dzadziev A.B. (1995) *Ethnopolitical Situation in North Ossetia*. In: *Developing Electorate of Russia*. Moscow: Publishing house of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of RAS: 214–241. (In Russ.)
- Gurr T.R. (1993) *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts*. Washington: U.S. Institute of Peace Press.

- Iskhakov D. (1996) *Model of Tatarstan: pro et contra*. Panorama-Forum. No. 1: 46–58. (In Russ.)
- Kedourie E. (1971) *Nationalism in Asia and Africa*. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Khakimov R.S. (1993) *Twilight of the Empire (On the Nation and the State)*. Kazan: Tatar Book Publishing House. (In Russ.)
- Khobsbaum E. (1998) *Nations and Nationalism after 1780*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Kohn H. (1967) *The Idea of Nationalism*. New York: Collier-Macmillan.
- Lieven A. (2015) *Anatomy of American Nationalism*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Lieven A. (2020) Progressive Nationalism. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 18. No. 5(105): 25–42. (In Russ.)
- Pain E.A. (2004) *Ethnopolitical Pendulum: Dynamics and Mechanisms of Ethnopolitical Processes in post-Soviet Russia*. Moscow: Institut sotsiologii RAN. (In Russ.)
- Senghaas D. (2007) The Civilization of Conflict: Constructive Pacifism as a Guiding Notion for Conflict Transformation. In: Austin A., Fischer M., Ropers N. (eds) *Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook*. Moscow: Nauka: 35–50. (In Russ.)
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R. (1975) *The Rebellious Century 1830–1930*. Cambridge, Harvard University Press.
- Tishkov V.A. (1997) *Essays on the Theory and Politics of Ethnicity in Russia*. Moscow: Russkiy Mir. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2021) Nation, Nationalism and Nation-building. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 19. No. 2(108): 42–62. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2008) Russia is a Nation of Nations (In Connection with the New Concept of National Policy). *Byulleten seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Bulletin of Ethnological Monitoring and Conflict Early Preventing Network]. No. 78: 10–15. (In Russ.)

Received: 13.04.21. Accepted: 04.07.21.

Р.Х. СИМОНЯН

КАК МОЖНО БЫЛО СОХРАНИТЬ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (БАЛТИЙСКИЙ РАКУРС)

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Москва, Россия (sim@isras.ru).

Аннотация. В декабре 1991 г. произошел распад Советского Союза – событие, обрушившее устойчивое равновесие сложившегося после Второй мировой войны биполярного мира и вызвавшее процесс формирования новой конфигурации миро-системы, сопровождаемый ростом рискогенности и региональными конфликтами. В причинах этого события много составляющих, далеко не все из которых подвергнуты анализу, в том числе – субъективный фактор, значение которого возрастает с развитием общества. В статье на основе широкого фактологического и библиографического материала показана динамика общественного сознания в СССР второй половины 1980-х гг. в ожидании реформ, направленных на обновление страны. Автором доказывается, что действия руководителя страны М.С. Горбачёва, его упорное сопротивление проведению реформ, привели СССР к глубокому системному кризису и к последующей катастрофе.

Ключевые слова: системный кризис • общественные настроения • объективные и субъективные факторы общественного развития

DOI: 10.31857/S013216250014595-7

Потенциал для социально-экономического развития СССР. К 1980-м гг. возможности экстенсивного развития народного хозяйства СССР были полностью исчерпаны. Советская экономика вступила в период затяжного кризиса, а в 1983 г. впервые за послевоенный период даже по официальным данным роста ВВП не было [Народное хозяйство..., 1984: 43]. Модель централизованного директивно-распределительного управления себя изжила. Порочность сложившейся системы управления народным хозяйством стала очевидной практически для всех слоев населения. Советский Союз нуждался в коренной модернизации, для проведения которой имелись необходимые ресурсы.

Во-первых, СССР обладал богатейшим человеческим капиталом. Сегодня никто не оспаривает, что главное богатство государства, основное условие и источник модернизации, – это его человеческий капитал. СССР к началу перестройки обладал им в полной мере. Советская система образования считалась одной из лучших в мире, а ее высокое качество даже сегодня, много лет спустя, никем в мире не оспаривается. СССР располагал целым рядом научных школ, в том числе одной из лучших в мире – математической¹. Ведущие советские вузы готовили кадры высококлассных специалистов, многие из которых также ныне работают в западных научных центрах². Население СССР было одним из

¹ Многие ее представители работают теперь за рубежом: М. Громов, лауреат Абелевской премии, которая считается в математике эквивалентом Нобелевской; В. Воеводский, лауреат премии Джона Филдса, высшей премии Международного конгресса математиков; Д. Каждан, лауреат премии Кампе де Ферье, через год после эмиграции из России избранный членом Национальной академии наук США, и многие другие. За рубежом работают и ведущие советские физики, в том числе ставшие там нобелевскими лауреатами К. Новосёлов и А. Гейм.

² После развала СССР американская Силиконовая долина заговорила по-русски, так как туда устремились выпускники советских вузов. В США они считаются лучшими программистами и разработчиками вычислительной техники. Только в Калифорнии работают около 60 тыс. выходцев из СССР –

наиболее образованных в мире; страна, по оценкам зарубежных социологических служб, считалась «самой читающей».

Во-вторых, несмотря на наметившееся отставание от передовых стран, к середине 1980-х гг. СССР обладал развитой производственно-технической базой: из 45-ти макро-технологий, обеспечивающих мировое производство наукоемкой продукции, в 23-х он занимал первые места (космическая и авиационная техника, атомная энергетика, приборостроение, биохимия и др.) или входил в число лидеров [Петраков, 2005: 188]. В вычислительной технике СССР опережал европейцев и американцев по целому ряду направлений³. «Закрытые» города, где осуществлялись научные исследования и производилась наукоемкая продукция, густой сетью опоясывали Москву, Ленинград, Свердловск, Горький, Саратов, Новосибирск, Томск, Красноярск. Еще одним показателем высокого технического уровня страны является наличие собственного станкостроения: только 18 стран обладали собственным производством станков, среди них наша страна всегда занимала 2–3-е место. Производство военной продукции – еще один показатель высокой научно-технической базы страны: СССР по экспорту вооружений занимал 2-е место в мире.

В-третьих, СССР располагал уникальными природными богатствами – самая большая в мире зона черноземов и около 30% разведанных мировых запасов минералов (практически вся таблица Менделеева) и энергоресурсов при 3,2% мирового населения. Не существовало в мире государств, которые имели бы столь значительные сокровища недр.

В-четвертых, это – энергетика населения, духовный подъем, охвативший практически всех жителей страны. Готовность привыкшего к испытаниям народа к новым трудностям ради превращения страны в современное благополучное государство была всеобщей. Уместно вспомнить ленинский тезис, что «идея, овладевшая массами, становится материальной силой».

К этому следует добавить благоприятные международные условия. Мировая (прежде всего европейская) общественность после окончания холодной войны смотрела на СССР с надеждой на его возвращение в лоно развитых демократических стран. Какие еще дополнительные условия нужны были для модернизационного прорыва? Тем более что опыт внедрения рыночных методов в социалистическую экономику тоже уже был.

В марте 1985 г., когда Горбачёв стал генеральным секретарем ЦК КПСС, в коммунистическом Китае успешное внедрение рыночных механизмов в плановую экономику шло уже в течение 7 лет. И это при том, что основная масса населения СССР – не полуграмотные крестьяне с рисовых полей, а образованные люди. Это подчеркивало преимущество Горбачёва перед Дэн Сяопином, одним из самых успешных реформаторов современности, который начал проводить реформы в несопоставимо более тяжелых условиях⁴, когда во многих провинциях Китая свирепствовал голод. Однако уже через 2 года (!) после внедрения хозрасчетных отношений в сельском хозяйстве Китай стал экспортировать

математики, физики, химики, биологи, биофизики, семиотики, лингвисты, инженеры, программисты. По оценке одного из ведущих советских бактериологов К. Алибекова, уехавшего в США в 2004 г., к началу 2012 г. в различных странах мира работали около 800 тыс. советских ученых, в том числе более 70 тыс. из оборонных отраслей (Аргументы и факты. 2012. № 21. С. 9).

³Первенство советского компьютера не оспаривают и американцы. В статье «Русские идут» К. Дифендорф, разработчик одного из первых западных суперкалярных процессоров, признал, что русские создали такие компьютеры на 15 лет раньше, чем их западные коллеги [Diefendorff, 1999: 36].

⁴Китай конца 1970-х гг. после 15 лет «Большого скачка» и «Великой культурной революции» находился в глубокой социально-экономической депрессии. Хозяйственная разруха дополнялась образовательной и интеллектуальной: в течение 10 лет высшие учебные заведения в Китае были закрыты, десятки тысяч специалистов репрессированы, инженерно-технические и научные кадры физически истреблены или сосланы в деревни. По данным голландского историка Ф. Дикоттера, автора книги «Большой голод Мао», только «Большой скачок» унес жизни не менее 45 млн человек [Dikötter, 2013: 74]. Сам Дэн Сяопин был дважды репрессирован. Кстати, в середине 1920-х гг., в период НЭПа, Дэн Сяопин учился в Москве в Университете трудящихся Востока и увлекался «рыночными» идеями Н. Бухарина, книгу которого «Экономика переходного периода» он часто цитировал.

в СССР излишки продовольствия. На этом фоне успехи предстоящих реформ в СССР не вызывали сомнений.

Помимо Китая был и другой пример наших соседей – северные страны Европы, социал-демократическим правительствам которых удалось найти баланс между базовыми ценностями общественного устройства – свободой и справедливостью. Именно в этом регионе еще в 1930-е гг. первым в Европе появился общественно-политический феномен – «социальное государство» (в советском обиходе – «шведский социализм»). Речь идет о системе отношений, которая в наибольшей мере соответствует самой человеческой природе – стремлению к свободе и личному успеху (в условиях рыночной экономики – к богатству).

Появившийся в 1980-х гг. доступ к познанию форм организации социальной жизни в странах Западной Европы сыграл роль мощного импульса к проведению общественных преобразований. СССР располагал регионом, где эти формы действовали еще сравнительно недавно (всего 40–45 лет назад), – прибалтийские республики. Стремление к кардинальным переменам было общим для населения всех союзных республик, но в Прибалтике оно не только проявлялось острее, чем в других регионах страны, но и отличалось конструктивностью. На модернизационный настрой населения прибалтийских республик обращали внимание многие аналитики. Английский историк А. Браун писал: «Когда жители Прибалтики сравнивают свой уровень жизни с соседями, они заглядывают не на соседствующие с республиками Кавказа и Средней Азии государства “третьего мира”, а на процветающих финнов и скандинавов, представляя себя на их месте» [Браун, 1989: 27].

В республиках Прибалтики, прежде всего в Эстонии и Латвии, хозяйственную жизнь традиционно определяла протестантская трудовая этика и близкая к ней трудовая этика русских старообрядцев, составлявших с конца XVII в. значительную долю населения Прибалтики. Роль этого фактора в экономике проявилась в период развития капитализма в России в конце XIX – начале XX в.: Рига была третьим после Москвы и Петербурга центром промышленности и науки, здесь располагались заводы по производству первых российских электромоторов, автомобилей, аэропланов. В Советском Союзе товары и услуги, произведенные в Прибалтике, всегда пользовались повышенным спросом.

В СССР Эстония являлась единственной республикой, население которой могло ежедневно видеть «мир капитализма». С 1965 г. здесь можно было смотреть финские телепрограммы, что было интересно как эстонцам, так и русским⁵: «Словно окно в мир открылось, – писал зав. идеологическим отделом ЦК КПЭ М. Титма. – Мы увидели, как он не похож на тот, в котором мы живем» [Титма, 1989: 33]. А ведь Финляндия по европейским меркам тогда была небогатой страной.

Составляющие СССР регионы отличались чрезвычайным разнообразием: природным, экономическим, социальным, демографическим, историко-культурным, в том числе степенью готовности к общественной модернизации [Симонян, 2002: 31]. В составе населения Прибалтики (как Москвы и Ленинграда) была самая высокая доля интеллигенции (в Эстонии – 32,7%) [Народное хозяйство..., 1990: 609], – социальной группы, обладающей повышенной рефлексией и особенно остро реагирующей на происходящее.

Руководители СССР умело использовали преимущества Прибалтики, которая с 1960-х гг. была бесценным полигоном проведения целого ряда экономических экспериментов, технических и организационных нововведений, опробования новых методов управления хозяйственным механизмом. Прибалтийский опыт внедрения хозрасчета в управление строительством, местной и пищевой промышленностью, бытовыми услугами, начатый в 1986 г. в Эстонии, уже показал высокий экономический эффект [Хозяйственный..., 1988]. Поэтому неудивительно, что этот регион, наряду с Москвой и Ленинградом, оказался лидером перестроечных процессов в СССР. Это подтверждает, например, четырехдневный визит

⁵ По переписи 1989 г., эстонцы составляли 61,5% населения республики, Таллинна – 47,2%.

Горбачёва в феврале 1987 г. в Латвию и Эстонию⁶, насыщенный встречами с трудовыми коллективами предприятий и научно-исследовательских институтов.

1988 год – пик надежд на перестройку. Ситуация в экономике к началу перестройки была настолько очевидной, что серьезно критиковать сверхцентрализованное управление экономикой уже не имело смысла. Никаких «профессиональных экономических секретов» для широкой общественности давно уже не было: в стране огромные ресурсы используются крайне неэффективно, а порой просто преступно. Энергия перемен ощущалась в общественной атмосфере. «Тысячи возбужденных людей ходили по Москве, Ленинграду, Свердловску и другим большим и малым городам, они жаждали решительных действий по реформированию страны» [Любарский, 1988: 31]. Энтузиазм, охвативший население, был наиболее заметен на западе страны: «Начавшиеся в СССР политические преобразования, особенно в 1988 г., вихрем охватили Эстонию, Латвию и Литву» [Вейдеман, 2008: 77]. При этом этнический фактор не был первостепенным: русскоязычные (русские, украинцы, белорусы, евреи и др.) составляли большинство во многих городах Прибалтики, не говоря уже о трудовых коллективах крупных промышленных предприятий, руководители которых были преимущественно представителями нетитульных этносов.

То, что для вывода страны из экономического тупика стоял «под парами» прибалтийский локомотив, было несомненным козырем инициаторов перестройки. «Однако время шло, – свидетельствует советник Горбачёва А. Грачёв, – а провозглашенные с трибуны съезда и обещанные обществу перемены не происходили» [Грачёв, 2001: 156]. Помощник Горбачёва А. Черняев потом напишет о подмене реальных действий потоками слов: «С каждым годом Горбачёв все больше и больше мечется, придавая особое значение словам: убеждает, стыдит, призывает, закликает, увещевает, агитирует, грозит – и все впустую. Все слова... слова... слова» [Черняев, 1997: 59].

Русская поговорка гласит: «Обещанного три года ждут». Для реформ три года ожидания – это 1988 г., в котором они должны были, наконец, начаться и по более весомой причине – экономической. В стране был окончательно разрушен потребительский рынок, снабжение населения товарами первой необходимости переведено на карточную систему. Член Президентского совета О. Лацис, описывая политическую атмосферу 1988 г., акцентирует внимание на «разочаровании в перестройке, в ходе которой активность Горбачёва в реальных свершениях все больше уступала его активности в произнесении поучительных речей» [Лацис, 2001: 224]. Мыслящие люди в стране задавались вопросом: что еще предпринять, чтобы побудить Центр к активным действиям?

Понимая необходимость какого-то решительного шага, Горбачёв объявил о созыве Всесоюзной партийной конференции. Это решение воодушевило общественность страны. В Прибалтике общее настроение можно было выразить словами: «Москва начинает реформы». В те дни в редакционной статье журнал АН СССР «Экономические науки» писал: «Наши общие усилия – и Центра, и мест – должны быть направлены на слом косной, бюрократизированной системы. Тут нужны усилия республик, скоординированные совместные действия на обеспечение подлинного хозрасчета» (1988, № 4. С. 4).

Концепции республиканского хозрасчета, предложенные прибалтийскими республиками, не были чем-то принципиально новым. Они находились в русле теоретических разработок, подготовленных советскими экономистами-рыночниками, начиная еще с «косыгинских» реформ и, прежде всего, трудов их идеолога Е. Либермана. В 1980-х гг. хозрасчет становится доминирующей темой в научном и экономическом дискурсе. Как первый шаг к внедрению рыночных механизмов в социалистическую экономику, он должен был занять одно из центральных мест в решениях открывшейся 28 июня 1988 г. XIX партконференции. Надежды советских людей на перемены подогревались тем, что впервые партийное событие такого уровня транслировалось по общесоюзному телевидению.

⁶После посещения Н. Хрущёвым Риги в июне 1959 г. это был первый приезд руководителя СССР в Прибалтику.

Наличие «прибалтийского локомотива» подтвердила эстонская делегация – единственная, приехавшая в Москву с конкретной программой действий. Ничего выходящего за рамки задач перестройки в программе, поддержанной всеми низовыми организациями коммунистов республики, не содержалось. В ней были изложены не только неотложные задачи выхода из системного кризиса, но и методы их решения: региональный хозрасчет, новый закон о выборах, развитие самоуправления, разработка Союзного договора, создание Конституционного суда, механизм распределения прав и полномочий и система взаимодействия между Центром и республиками.

Содержание программы эстонской делегации могло быть, по меньшей мере, добротной основой для обсуждения комплекса мероприятий по переходу от плановой экономики к рыночной, которые уже начали осуществляться в Польше, Венгрии, Чехословакии. Однако тогдашнее руководство СССР не понимало реального положения дел в стране, поэтому программа КПЭ была отклонена как слишком революционная и преждевременная. Раздел о региональном хозрасчете появился в резолюции только после настойчивых требований делегата конференции, заслуженного изобретателя СССР Б. Миронова, представлявшего таллинский завод им. Калинина.

В том, что в этой программе ЦК КПСС почувствовал угрозу своему положению, вина не коммунистов Эстонии, а беда руководителей СССР, не понимавших тогда, что им предложили реальный шанс спасения зашедшего в политический и экономический тупик государства. Открывая конференцию КПСС, ее генеральный секретарь сначала высказывает глубокое сожаление о том, что «за три года перестройки партия не добилась революционных преобразований», а затем отклоняет программу эстонских коммунистов как «слишком революционную» [Материалы..., 1988: 17, 129]. В этом когнитивном диссонансе руководителя – драма великого государства. Центр продемонстрировал, что, несмотря на свои претензии, он уже не определяет события, а все более отстает от их развития.

Советские люди наблюдали, как сверхцентрализованная экономика все глубже и глубже входила в коматозное состояние. Не только наблюдали, но и выдвигали инициативы оформляя их в мощные движения в поддержку реформ. Сила этих «низовых» инициатив была в том, что они шли от имени не только общественных, но и ведущих научных организаций. «Сейчас уже в определенной степени забыты предложения, которые, будучи приняты, вряд ли привели к распаду СССР, – о них не любят вспоминать как “горбачёвцы”, так и по известным причинам их инициаторы. Имеются в виду концепции экономического суверенитета, республиканского хозрасчета, выдвинутых в Эстонии и поддержанных в других прибалтийских республиках. К сожалению, эти предложения были категорически отвергнуты... В Москве прорабы перестройки слушали только самих себя» [Тощенко, 2003: 17–18].

Два года спустя такой же оказалась и судьба более радикальной программы перехода к рыночным отношениям, где хозрасчет как первый шаг уже утратил свою актуальность, – «500 дней», подготовленной группой авторитетных экономистов-рыночников (С. Шаталин, Г. Явлинский, Н. Петраков, О. Богомолов и др.). В соответствии с этой программой предполагалось нейтрализовать рублевый навес, освободить цены и поставить страну на рельсы рыночной экономики, коммерциализовать хозяйственную жизнь. Ядром программы была приватизация: поскольку у государства была вся собственность, а у народа – деньги, предусматривался обмен одного на другое. Причем приватизация должна была начаться с малых активов – магазины, предприятия общественного питания и бытового обслуживания и т.п. с постепенным переходом к промышленным предприятиям, как это было уже сделано в социалистических странах Европы⁷.

Программа «500 дней» была принята Верховным Советом РСФСР. Горбачёв, энергично ее поддержавший и даже широко оповестивший мировую общественность, затем

⁷ Венгрия, Чехословакия, Польша, Словения уже приступали ко второму этапу приватизации, а СССР застрял на обсуждении вопросов хозрасчетных отношений предприятий и регионов.

отступил под напором военно-промышленного лобби, которое в ней увидело угрозу своим интересам. «Казалось, что решительный шаг в экономике будет, наконец, сделан. Ведь Президент не мог не видеть: разрыв между политическими и экономическими преобразованиями становится для страны крайне опасным. И вот в самый драматический момент выбора, когда от Президента зависело буквально все, гражданское мужество одного человека спасло бы на Верховном Совете СССР программу "500 дней", именно этого мужества мы не увидели» [Собчак, 1991: 267].

Замена действий декларациями привела к тому, что Горбачёв и его перестройка зажили отдельной жизнью. При этом скорости были разные: Горбачёв двигался не спеша, ведя комбинации по нейтрализации консерваторов, выпуская убедительные документы о необходимости реформ, а перестройка двигалась быстро, с тем самым «ускорением», с лозунгом которого началось его руководство страной. Любой исторический момент, а уж тем более переломный, имманентен различными сценариями развития. «Я лично верю в случайность в истории, то есть в волю человека, – писал академик Д. Лихачёв. – Поэтому такие вопросы, как "что нас ждет в будущем?" не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути в истории, нет» [Лихачёв, 2007: 3]. В новейшей истории решающую роль приобретает субъективный фактор – воля политического лидера. Есть много примеров, когда из-за слабого лидера упускались назревшие реформы, есть и противоположные, когда наличие сильной личности компенсировало недостаток объективных условий для революционных изменений⁸. «Даже если усилия социальных акторов исторического процесса приводят к неожиданным последствиям, они не перестают быть продуктом их действий» [Ядов, 2001: 14].

В начавшемся в 1980-х гг. экономическом кризисе в СССР многое зависело от личных качеств главы государства: «Насколько Горбачёв и высший партийный актив были теоретически слепы и оторваны от реальности, показало впервые проведенное в ЦК КПСС в июле 1989 г. совещание первых секретарей ЦК компартий союзных республик и обкомов партии» [Оников, 1996: 84]. Многонациональность страны требовала от ее руководителя если не понимания, то хотя бы уважительного отношения к этой сфере общества. «Казалось, Горбачёв должен был многое видеть и о многом задуматься – ведь он сам происходил с Северного Кавказа. Но последующие события показали, что в национальных отношениях он разбирался хуже всего и в этой сфере совершил самые грубые ошибки» [Лацис, 2001: 206]. Его некомпетентность в понимании и оценке происходящих в стране процессов отражали социологические исследования. В августе 1989 г. ВЦИОМ провел по всесоюзной выборке опрос населения СССР по национальным отношениям. Ответы респондентов на вопрос «Что угрожает добрым отношениям между народами?» показали, что даже среди русскоязычных жителей Прибалтики большинство опрошенных (53,2%) главную опасность связывали напрямую с политикой Центра [Левада, 1990: 182].

Попытки побудить Горбачёва к реформам. Из-за стремительно ухудшающейся ситуации и отсутствия у Центра реальных усилий по ее улучшению партийное руководство союзных республик оказалось в сложном положении, так как в условиях углубляющегося экономического кризиса активизировались националисты. Руководители республик понимали, что политически обречены, если не сумеют подтвердить свой национальный характер. Специфическая роль компартий республик Прибалтики в тот период состояла в том, чтобы сохранить себя в качестве той политической силы, которая могла отстаивать интересы республик в диалоге с Центром. Но Горбачёв как будто специально задался целью помешать им удерживать власть, его действия и риторика только усиливали позиции

⁸ Один из главных организаторов октябрьского переворота Л. Троцкий в своей книге задается вопросом «Если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 года?» (что было, по его мнению, весьма вероятно) и, отвечая на него, делает категорический вывод: «Не будь Ленина, не было бы и Октября» [Троцкий, 1990: 332].

националистов. «Характерным было обсуждение в ЦК КПСС. Эстонцы молили: сделайте какую-нибудь уступку нам, хотя бы шаг навстречу, чтобы мы могли показать своему народу, что с нами считаются... Но Горбачёв говорил с ними в приказном тоне, только что не стуча кулаком по столу» [Брутенц, 2005: 394].

Положение между молотом и наковальней заставило В. Вяляса, первого секретаря Коммунистической партии Эстонии, взять на себя инициативу. Было решено созвать 16 ноября 1988 г. внеочередную сессию Верховного Совета ЭССР для рассмотрения поступивших после XIX партконференции предложений, лейтмотивом которых было принятие нового Союзного договора. За резолюцию «О союзном договоре» проголосовали 262 из 280 депутатов, против не голосовал никто. Декларация о суверенитете республики, принятая большинством в 258 голосов, устанавливала: «Суверенитет Эстонской ССР означает, что ей в лице ее высших органов управления принадлежит высшая власть на своей территории. В соответствии с этим, статус республики в составе СССР должен быть определен Союзным договором».

Результативность эстонского демарша была отражена в выступлении Горбачёва 29 ноября 1988 г. на сессии Верховного Совета СССР, где он согласился с правоммерностью назревших вопросов, с которыми столкнулась Эстония, и необходимостью их решения: «Следующий этап политических преобразований будет связан с гармонизацией отношений между Союзом ССР и входящими в его состав республиками. На этом этапе будут рассмотрены вопросы статуса республик, расширение их прав в политической, социально-экономической и культурной жизни»⁹.

Акция Эстонии подействовала. Хотя Президиум Верховного Совета СССР и отменил декларацию о суверенитете ЭССР, но Центр оперативно отреагировал: была создана Комиссия Верховного Совета СССР по разграничению полномочий между Центром и союзными республиками («комиссия Таразевича»¹⁰), которая работала с декабря 1988 по май 1989 г. В ее рамках была сформирована рабочая группа по подготовке материалов для Политбюро ЦК КПСС по обновлению Союза и развитию федеративных отношений. В нее помимо депутатов и работников аппарата Верховного Совета были включены 17 ученых, в основном правоведа-цивилисты, три экономиста и два социолога, специалисты по Прибалтике (вместе с автором в состав группы входил зам. директора Института социологии АН СССР В. Мансуров).

На заседаниях в основном речь шла о новом Союзном договоре, где должны быть зафиксированы компетенции Центра и республик. Депутаты прибалтийских республик¹¹ обосновывали целесообразность в союзном управлении тех полномочий, которые не могли быть реализованы на уровне республик: финансовая система, энергетика, воздушный, морской и железнодорожный транспорт, государственная безопасность, охрана границ, вооруженные силы, оборонная промышленность, внешняя политика. Остальные сферы – экономика, строительство, сельское хозяйство, здравоохранение, культуру, бытовые услуги – предлагалось передать в ведение союзных республик. Это была та самая децентрализация, которую в СССР неоднократно пытались осуществить. Конечно же, эта инициатива должна была исходить из Москвы. Тем более что возрастал поток писем в ЦК КПСС с предложениями по разделению полномочий между Центром и республиками [Симонян, 2011]. Общественность прибалтийских республик в тот момент еще надеялась, что их разумные предложения по реформации экономики и федерализма заинтересуют Центр.

⁹ См.: Известия. 1988. 30 ноября. С. 2.

¹⁰ Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР Г. Таразевич – тогда Председатель Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и международным отношениям Верховного Совета СССР.

¹¹ Академик Р. Кукайне, директор Рижского института микробиологии, министр культуры Литвы Л. Шепетис, заведующая Тартуским гороно С. Райк – все они коммунисты, депутаты Верховных Советов своих республик.

Шесть лет спустя Горбачёв публично признает правоту этих предложений в своих мемуарах в разделе, посвященном Прибалтике: «...запоздалые разъяснения..., партия проморгала..., хроническое запаздывание..., сильно отстали..., потеряли драгоценное время...» и т.п. [Горбачёв, 1995: 512, 513, 514, 517, 518].

В силу своей профессиональной деятельности социологи, проводившие исследования в республиках, значительно лучше других обществоведов ориентировались в происходящих в стране дезинтеграционных процессах. Это позволяло приводить убедительные аргументы для принятия в заключительном документе комиссии рекомендации руководству СССР подписать новый Союзный договор. Главными оппонентами этой позиции были сотрудники юридического отдела Президиума Верховного Совета СССР, которые отстаивали тезис: «Есть Конституция СССР и никакого нового договора не надо». Особую неприязнь доводы социологов вызывали у заместителя заведующего отделом П.И. Седугина, усилиями которого содержание заключительного документа оказалось выхолощенным и практически бесполезным.

Через три года я встретил П.И. Седугина в Государственной думе, не смог удержаться и спросил: «Петр Иванович, теперь-то Вы убедились, что в 1989 г. следовало подписать предлагаемый тогда прибалтами новый Союзный договор?» На это он ответил, что «не так важно, как тогда считал я или члены нашей рабочей группы, важно, как тогда считал Горбачёв, и поэтому какие бы мы не приняли рекомендации, это не могло изменить его позиции». То есть до последнего момента сохранялась аппаратная традиция давать руководству только те предложения, которые в полной мере соответствуют его ожиданиям. Этот эпизод точно характеризует сознание и психологические установки партийно-государственной номенклатуры того периода. «Весной 1989 г. еще совсем не было ясно, какое будущее ждет Эстонию и Советский Союз, – напишет в 2000 г. министр культуры Эстонии Я. Аллик. – Хотя Москва выбрала своим представителем на Съезде народных депутатов Ельцина, но власть в Эстонии была еще довольно прочно в руках Вяляса, а в Кремле – в руках Горбачёва» [Аллик, 2000: 145]. Описывая события накануне распада СССР американский советолог Р. Гартхофф, встречавшийся почти со всеми ведущими как центральными, так и республиканскими деятелями перестроечных лет, тоже подчеркивает, что в 1989 г. «только очень малая часть политиков даже в балтийских республиках призывала к независимости. И вопрос о компромиссных решениях был все еще открыт» [Garthoff, 1993: 395].

Для нашей страны ситуация конца 1980-х гг. – это типичная историческая развилка. И одна из самых реальных возможностей воспрепятствовать центробежным тенденциям заключалась в подписании нового Союзного договора. Какие же очевидные выгоды вытекали из него?

Во-первых, поставив свою подпись под этим документом, руководители Латвии, Литвы и Эстонии тем самым легитимировали бы свое нахождение в составе СССР. Это автоматически повлекло бы за собой изменение позиций Запада, никогда не признававшего законным включение их в состав СССР в 1940 г. Тем самым был бы закрыт самый болевой, самый уязвимый вопрос государственного устройства Советского Союза¹².

Во-вторых, это была инициатива республик Прибалтики, что, несомненно, было и для тогдашнего политического руководства прибалтийских республик, и тем более для Центра выигранным и тактическим, и стратегическим моментом.

¹² Необходимо отметить родовую черту прибалтов, отличающую их от восточных соседей, – обязательность, уважение к документу. Для современного российского менталитета – это категории, чаще всего, не слишком почитаемые. Хотя для людей, многие поколения которых прожили в условиях постоянного обмана со стороны государства, такое, наверное, простительно. Поэтому иногда о прибалтийских государствах можно слышать что-то вроде «все равно бы ушли». Это характерное суждение я вспоминаю всегда, когда встречаюсь с открытой враждебностью и даже агрессией, высказываемыми современными молодыми политиками прибалтийских республик к тем, кто составлял советскую политическую элиту этих стран конца 1980-х – начала 1990-х гг.: «Ведь они хотели подписать новый Союзный договор. Если бы они этого добились, то мы сейчас были бы не в ЕС, а в СССР». Такое, понятно, не прощается.

В-третьих, подписав такой документ и передав вопросы хозяйственной сферы, культуры и образования в ведение республик (на чем и настаивали их представители в «комиссии Таразевича»), союзное руководство сняло бы напряжение внутри этих республик, выбило бы козыри из рук местных национал-радикалов и сепаратистов.

В-четвертых, появилась бы реальная возможность оправдать ожидания населения и начать, наконец, практически, а не на словах, осуществление хозяйственных реформ, причем в наиболее подготовленном для этой цели регионе страны.

Таким образом, в тот момент в СССР сложилась необычайно благоприятная социально-политическая ситуация и для перехода к рынку, и для развития государственного федерализма¹³. Однако отказ от подписания нового Союзного договора в 1989 г. ставил точку и на реформации, и на сохранении СССР. Далее – агония великой державы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллик Я. Памяти духовного отца // Таллинн. 2000. № 19–20. С. 132–154.
- Браун А. Радужные цвета перестройки: Рига // Атмода. 1989. № 3. С. 15–27.
- Брутенц К. Несбывшееся: Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005.
- Вейдеман Р. Четверть века нашей новейшей истории (1982–2007) // Вышгород. 2008. № 1. С. 68–83.
- Горбачёв М. Жизнь и реформы. М.: Новости, 2005.
- Грачёв А. Горбачёв: Человек, который хотел, как лучше. М.: Вагриус, 2001.
- Лацис О. Тщательно спланированное самоубийство. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- Левада Ю. Есть мнение: Итоги социологического опроса. М.: Прогресс, 1990.
- Лихачёв Д. Совесть – гарантия свободы // Время жить вместе. 2007. № 1. С. 3–5.
- Любарский К. В ожидании перемен // Новое время. 1988. № 24. С. 29–31.
- Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988.
- Народное хозяйство СССР в 1983 году: Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1984.
- Оников Л. КПСС: анатомия распада. М.: Республика, 1996.
- Петраков Н. Инновационный путь развития для новой России. М.: Наука, 2005.
- Симонян Р. Страны Балтии и распад СССР (О некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 27–39.
- Симонян Р. Субъективное в историческом процессе // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 12–23.
- Собчак А. Хожение во власть: Рассказ о рождении парламента. М.: Новости, 1991.
- Титма М. Эстония: Что у нас происходит? Таллинн: Периодика, 1989.
- Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Троцкий Л. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.
- Хозяйственный механизм в сфере бытового обслуживания: опыт Эстонской ССР. М.: Экономика, 1988.
- Черняев А. 1991 г.: Дневники помощника президента. М.: Терра, 1997.
- Ядов В.А. А все ж умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
- Diefendorff K. Russians are Coming // Microprocessor Report. 1999. No. 2. P. 28–39.
- Dikötter F. Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. Hong Kong: Open Edition, 2013.
- Garthoff R.L. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1993.

Статья поступила: 07.04.21. Финальная версия: 13.06.21. Принята к публикации: 15.06.21.

¹³ После того как в декабре 1991 г. Горбачёв сложил функции президента СССР, газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью своего политического обозревателя Дж. Шелла «Важнейший вопрос столетия». Она начиналась так: «Распад СССР задал загадку людям, мыслящим и любящим обсуждать происходящие события. Это было самым важным событием второй половины XX века, однако никто его не предсказывал» (The New York Times. 1991. December 27).

HOW THE SOVIET UNION COULD BE PRESERVED (BALTIC ANGLE)

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chef Researcher, Center for European Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (sim@isras.ru).

Abstract. The historical experience of the world's first socialist state and the reasons for its collapse is a fundamental problem not only in Russian, but also in foreign social studies. In the context of the globalization of the economy and the emergence of regional forms of association of states, one of which is the EU, the experience of the USSR is in demand: the integration of states that differ in socio-cultural characteristics, common patterns are inherent. The EU is solving the same systemic problems and experiencing the same difficulties as the USSR. This is due to the diversity of the countries that make up the unions, and the uneven development of their countries. The article substantiates the role of the subjective factor, including the ability of managers to use the experience of the most developed countries, the understanding of which is the basis for overall development. In the USSR, these are the Baltic republics, the population of which most acutely felt the need for radical reforms. The article examines the proposals prepared in this region for the country's recovery from the crisis and the attempts made to encourage the leadership of the USSR to reform, the rejection of which led to the collapse of the country.

Keywords: crisis of centralization, the largest catastrophe of the twentieth century, the subjective factor of the historical process.

REFERENCES

- Allik Y. (2000) In memory of the Spiritual Father. *Tallinn*. 2000. No. 19–20: 132–154. (In Russ.)
- Brown A. (1989) Rainbow Colors of Perestroika: Riga. *Atmoda*. No. 3: 15–27. (In Russ.)
- Brutenz K. (2005) *Unfulfilled: Not Indifferent Notes on Perestroika*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Chernyaev A. (1997) *Diaries of the Assistant to the President*. Moscow: Terra. (In Russ.)
- Diefendorff K. (1999) Russians are Coming. *Microprocessor Report*. No. 2: 28–39.
- Dikötter F. (2013) *Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962*. Hong Kong: Open Edition.
- Economic Mechanism in the Sphere of Consumer Services: The Experience of the Estonian SSR*. (1988) Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
- Garthoff R.L. (1993) *The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Gorbachev M. (1995) *Life and Reforms*. Moscow: Novosti. (In Russ.)
- Grachev A. (2001) *Gorbachev: The Man Who Wanted What was Best...* Moscow: Vagrius. (In Russ.)
- Latsis O. (2001) *Carefully Planned Suicide*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russ.)
- Levada Yu. (1990) *There is an Opinion: The Results of the Sociological Survey*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Likhachev D. (2007) Conscience is a Guarantee of Freedom. *Vremya zhit' vmeste* [Time to Live Together]. No. 1: 3–5. (In Russ.)
- Lyubarsky K. (1988) Waiting for a Change. *Novoe vremya* [New Time]. No. 24: 29–31. (In Russ.)
- Materials of the 19th All-Union Conference of the CPSU*. (1988) Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- National Economy of the USSR in 1983: Statistical Yearbook*. (1984) Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Onikov L. (1996) *CPSU: Anatomy of Disintegration*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Petrakov N. (2005) *Innovative Way of Development for the New Russia*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Simonyan R. (2002) The Baltic Countries and the Collapse of the USSR (On Some Myths and Stereotypes of Mass Consciousness). *Voprosy istorii*. No. 12: 28–39. (In Russ.)
- Simonyan R. (2011) The Subjective in the Historical Process. *Voprosy filosofii*. No. 3: 12–23. (In Russ.)
- Sobchak A. (1991) *Walking into Power: The Story of Parliament's Birth*. Moscow: Novosti. (In Russ.)
- Titma M. (1989) *Estonia: What's going on here?* Tallinn: Periodika. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. (2003) *Ethnocracy: History and Modernity (Sociological Essays)*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Trotsky L. (1990) *On the History of the Russian Revolution*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Weidemann R. (2008) A Quarter of a Century of Our Modern History (1982–2007). *Vyshgorod*. No. 1–2: 68–83. (In Russ.)
- Yadov V. (2001) And yet the Mind Can Understand Russia. In: *Russia: Transforming Society*. Moscow: KANON-Press-Ts. (In Russ.)

А.В. ЯКОВЕНКО

СССР КАК ЗЕРКАЛО НЕРЕАЛИЗОВАННОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

ЯКОВЕНКО Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, Луганск, Украина (bdaoav@rambler.ru).

Аннотация. Обращается внимание на сохранение существенного демографического потенциала поколения, «рожденного в СССР», а также материальной и социальной атрибутики советского прошлого. Охарактеризованы факторы, порождающие воспроизводство острой общественной полемики о достоинствах и недостатках Советского Союза даже спустя 30 лет после его исчезновения. Особое значение для понимания социальной атмосферы на постсоветском пространстве отводится «клятвоотступничеству» как органической составляющей социальной травмы, инициированной развалом советского государства. Автор обосновывает позицию, согласно которой роспуск СССР целесообразно считать отказом ключевых финансово-экономических групп от взаимодоговорного развития в русле построения выверенной гуманистически ориентированной перспективы становления глобального социума, что во многом предопределяет неопределенность будущего и общий рефрен катастрофизма.

Ключевые слова: гибель СССР • советское поколение • социальная травма • гуманность

DOI: 10.31857/S013216250015534-0

В научных публикациях, посвященных Советскому Союзу, у авторов, кто помнит его существование, в обязательном порядке будет ощущаться личностное отношение к советскому прошлому. Никакой аналитической нейтральности, непредвзятости, отстраненности применительно к данному «объекту исследования», тем более годовщине его разрушения, ожидать не приходится. Сформировавшаяся 30-летняя дистанция, отделяющая нас сегодняшних от событий 1991 г., не снижает обостренности переживаний. Только в них теперь включен опыт, ощущения и эмоции прошедших трех десятилетий вне пространства, которое для многих определялось (и ныне может определяться) содержательным понятием «Родина». В целом отношение к СССР до сих пор выступает мощнейшим индикатором при политическом позиционировании и ценностном самоопределении.

Однако и без субъективных оценочных суждений крах Советского Союза в декабре 1991 г. – бесспорно один из стержневых факторов острейшей и чаще всего достаточно поляризованной полемики, где на одном полюсе находится представление об СССР как о так называемой «империи зла», а на ином – как едва ли не о «земном рае». Многие продолжают вращаться в колдовом кругу нескольких вопросов: «Неизбежно ли было произошедшее?», «Каковы внутренние и внешние причины распада СССР?» и, естественно, «Кто и в какой степени виноват?» Многократно разобранные, описанные и продискутированные, они по-прежнему беспокоят сознание как интеллектуалов современной эпохи, так и обычных граждан, когда-то в одночасье оказавшихся в «новой геополитической реальности».

Формат статьи позволяет затронуть лишь несколько тем, связанных с анализом «советских протуберанцев», оказывающих влияние на настоящее и будущее. Поэтому далее основное внимание будет уделено поколенческому потенциалу исторической памяти о Советском Союзе, проблеме общественного и индивидуального «предательства» в контексте социальной травмы (П. Штомпка, Ж. Тощенко), а также фатальности уроков распада СССР как показателя неспособности человечества создать гуманистически ориентированный общественный уклад.

«Рожденные в СССР». В рассуждениях о соотношении «советского» и «постсоветского» можно взять в качестве шаблонного основания статистические данные численности населения. Самый простой и относительно нейтральный показатель – процент в общей численности населения граждан, получивших свидетельство о рождении в СССР. Каким бы ни было отношение нынешних тридцатилетних к Советскому Союзу, в их сознании сложно исключить представление о том, что они были рождены «еще» в советском государстве. Так, если верить статистическим показателям, представленным в прошлом году (данные на 1 января 2020 г.) по двум наиболее крупным в демографическом плане экс-союзным республикам (бывшим РСФСР и УССР)¹, то официальная численность граждан от 30 и старше составляет 66,1% по Российской Федерации и 68,7% по Украине. Следовательно, до сих пор число «рожденных в СССР» превалирует над теми, кто родился в независимых государствах. Соотношение 50% на 50% между условно «советскими» и «постсоветскими» начинает складываться примерно с возрастного параметра «40 лет и старше». Представителей данных возрастных категорий, по нашим подсчетам, оказалось 49,3% по РФ и 52,1% по Украине. Процент тех, кто может относить себя к заставшим, как сейчас говорят, «счастливое советское детство», целесообразно отсчитывать от возрастной категории в возрасте 45 и старше: это – 42,1% по РФ и 44,7% по Украине. Таким образом, физическим носителем памяти о Советском Союзе остается почти половина населения. Молодежь, которая считается внесоветской, постсоветской или даже антисоветской, все еще живет «внутри» или рядом с памятью родителей и тем более бабушек и дедушек, периодически «возвращающихся» посредством воспоминаний детей и внуков во времена своего детства и молодости. Независимо от отношения современных юношей и девушек к данным воспоминаниям, равно как и к их носителям, происходят полемика и обсуждение советского наследия. Закономерно, что спустя 30 лет «советское» проявляется по всем пластам общественных связей, опираясь и на вполне ощутимый материальный базис. Пройдемся еще раз по известным срезам, помимо упомянутого демографического ресурса носителей памяти об СССР.

Инфраструктурный пласт. Продолжается эксплуатация значительного числа промышленных сооружений, объектов образовательной и культурно-бытовой сферы, построенных еще в Советском Союзе. Жилые кварталы многих городов и поселков городского типа представляют собой преимущественно совокупность «хрущевок» и девятиэтажек брежневской эпохи, если речь не идет о крупных столичных мегаполисах.

Технологическое наследие. До сих пор космические достижения СССР являются показателем и критерием сверхуспеха советской науки, а испытательный полет беспилотного многоразового космического корабля «Буран» – одной из вершин советской космотехники. Даже в наиболее модной и прорывной сегодня сфере компьютерных технологий постоянно наличествуют отсылки к достижениям, например, команды академика Глушкова, упущенным возможностям по производству собственного «харда» и «софта», не говоря уже об отечественных системах беспроводной связи. Как представляется, современные прорывные российские разработки в области вооружений лишь совсем недавно стали опираться на собственно «российский» отрезок инженерной мысли, впрочем, продолжая базироваться на идеях, опыте, подходах, достижениях и культуре советской школы организации работы оборонного комплекса.

Культурные стандарты. Сегодня творческий уровень многих знаковых советских, как их называли, «мастеров культуры» воспринимается едва ли не как эталонный. Даже сфера массовой культуры периода существования СССР (с ее рок-, поп- и иными авторитетами) считается практически классикой, не породив в постсоветский период достойных и сопоставимых по масштабу последователей.

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 01.06.2021); Населення України за 2019 рік: Демографічний щорічник. Київ: Державна служба статистики України, 2020. URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/ukr/publ_new1/2020/zb_nas_2019.pdf (дата обращения: 01.06.2021).

Фразеологическая канва. По-прежнему в коммуникации активно представлен широкий ряд популярных фраз, включающий в себя как термины, определения и цитаты из классиков марксизма-ленинизма и советской литературы, так и слова и обороты из советских кинофильмов, мультфильмов, телепередач.

И, наконец, эмоциональный фон. Имеет место высокий уровень эмоциональности оценок, так или иначе связанных с фактами, событиями, позитивными и негативными сторонами советской действительности. Большинство исторических параллелей, сравнений и аналогий касаются именно СССР. Причем его противники традиционно апеллируют преимущественно к трагическим событиям революционного периода, Гражданской войны и тридцатых годов, а их оппоненты – к героике побед в Великой Отечественной войне, промышленным успехам, космическим достижениям и социальной стабильности послевоенных десятилетий. В любом случае фактаж и аргументация плюсов и минусов нынешней финансово-экономической, социально-политической и военно-стратегической ситуации вращаются вокруг сопоставления с достоинствами и недостатками жизни в Советском Союзе.

Как сторонники, так и противники советского государства признают, что перешедший в разряд исторического фантома Советский Союз продолжает оказывать существенное влияние на настоящее, равно как и на будущее. И если в первые годы после роспуска СССР не полагалось вообще упоминать о положительных сторонах его устройства, имеющих хоть какое-то отношение к «светлому будущему капитализма», то сегодня, спустя 30 лет, проблематика, посвященная возможностям учета опыта организации деятельности, как минимум, отдельных социальных институтов, выглядит не ретроградной, а в ряде случаев даже более чем продуктивной. Один из последних примеров – организация санэпидемиологической службы и советское наследие научной вирусологии, остатки традиций которой способствовали более плавному прохождению Россией «коронавирусной» ситуации.

Прошедший период характеризуется еще одной интересной социально-исторической особенностью. При оценках периода с момента распада Советского Союза до нынешней точки исторической эволюции сложно избежать параллелей и ассоциаций с радикальным переходом от Российской империи к СССР. У многих невольно напрашивается сравнение с тем же 30-летним интервалом с момента исчезновения в марте 1917 г. даже более объемного по площади геополитического субъекта, чем Советский Союз. Простая арифметика демонстрирует, что к 1947 г. новое государственное образование, пришедшее на смену Российской империи, успело пережить колоссальный упадок в результате Гражданской войны, гигантский индустриальный подъем, самую страшную войну, первоначально лишившую ее весомой части европейской территории, одержать историческую победу над фашистской Германией, безоговорочно утвердиться в качестве одного из двух столпов международной политики и начать тяжело, но планомерно отстраивать мирную жизнь, отменив едва ли ни первой из послевоенных стран карточную систему. Аналогичный временной отрезок для всего постсоветского пространства, свидетелями и участниками которого мы являемся, не представляется настолько же драматично-успешным.

Постоянное использование термина «постсоветский» означает признание за «советскостью» особого качества, фундаментализма, отличительности его как культурно-исторического феномена. Данная уникальность до сих пор существует в качестве попыток ее «преодоления». Невозможность создать собственное автономное целостное и различимое качество социальных отношений вне ограниченной приставки «пост-» скорее характеризует размытость, слабость настоящего. В свое время «советское», опять-таки менее чем за 30 лет, смогло утвердить себя в иной, автономной и отчетливо различимой ткани общественного бытия глобального порядка, мало сопоставимой с реалиями монархической России. Нынешнее же состояние за три прошедших десятилетия так и не обрело особенного, устоявшегося и мало-мальски общепризнанного определения.

«Клятвоотступничество» как органическая составляющая социальной травмы. Учет соотношения успешных сознательно пожить в СССР и наших более молодых сограждан важен для понимания проблемы прямого или латентного клятвоотступничества,

которая, как представляется, требует более существенного внимания исследователей. В очередной раз уместно напомнить, что уход в небытие Советского Союза означал попадание в категорию клятвоотступников гигантского числа людей. Это – не только постоянно фигурирующие в политической полемике 19 млн членов КПСС, не выступивших на защиту партии и государства. Речь идет также и о членах ВЛКСМ и даже пионерской организации, в уставных документах которых содержались положения о борьбе за коммунизм и верности Советскому Союзу. Главными же «клятвоотступниками» оказались миллионы молодых, не очень молодых и совсем немолодых людей, приведенных к военной присяге на верность СССР. Речь идет о значительном числе граждан, некогда поклявшихся защищать с оружием в руках государство, исчезнувшее в конце 1991 г. с политической карты мира. Независимо от обстоятельств разрушения Советского Союза множество людей были поставлены в условия, при которых они совершили, как минимум, бесчестный поступок. И это не считая тех, кто после распада СССР продолжал служить в вооруженных силах и силовых структурах бывших союзных республик, а значит, был вынужден «переприсягать» независимым государствам, чтобы сохранить свой статус, стаж, право на льготы, иметь перспективу карьерного роста и иные преференции.

Здесь напрашивается еще одно сопоставление: к декабрю 1991 г. советская власть существовала почти 74 года, а Советский Союз – без малого 69 лет. В социально-поколенческом измерении это означало, что в границах политической истории собственно СССР, уже без привязки к Российской империи как государственному образованию, выросло и воспиталось подавляющее большинство его жителей. На момент исчезновения СССР с политической карты мира людям, родившимся не в Советском Союзе (с 1922 г.), было строго хронологически более 68 лет, а родившимся в Российской империи – более 75 лет. Таким образом, к моменту роспуска СССР огромное количество его граждан были органично вплетены в советский общественно-политический строй, не обладая непосредственной личной исторической памятью о Российской империи. Подавляющее число проживавших на территории бывшего Советского Союза к декабрю 1991 г. – это социально-исторически советские люди.

Соответственно, абсолютное большинство бывших советских граждан вольно или невольно по факту разрушения СССР согласились отказаться от вчерашних клятв и присяг, смирились, а то и стали рьяно приветствовать собственное, по сути, самопредательство. Бесследно для сознания такие маневры и переходы вряд ли проходят. Подобного рода трансформации лишь на первый взгляд кажутся малозначимыми. Именно они создают ту самую драматичную общественную атмосферу, которую сегодня в социологии принято называть «социальной травмой» [Тощенко, 2020; Штомпка, 2001]. Органической составляющей социальной травмы, как представляется, выступает острое или притупленное ощущение некой измены, предательства, клятвоотступничества в силу резкой смены идейных приоритетов или отказа от приоритетов как таковых. Естественно в первую очередь речь идет о наиболее совестливых – порядочных – людях.

Любое социально-политическое потрясение, результатом которого выступает кардинальное изменение форм правления, идеологических принципов (светских и/или религиозных), фундаментальный передел собственности, безусловно, значительно трансформируют отношение, не только к внешним обстоятельствам, но и к самовосприятию. Привычные идеалы, праздники, кумиры и ценности утрачивают общественную значимость, объявляются ретроградными или вовсе преступными, заставляя тем самым изменять прошлому во имя благополучия в настоящем и обещаний прекрасных перспектив в будущем. В любом обществе на такую переполюсовку вначале готов небольшой процент граждан. Большинство же занимает выжидательную позицию, обосновывая свою инертность необходимостью решения задач обыденной жизни. Радикально и принципиально противостоящих изменениям также оказывается ограниченное число членов социума. Известные разработки Р. Мертон о социальном конформизме большинства кажутся вполне обоснованными [Мертон, 2006]. Уместно вспомнить и дюркгеймовскую аномию [Дюркгейм, 2006].

Вновь обратимся к сопоставлению трагического и революционного во всех отношениях «фазового перехода» 1917 г. с итогом 1991 г. Сторонникам Российской империи, помнившим клятву, которую они давали «государю и отечеству», спустя 30 лет после ее распада, по результатам победы СССР во Второй мировой войне, можно было успокаивать себя тем, что речь шла лишь о модификации прежней Родины. Советский Союз в 1945 г. фактически «переутвердил» Российскую империю на очередном историческом витке. Сегодня же у тех, кто ностальгирует о Советском Союзе, особенно в национальных республиках, куда меньше уверенности в преемственности. Напротив, в целом ряде случаев имеют место попытки «переподчинения» национальных территорий иным зонам глобального и локального политико-экономического влияния (Вашингтону, Брюсселю, Пекину, Анкаре и т.д.).

СССР как исчезнувший образ гуманистической перспективы развития человечества. Неоднократно приходилось отмечать, что распад Советского Союза означал не абстрактное исчезновение относительно устойчивых правил игры. Он инициировал формирование общей атмосферы турбулентности, временщичества в отношении существования политических систем и государств в рамках новой эпохи. Мало того, он давал основание для ощущения какой-то простоты и обыденности разрушения основ жизнедеятельности сотен миллионов людей.

Никто и не оспаривает тезис, что гибель Советского Союза была точкой отсчета для «новой эпохи». Развал СССР, та легкость, с которой наиболее влиятельные финансово-экономические группы (внутренние и внешние) по совокупности интересов согласились на такой радикальный шаг и последовавший за этим социально-экономический и духовно-нравственный кризис, выступили очередными показателями неспособности совокупного человечества конструктивно справляться с ситуацией созревания цивилизации к переходу на более гуманный пласт взаимоотношений. Вновь проявилась тупиковость вопроса, что делать с огромным числом относительно грамотных людей, которым становятся тесными рамки устоявшихся, говоря марксовской терминологией, «производственных отношений». Гораздо легче оказалось продолжить практику рейдерского захвата обширных социально-экономических пространств не для их дальнейшего развития, а с целью банкротства, продажи и перепродажи «производственных мощностей» по демпинговым ценам, параллельно наращивая влияние инфраструктуры развлечений, решающей задачи по «спасению» миллионов людей от бессмысленности существования.

Давно констатировалось (одними с сожалением, иными с издевкой), что вместе с СССР рухнул проект советского человека. Таким образом, оказалась похороненной (или же в лучшем случае существенно отсроченной) идея о потенциальной возможности выкристаллизации личности духовной, образованной, пытливой, чуждой религиозной, расовой и национальной нетерпимости, переживающей о судьбе всего человечества и одновременно болеющей за развитие своей страны, а также стремящейся к социально справедливому мироустройству. Множество раз отмечалось, что СССР был попыткой формирования социально-ориентированного государства. Даже в горячо обсуждаемом сегодня с легкой руки основателя Давосского форума Клауса Шваба предложении перейти к модели так называемого «стейкхолдеровского капитализма» содержатся отголоски идей, зарождавшихся именно в период острого соперничества «развитого капитализма» с «развитым социализмом» [Schwab, Vanham, 2021].

Уместно напомнить, что в названии нашей прежней Родины «Союз Советских Социалистических Республик» отсутствует этнонациональная привязка. Только фабула политического, кстати, именно демократического устройства («советы») и идеологическая платформа, указывающая ключевой приоритет – «социализм». Налицо презентация сочетания универсального, открытого и повсеместного народовластия с социальной направленностью общественного мироустройства. С учетом сегодняшних фразеологических канонов это была попытка «снятия» противоречия между локальным и глобальным, национальным и наднациональным. В данном ключе можно утверждать, что один из образов идеального будущего – это именно улучшенный, действительно доросший до всемирности СССР.

Однако геополитическая конъюнктура и всеобщая конкуренция перевесили значимость решения задач общецивилизационного характера. Оказалось удобнее в очередной раз в истории заставлять миллионы людей возвращаться в точку нищеты и идейной ограниченности для придания им утилитарных смыслов. Идеологический, политический, организационный и финансовый Центр, некогда активно продуцировавший мирные инициативы, спонсирующий движения за разрядку и разоружение, был радикально нивелирован. Уничтожив СССР, человечество вновь расписалось в неготовности к развитию через синтез и гармонизацию интересов, выбрав очаговое саморазрушение с многократно апробированной стратегией наживы на разграблении и на восстановлении после рецидивов грабежа. Это запустило привычную волну гражданских войн, обеспечивающую отток капиталов, социально-экономический и моральный упадок, привычные сценарии поиска покровителей, финансовых средств для решения задач как военного, так и восстановительного характера. Если выйти за рамки идеологической конъюнктуры вокруг запретов на той же Украине термина «гражданская война» применительно к событиям в Донбассе, следует еще раз констатировать: все военные конфликты, происходившие и продолжающиеся кровоточить на территории государств, некогда входивших в состав СССР, – это по сути одна большая гражданская война, длящаяся уже более 30 лет, отнимающая жизни, калечащая души и высасывающая средства у всех государств бывшего Советского Союза. В результате общий героизм совместной победы советского народа в Великой Отечественной войне постепенно, но настойчиво подменяется вереницей войн, малых и масштабных конфликтов, на территории некогда единого государства.

Прошедшие три десятилетия продемонстрировали: разрушение Советского Союза – общемировая трагедия, характеризующая неспособность глобального управленческого слоя организовывать мировой порядок иначе, нежели через поощрение распадов отдельных относительно самостоятельных его составляющих. Речь не только об СССР, но также и об СФРЮ и ЧССР, а позже о Ливии (Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия), Республике Ирак, Сирийской Арабской Республике, которые, как много раз отмечалось, на уровне официальной идеологии были светскими государствами, во многом ориентировавшимися на социалистические ценности.

Впереди – неопределенность. Последние 30 лет привели к тому, что ощущение нахождения в преддверии какого-то глобального катаклизма почти не оспаривается. Всеобщность информационного пространства, посредством которого тиражируются апокалипсические прогнозы, приносит дополнительные импульсы тревожности. Как справедливо заметил Н. Романовский: «Хотелось бы, чтобы отечественное сообщество социологов сейчас видело и предвидело возможные варианты будущего. Ставки слишком велики» [Романовский, 2015: 20].

Сегодня именно наш поколенческий срез переживает интеллектуально, визуально и физически погружение в реальность кризиса вселенского масштаба. Очевидная спрессованность народов и континентов придает процессу уникальность, поскольку никому не позволяет ощущать свою дистанцированность от эпицентра событий, которого по сути нет, поскольку эпицентром выступает практически все значимое для жизнедеятельности пространство земного шара. Даже популярная и отточенно проанализированная З. Бауманом ретропатия уже не спасает [Бауман, 2019]. Прошлое отодвигается в основных социальных формах все стремительнее, утрачивая даже призрачную почву реальности.

Исчезновение СССР заставило вновь актуализировать ряд привычно неразрешимых задач: 1) возможность организации общественной жизнедеятельности глобального социума вне доминирования принципов и интересов, жидущихся на прибыли; 2) отказ от фундаментальной практики тотального противоборства, в рамках которой государства рассматриваются, прежде всего, как ресурсные единицы; 3) выход за пределы устойчивой поляризации форм социального устройства «мобилизационная модель – общество потребления»; 4) преодоление противоречия между соблазном выстраивания миропорядка на платформе «элитарности» и тяготением к «эгалитарности». Вкратце охарактеризуем каждую из них.

Итак, по-прежнему отчетливо дает о себе знать экономико-финансовая подоплека всех осуществляющихся тактических действий и стратегических планов. Именно на них до сих пор зиждутся нормированность, ритмика и комплексность желаний большинства жителей планеты. Попытки СССР, некогда также плотно вплетенного в логику товарно-денежных отношений, найти какой-то автономный инструментарий и базис существования оказались тщетными. В настоящее время у человечества нет даже минимально приемлемых проектов всеобъемлющей альтернативы общественного устройства, построенного вне интересов извлечения прибыли. Все планетарное сообщество включено в стоимостной миропорядок, задаваемый его условностями и привычными соблазнами. Отсутствуют масштабные позитивные нерыночные и неприбыльно ориентированные эталоны и образцы организации социальной жизнедеятельности. Зато сформировано обоснованное подозрение, что под любыми новыми идеями мироустройства вновь будут просматриваться отнюдь не подлинно общечеловеческие интересы, а известные финансово-экономические расчеты. Например, на поверку оказывается, что и «зеленая» экономика может быть не менее спекулятивной (а следовательно, фиктивной именно по высшим критериям человечности), нежели нынешняя «не-зеленая».

Мы продолжаем являться свидетелями того, как параллельно с прекраснодушными помыслами искренних гуманистов идет оценка мобилизационного ресурса стран, зрелости, гибкости и оперативности деятельности их институтов в осуществляемом и перспективном противоборстве. Эти хорошо знакомые по прежним «цивилизованным» временам замеры потенциала прочности государств производятся, исходя из известных (скрытых, а порой и откровенно артикулируемых) целей, сутью которых выступает очередная модификация угнетения.

Большинство аналитиков напоминают, что в отличие от знаковой матрицы Второй мировой войны в настоящий момент нет делений, подобных противопоставлению «стран оси» и «антигитлеровской коалиции». Навязываемая очередная идеологическая дуальность – «авторитаризм-демократия» – не конституировалась. При этом тотальная война обостряется – экономическая, социально-психологическая, информационная, институциональная (в политике, медицине, образовании и т.д.). По всем данным показателям она ведется на выносливость и устойчивость весьма разнопланово и изоощренно. Но ведь хорошо известно: военная обстановка – экстремальное состояние социума. Такое сопоставление означает, что целью, единственной сверхзадачей, выступает выживание ценой жертвенности. Однако различные модификации мобилизационных мероприятий пока не привносят подлинных революционных изменений в содержание социальных отношений, продолжая воспроизводить героизм (например, честных врачей, правоохранителей, волонтеров) на одном полюсе наряду с мародерством и стяжательством на ином.

В очередной раз заметим: вряд ли голодные и обездоленные, тем более обозленные свалившейся на них нищетой, люди способны к социальному созиданию по критериям добра и справедливости. И здесь, кстати, кроется историческая трагичность периодического идейного доминирования левых партий и движений, обусловленная, как правило, надвигающимися или разворачивающимися кризисами. Ведь до сих пор их политический успех зачастую оказывался обусловлен рамками привычной логики, охарактеризованной П. Сорокиным в его работе «Голод как фактор» [Сорокин, 2021]: снижение материального достатка как триггер к росту привлекательности идеологии социальной справедливости. Пока мало предпосылок для организационно-политического доминирования идейных концептов, базирующихся на осознании необходимости поиска нового солидарного социального неэгоистичного пути развития с опорой на материальную обеспеченность.

Как представляется, самосознание справедливой жизни должно (опять-таки пока лишь в идеале) не опираться на страх перед обездоленностью, не выступать реакцией на личностную и/или общесоциальную катастрофу, а базироваться на целом комплексе внешних благоприятствующих факторов и внутренних убеждений в здравости, полезности искренней жизнедеятельности на платформе гуманного совершенствования. Отход от

«общества потребления» вряд ли способен опираться на принципы нищенского существования и насильственного ограничения. Вновь приходится вспоминать о так и не реализовавшихся в Советском Союзе попытках создания идейного и действительно практического базиса по культивированию разумных потребностей [Донченко и др., 1984].

На поверку продолжает иметь место вечное колебание между мобилизационными практиками и абсолютизацией вещиизма. Впрочем, в периоды мобилизации многие не перестают вполне обоснованно мечтать о том, чтобы как можно скорее дожидаться времен раздолья потребительства. В категоричной форме можно утверждать, что в истории человечества не было содержательного «общества потребления». Имело место или «общество недопотребления», или «общество перепотребления» (для определенной части социума). Сколь-нибудь многолетнего периода доминирования сознательной умеренности не было. Иначе тот же советский человек не купился бы на внешний соблазн «изобилия» западного образца, в результате которого Советский Союз был развращен и уничтожен низкопробными потребительскими цунами. Эксперимент по построению социализма в отдельно взятой стране в агрессивно-потребительском окружении оказался провальным. Гибель СССР, напомним в который раз, отчетливо продемонстрировала бесспорную истину: никоим образом в нашем взаимосвязанном мире не может сложиться гармоничное локальное общество.

Сегодня, пусть и с оговорками, уместно утверждать: хорошо известная формула «каждый по способностям, каждому – по потребностям» имеет потенциал к реализации. Только уровень потребностей оказывается несколько иным, чем тот, о котором мечтали и продолжают мечтать последовательные гуманисты. Ведь марксистами подразумевался едва ли не эталонный спектр потребностей у всего творчески и морально ориентированного человечества. У современной объединенно-разъединенной глобальной цивилизации достаточно ресурсов для безбедного существования миллиардов. Однако эта давно установленная банальщина не отменяет устоявшейся сконфигурированности общества на принципах жесткой иерархической зависимости, эксплуатации и социальной несправедливости. Равно как и создана колоссальная по распространенности и оснащенности технологическая платформа для общества открытости. Но способна ли она инициировать переход от официальной и неофициальной «просвечиваемости» каждого к искренности всех субъектов, особенно представителей верхних эшелонов политической и экономической структур, – вопрос более чем риторический.

Вновь выпятилась дилемма, которая сопровождает всю социальную историю человечества. Сквозь обоснованную активизацию полемики о чипировании, биолабораториях, «электронном концлагере» и т.д. в осадке все сводится к давно известному жесткому самоопределению каждого вовлеченного в политическую, научно-образовательную и экспертную сферы деятельности. Речь идет о главном ориентире и, соответственно, логике действий/бездействий. Либо этот ориентир направляется на удержание в модифицированном виде иерархического принципа организации общества, либо же, напротив, во главу угла ставится убежденность в необходимости всестороннего и всеобщего реального просвещения, создания базиса для сознательного социума образованных и социально ответственных личностей. Нынешняя ситуация в острой форме рисует извечные две траектории – элитарность и эгалитарность. Стоит напомнить в контексте исторических событий, связанных со Второй мировой войной и с ролью в ней СССР, что в макромасштабе в середине прошлого века схлестнулись те же две версии мировоззрения: «элитарность» германской нации, стоящей, как казалось ее представителям, на вершине иерархии народов, и эгалитарность, антисловность коммунистической идеологии Советского Союза (пусть даже и с привязкой к возрожденческому военно-историческому символизму Российской империи). Именно победа советского народа над фашизмом не только похоронила популярный глобальный расово-элитный проект, но и обеспечила импульс для снятия расовых предрассудков во всем мире, включая и США.

Во многом благодаря полемике о борьбе с коронавирусом посредством применения технологий повсеместного слежения за приватной стороной жизнедеятельности граждан в публичном пространстве вновь актуализировался стародавний вопрос: знания должны быть направлены на *всеобщее* просвещение или ограничиваться грамотностью *только* «избранных», которым на этом основании позволено манипулировать малообразованным населением? Новый технологический виток пытаются, как и ранее, использовать для удержания незыблемости глобальной иерархии, сохраняя высокий уровень, с одной стороны, образованности и компетентности для «достойных» и, с другой стороны, неразвитости, ограниченности и примитивности под маской первичной грамотности для большинства. И в этом ключе фантомные боли Советского Союза с его официальной ориентированностью на массовость, престижность и качество образования не дают покоя нашим современникам.

Выводы. При любых оценках Советского Союза, даже спустя 30 лет после его разрушения, невозможно обойтись без столь нелюбимой профессиональными социологами-теоретиками политизированной составляющей анализа. До сих пор явно или подспудно осуществляется замер «уровня апологетики» авторов по отношению к СССР, моментально формируя соответствующую стигматизацию по всему спектру симпатий и антипатий. Советский Союз продолжает быть противоречивым ориентиром из недавнего столетия, реперной точкой, как минимум, для постсоветских стран, включая и страны бывшего Варшавского договора. Он воспроизводит постоянный спор прошлого и настоящего с нереализовавшимся будущим, порождая известные, хотя и малопродуктивные, вопросы о возможном развитии событий в случае сохранения СССР.

Будущее потому и представляется неопределенно тревожным, поскольку опыт Советского Союза по созиданию творческого, гуманистически ориентированного человека оказался нивелирован, если не сказать опошлен и осмеян. Без преувеличения можно констатировать: в настоящий момент вся мощь прогностических государственных и международных институций оказывается тщедушной, мало- или вовсе неэффективной. Ведущие политики, ученые и аналитики или честно признаются в бессилии просчитать последствия происходящего, или дают оценки, которые вряд ли могут претендовать на основательность. И в этом сказывается существенное влияние событий тридцатилетней давности, когда полиэтнический, внерелигиозный, прогрессистски глобально ориентированный проект общественного устройства был свернут и предан остракизму.

Явно или подспудно ностальгия по советскому прошлому зиждется именно на чем-то несбывшемся хорошем, пусть даже и весьма сказочном. Целенаправленно (специально не употребляется категория «заставить») миллионы людей жить гуманно-содержательно оказалось не под силу. Фатальная судьба СССР – это судьба совершенных идей, столкнувшихся с невозможностью их массового и добровольного воплощения. Возможно, 30 лет назад человечество упустило шанс на мирное переустройство в гуманном русле своего развития...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.
- Донченко Е.А., Сохань Л.В., Тихонович В.А. Формирование разумных потребностей. К.: Политиздат, 1984.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13–22.
- Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.; СПб.; Сыктывкар: ЦГИ, 2021.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
- Штопка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Schwab K., Vanham P. Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. Hoboken, NJ: Wiley, 2021.

Статья поступила: 08.06.21. Финальная версия: 13.06.21. Принята к публикации: 14.06.21.

USSR AS A MIRROR OF AN UNREALIZED HUMANISTIC PERSPECTIVE

YAKOVENKO A.V.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Ukraine

Andrei V. YAKOVENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Sociology and Social Technologies, Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Ukraine (6daoav@rambler.ru).

Abstract. Based on statistical data on the population in the two largest republics of the former Soviet Union, it is concluded that a significant demographic resource of citizens born in the USSR has been preserved. Examples are given of social sections that act as carriers of the memory of the Soviet Union. In particular, considered are: infrastructure layer; technological heritage; cultural standards; phraseological canvas. Particular attention is paid to the phenomenon of "oath-apostasy", initiated by an abrupt change in the political system and the disappearance of the state. "Oath-apostasy" is analyzed in line with the well-known theory of "social trauma". The author defends a position according to which, with the destruction of the USSR, another attempt to create a collective community, alien to narrowly focused and primitivized needs, was leveled. The usual strategies in the "destruction-restoration" logic were implemented. The collapse of the Soviet Union again exacerbated a number of habitually insoluble problems: the possibility of organizing social life of a global society outside the dominance of principles and interests based on profit; rejection of the practice of total confrontation; going beyond the limits of stable polarization of forms of social structure ("mobilization model – consumer society"); overcoming the contradiction between the temptation to build the world order on the platform of "elitism" and the gravitation towards "egalitarianism". It is emphasized that the desire to destroy competitors has led to absolute uncertainty in the parameters of the near and distant future, with the prevalence of skeptical and even apocalyptic forecasts regarding the prospects for human development.

Keywords: USSR, generation, Soviet, social trauma, humanity.

REFERENCES

- Bauman Z. (2019) *Retrotopia*. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Donchenko E.A., Sohan L.V., Tihonovich V.A. (1984) *Formation of Reasonable Needs*. Kiev: Politizdat. (In Russ.)
- Durkheim E. (1994) *Suicide: A Study in Sociology*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST: AST MOSCOW: KHRANITEL. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2015) Future as a Problem of Contemporary Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 13–22. (In Russ.)
- Schwab K., Vanham P. (2021) *Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet*. Hoboken, NJ: Wiley.
- Sorokin P.A. (2021) *Hunger as a Factor: The Impact of Hunger on People's Behavior, Social Organization and Social Life*. Moscow; St. Petersburg; Syktyvkar: TsGI. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Cultural Trauma in post-Communist Society (article two). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Social Change as Trauma (article one). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Received: 08.06.21. Final version: 13.06.21. Accepted: 14.06.21.